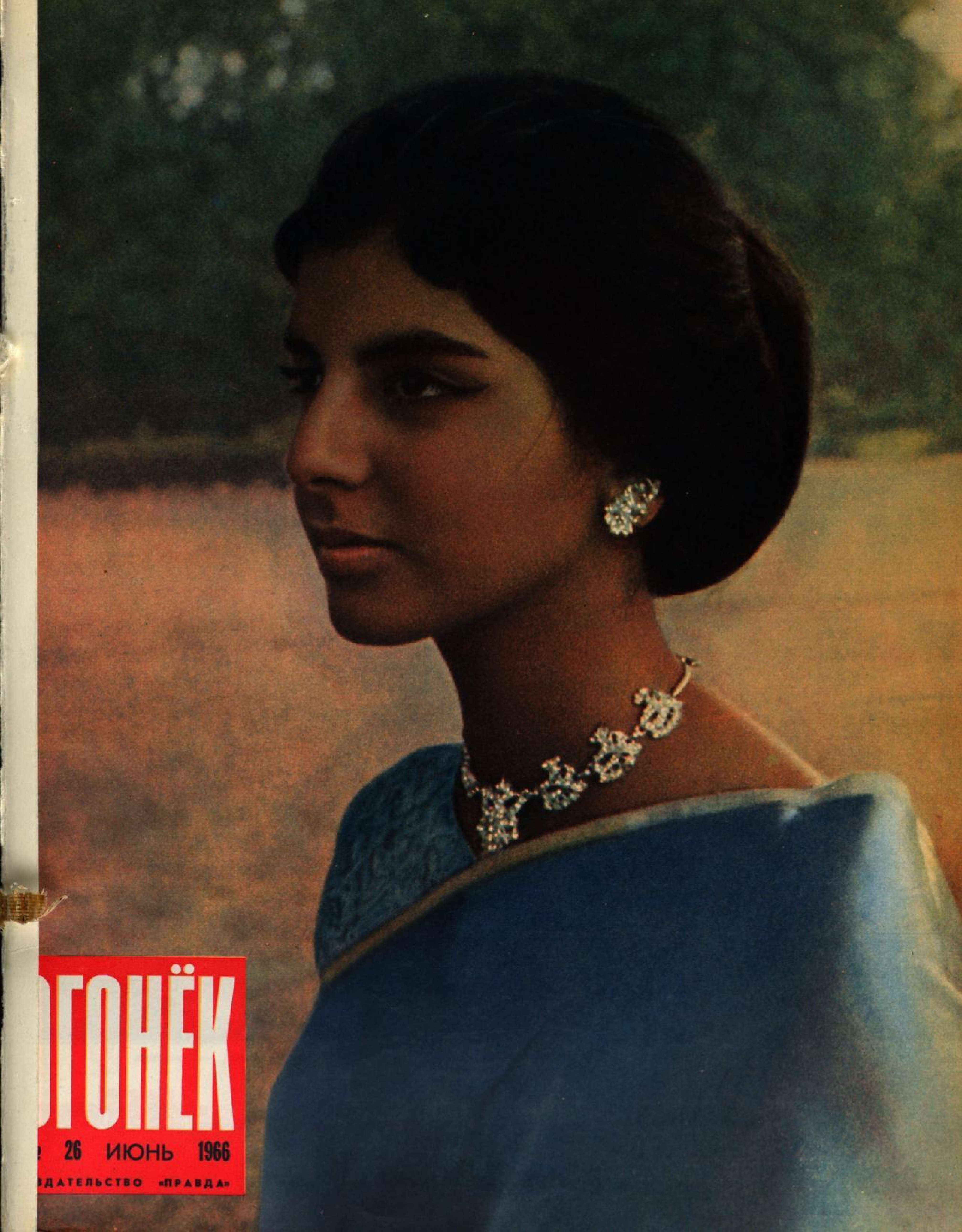

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 26 (2035)

26 ИЮНЯ 1966

44-й год издания

Сегодня — День советской молодежи

Лида Манегина, Людмила Афанасьева и Аня Яковлева — хлеборобы из Ильинского.

Водила молодость...

Г. БЕЛЯКОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Утро рождается летнее, солнечное. Причудливыми столбами зеленого дыма высятся посреди села ракиты. Покоем веет от их широко разросшихся вершин. Село пробуждается. Слышишь, будто выстрел треснул сухо и коротко. Это пастух балует кнутом. А вот от реки, из кустарника, словно кто-то прострочил звонкой очередью. Это соловей встречает рассвет.

Четверть века назад было иначе. Выстрелы — из противотанковых ружей. И очереди — пулеметные...

В сущности, они были еще мальчишками. Они только готовились стать взрослыми, учились курить и старательно скоблили бритвами гладкие щеки. В октябре немцы неожиданно прорвали фронт и овладели городом Юхновом. Путь к Москве на этом участке фронта был открыт.

Но были курсанты пехотного и артиллерийского училищ. Их подняли по тревоге. Они пришли и заняли линию обороны, проходящую возле села Ильинское.

Много их, молодых ребят, спит в братских могилах.

Что это за рокот? Слышишь — лязг гусениц...

Спите, ребята, спокойно. Это трактор отправился в поле. И сидит за его рычагами парнишка Костя Козлов. Кабина открыта, и ветер, врываясь в нее, бьет парню в лицо запахом трав, шевелит выцветшие на солнце волосы.

Чьи это деловитые голоса? Какую линию провел по картё карандаш? Может быть, здесь проляжет траншея?

Нет, это склонились над картой совхоза совсем еще молодые люди. Они приехали сюда, чтобы вырастить хлеба, посадить сады, построить большие дома. А линия на карте — новая улица.

Нас водила молодость в сабельный поход.
Нас бросала молодость на кронштадтский лед...

За столом — директор совхоза Николай Симаков. Он в резиновых сапогах, в кожаной куртке. Директору тридцать лет. Мало или много? Ему кажется, много. Среди совхозного комсостава он самый старший. Ведь его помощники — инженеры, зоотехники, механики, врачи — народ и вовсе зеленый.

Все началось два года назад. Стояли мужики возле конторы, переглядывались, курили злой табак и, показывая на вывеску, едко бросали:

— Скоро, видать, пионеры приедут руководить. И совхоз назовут пионерско-детским...

На вывеске было написано: «Комсомольско-молодежный совхоз».

А произошло вот что. Секретарь Малоярославецкого райкома комсомола Николай Симаков, инструкторы и члены бюро — агрономы, инженеры, зоотехники —

Продолжение — на стр. 4.

СОВЕТСКАЯ СТОЛИЦА ПРИВЕТСТВУЕТ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

Французским «Каравеллам» знаком путь в Москву. Советские «ИЛы» — частые гости в Париже. Воздушный мост между столицами СССР и Франции действует давно и исправно.

Но та «Каравелла», которая приземлилась 20 июня на Внуковском аэродроме, была особенной. Она доставила в Москву высокого гостя — Президента Французской республики Шарля де Голля. И москвичи сердечно и торжественно встретили человека, одного из руководителей антигитлеровской коалиции, имя которого хорошо известно в нашей стране с грозных военных лет, когда советские люди и патриоты Франции вместе сражались против общего врага.

В эти дни невольно приходят мысли об исторических традициях дружбы и взаимной симпатии между народами наших стран. Не случайно об этих традициях так много пишут сейчас и у нас и во Франции. Да, история помогает понять настоящее, она может указать пути в будущее. История свидетельствует, что дружеские отношения между Францией и Советским Союзом — важный фактор в обеспечении мира и безопасности в Европе.

Приехав в Москву, генерал де Голль заявил, что Франция считает своим долгом объединиться с Россией «более, чем когда-либо, тесно ради великого дела мира». Реалистическая внешняя политика сегодняшней Франции, ее стремление к безопасности в Европе находят понимание в нашей стране, и Советский Союз готов сотрудничать в благородной задаче создания прочных основ мира на нашем континенте и в конечном счете во всем мире.

В Кремле начались советско-французские переговоры. На них представлены самые ответственные руководители обеих стран. Коммюнике сообщают, что эти переговоры проходят в атмосфере откровенности и сердечности. Этому рады и во Франции и в Советском Союзе.

Вот почему так тепло встречали москвичи Президента Франции во время его поездок по нашей столице. Вот почему, несмотря на дождь,

КУРС–СОТРУДНИЧЕСТВ

тысячи москвичей с маленькими французскими флажками стояли на Советской площади, перед зданием Моссовета, и слушали выступление Шарля де Голля. И аплодисменты, прокатившиеся над площадью в тот момент, когда Президент Франции провозгласил здравицу в честь советско-французской дружбы, были горячим одобрением его миссии и советской политики сотрудничества во имя мира.

Рукопожатие наших народов в Москве — это вклад в фундамент мира.

●

Внуковский аэродром. Москвичи приветствуют де Голля.

●

В Кремле начались советско-французские переговоры. С советской стороны в них участвовали Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. С французской стороны участвовали генерал Шарль де Голль, министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвилль.

●

На Советской площади тысячи москвичей слушали выступление Президента Франции.

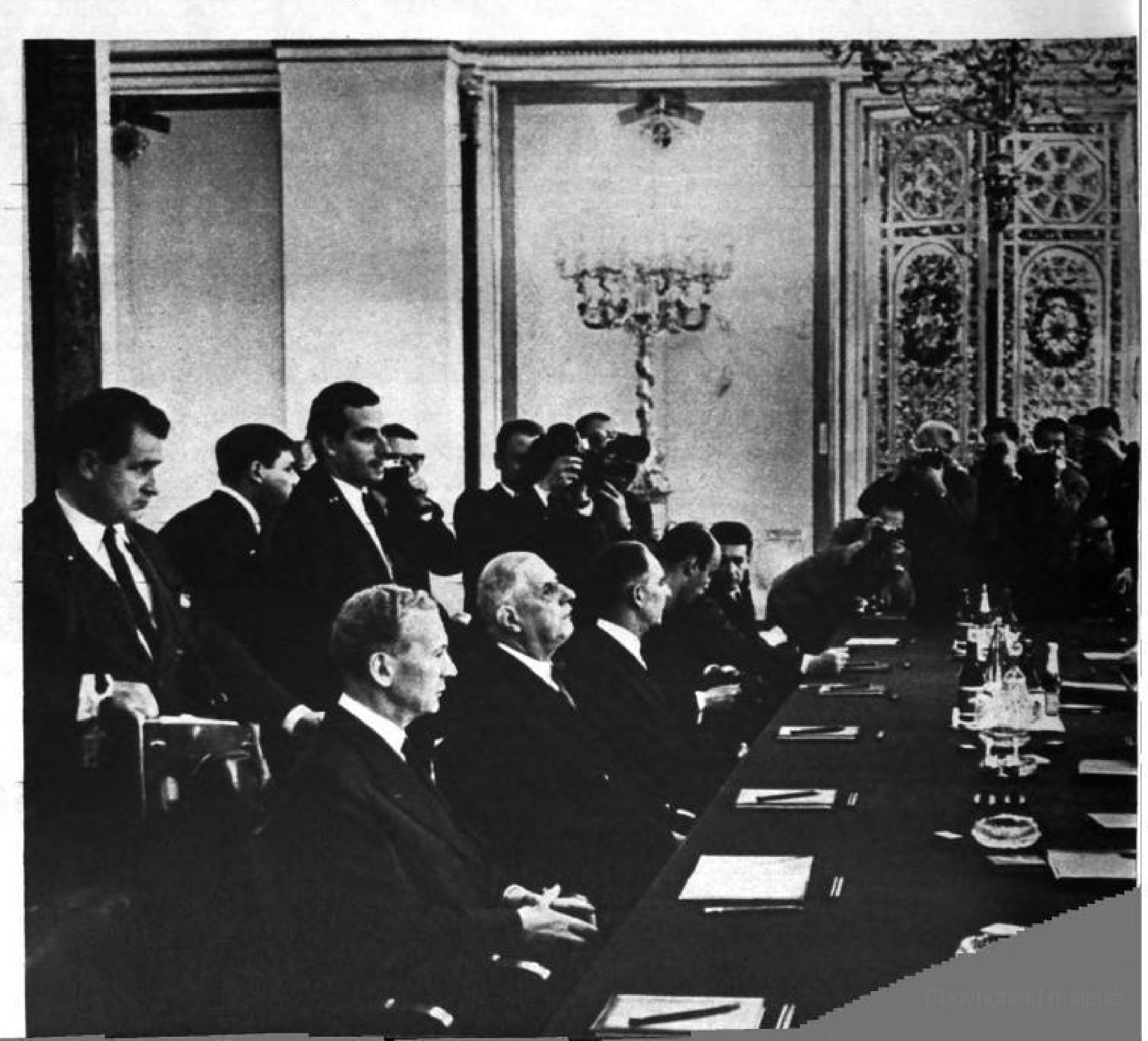

Фото Е. Умнова и А. Гостева.

ФРАНЦИЯ ОДОБРЯЕТ

«Говорит Москва!» Эти слова донес до парижан в прошлый понедельник советский спутник связи «Молния-1». Передавался прямой телевизионный репортаж о прибытии в Москву генерала де Голля. Качество изображения было хорошим. «Советский спутник служит интересам французских телезрителей. Добрый признак! Это и есть сотрудничество»,— сказали мне коллеги из парижского телевидения. «Говорит Москва!», «Говорит Новосибирск!», «Говорит Ленинград!»

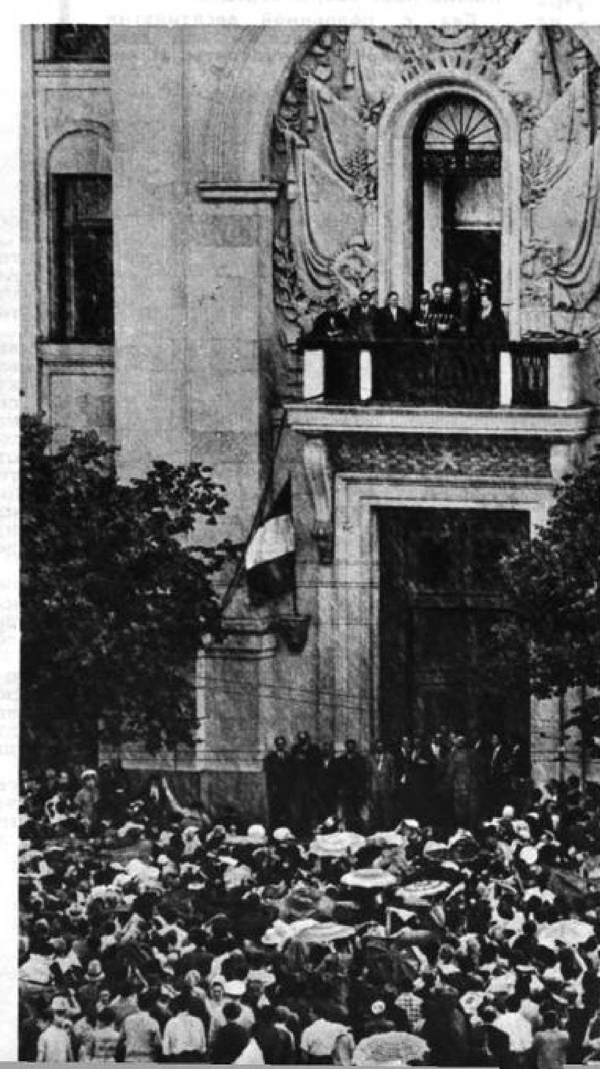
Теперь эти слова звучат несколько раз в день по парижскому радио и телевидению: специальные корреспонденты рассказывают о визите президента Франции в Советский Союз. Французы уже знают много о Москве и о тех городах, которые посетит во время своей поездки по Советской стране глава французского государства. В витринах у зданий редакций многих крупных парижских газет можно увидеть сейчас географические карты с изображением маршрута поездки генерала де Голля — десять тысяч километров по Советской стране! У этих карт всегда останавливаются прохожие.

Пожалуй, с особым интересом ожидают французы визита своего президента в город-герой на Волге, который остался для них символом освобождения народов Европы. Парижане сейчас вспоминают, что когда генерал де Голль, глава правительства Франции, посетил в 1944 году Советский Союз, он преподнес городу-герою на Волге шпагу почета в знак высокого уважения Франции к подвигу народа, разгромившего нацистских агрессоров.

Визит генерала де Голля совпал с двадцатипятилетней годовщиной нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. И парижская пресса, рассказывая своим читателям об истории франко-советских отношений, не забыла этой даты. Газеты напомнили, как, узнав о предательском нападении нацистов на СССР, генерал де Голль направил к советскому послу в Лондоне Майскому своих парижских советников и просил их заверить советского посла, что симпатии французского народа на стороне Советского Союза в борьбе против гитлеровцев и что он, генерал де Голль, желал бы обменяться с Советским Союзом военными миссиями. Так началась богатая событиями история франко-советского боевого сотрудничества в годы прошлой войны.

О И ДРУЖБА

Мы много говорили на днях об этом сотрудничестве с генералом Леоном Кюффо, начальником центрального аэроклуба Франции. Генерал служил в годы войны в знаменитом авиационном полку «Нормандия — Неман». Он награжден Советским правительством орденами Красной Звезды и Александра Невского. В своем кабинете на улице Галилэ, в 16-м округе Парижа, генерал достал из ящика письменного стола старую, потрепанную тетрадь, на страницах которой неровными русскими буквами были записаны самые популярные советские песни военных лет. Генерал Кюффо довольно хорошо говорит по-русски.

— Частенько мы принимаем у себя в Париже советских друзей,— рассказывает он.— Мы, французские летчики, научились в России любить не только своих товарищей по оружию, но и весь советский народ, который так мужественно сражался и который так много перенес в годы войны. По достоинству мы оценили роль, которую сыграл Советский Союз в освобождении Франции и Европы. Это осталось в глубине наших сердец. И теперь надо, чтобы франко-советское сотрудничество развивалось как залог мира в будущем. Вот почему я искренне рад визиту генерала де Голля в Советский Союз.

Французы действительно искренне надеются, что нынешняя франко-советская встреча будет содействовать скорейшему решению крупнейшей европейской проблемы — установлению мира и безопасности на нашем континенте. Писатель Арман Лану, лауреат Гонкуровской премии, не принадлежащий ни к какой политической партии, так высказал свои мысли в беседе со мной:

— Представьте себе, что когда сильный ветер дует в Москве или Ленинграде, его порывы доходят сюда и колышут листья деревьев в моем саду. Франция и Советский Союз находятся на одном континенте, и этого французы не забывают. Поэтому наши обе страны невольно как бы спаяны друг с другом. Судьба нашего континента, спокойствие народов во многом зависят от франко-советской дружбы.

Идея необходимости развития франко-советских отношений завоевывает все более широкие слои французского населения. Парижская газета «Комба» в день приезда генерала де Голля в Москву с полным основанием заявила: «Визит в СССР главы нашего государства безоговорочно одобряется всей французской нацией».

А. ПОТАПОВ

Париж, по телефону.

Здравствуй, племя младое!

Нас водила молодость...

Начало — на стр. 1.

Новоселы Шелухины, Раиса и два Александра — отец и сын.

поехали в деревню, в совхоз. Не в очередную командировку, нет. Чтобы жить в совхозе, работать в совхозе, руководить совхозом. Более тридцати человек с высшим и специальным образованием. Возраст самый комсомольский: от двадцати до двадцати семи лет...

И вот огромное, разбросанное хозяйство сдвинулось и, все увереннее набирая скорость, пошло в гору. Минуло два года, совхоза не узнать. За успехи ему вручили знамя.

...Пылит «газик» по дороге. Остановился.

— Как дела, хлопцы? — спрашивает директор.

— Сеем помаленьку. Да народу не хватает. Давай с нами, директор, коль от массы оторваться не желаешь!..

— Ну что, тряхнем, Юра, старинной?

— Тряхнем, — отвечает главный агроном Юра Иванов.

И тряхнули. Только мешки замелькали. И пот на лбах заблестел, и спины заныли. Молодцом держатся руководители. Комсомольский азарт.

Заведующая клубом, секретарь совхозной комсомолии Валя Косатюк запрягла в тележку коня Зайчика, и мы поехали в соседнее отделение. День был нежаркий, с влажным ветерком. Вдоль дороги — березняк, ельник, дубы, сосны, ракиты...

Я искоса поглядываю на строгий профиль секретаря. И откуда в ней в двадцать лет столько неуемной деловитости, хозяйственной озабоченности? И ведь как умеет зажечь молодежь! В клубе сразу после сеанса козой вспрыгивает на сцену.

— Комсомольцы, не расходиться!

— Что еще стряслось? — слышится недовольный голос.

— Хлеб на току горит. До утра ждать нельзя. Добровольцы — на работу!

— Выдумала, на ночь глядя. Мы и так целый день...

Валя презрительно глянула в сторону говорившего, свела черные брови.

— Значит, пусть гибнет?

И стало тихо.

— Мы пойдем! — крикнули сразу несколько девчонок, и зал ожил, зашевелился, повалил на улицу. А прошли девчата метров двести, оглянулись — нескладной толпой, грузно топая, догоняла их ребячья ватага. Что потом было? Была работа. Да еще какая! Все сделали. А засветилась зорька — неведомая сила снова швырнула всех в клуб, и видавшие виды половицы не могли упомнить такой удалой пляски.

...Колеса поскрипывают. Тележка покачивается. Валя покрикивает на своего Зайчика. И рассказывает, рассказывает мне о своих друзьях. О Николае Малюженкове, которому чуть больше двадцати, а он уже механик и заведует всей техникой. О том, как, узнав, что к утру будет мороз, всю ночь Малюженков утюжил восемь гектаров пашни — засыпал борозды с набросанным туда семенным картофелем. О девчатах из села Боболи, которые нынче добровольно создали молодежную ферму.

...Заросли травой бетонированные доты. Стали похожими на мирные погреба. Лишь исковерканная, ржавая арматура рассказывает повесть о том, как горела земля, как шли тут в первый и последний свой бой мальчишки в новеньких гимнастерках. И, умирая, они дрались за жизнь. Заматывали раны бинтами и продолжали стрелять. И каждый их выстрел кричал: «Жив! Жив! Жив!..»

...Ночь над селом. С юга плывет и плывет теплый ветер. Хорошо. Рядом в кустарнике — соловей. И чей-то смех... И чьи-то голоса... Жизнь идет своим чередом.

Два с половиной десятилетия прошумели, пронеслись над землей. Крепко спят курсанты. И видят себя молодыми...

Под летним солнцем.

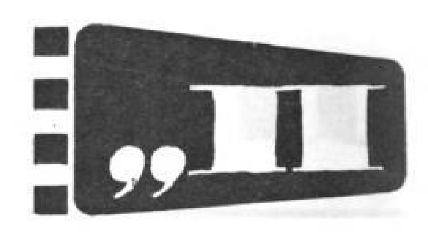
— Это надо обдумать...— Директор совхоза Н. Симаков и главный инженер А. Захматов.

Наши интервью

Свою радость по поводу премий японские девушки свободно выражают по-русски: ведь Масуко Усиода училась в Ленинграде, а Екко Сато занимается в Москве.

УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА — БРАВО!

— Больше, чем архитектура, больше, чем все иные достопримечательности, в Париже меня заинтересовали люди, — рассказывает Анатолий Колошин, автор только что вышедшего на экран документального киноочерка «Парижане».

Спокойно, ненавязчиво ведет нас автор фильма по городу. Мы побывали и на Монмартре, славящемся художниками, и в автомобильном салоне, заглянули в кафе и на канареечный рынок, увидели юношу, танцующего на улице просто так, от избытка чувств, и студентов латинского квартала, углубленных в науку. А вот кадры французской кинохроники — славные герои Сопротивления живут в памяти каждого.

Необыкновенно выразительны памятники жертвам фашизма на кладбище Пер Лашез: памятники погибшим в Маутхаузене, в Равенсбруке, Освенциме...

За 15 минут, что идет фильм в зрительном зале, мы чувствуем воздух Парижа, ритм его жизни, видим, чем заняты и озабочены люди, как они отдыхают и веселятся.

Парижане, сосредоточенные и веселые, доброжелательные и ироничные, любящие жизнь и радующиеся ей, — вот какими мы увидели их на этой маленькой ленте.

Г. СМЕТАНИНА

Жозеф КАЛЬВЕ,
президент конкурса Жака Тибо

От имени всех французских музыкантов, от имени организаторов конкурса Жака Тибо я приветствую конкурс Чайковского. И говорю «Браво!» всем участникам.

Я впервые в Москве и в отличие от многих моих коллег впервые заседал здесь в жюри. Должен сказать, что я поражен размахом конкурса. Он главное событие культурной жизни всей столицы. О нем ежедневно сообщает радио, телевидение, пишут газеты и журналы, и толпы слушателей переполняют залы. Такое происходило на всех турах соревнований и виолончелистов и скрипачей, а ведь программы их были трудны не только для исполнителей, но и для слушателей. Тем не менее, когда бы я ни обернулся в зал, я видел за своей спиной тысячи устремленных на сцену глаз, видел людей, сидящих на ступеньках и стоящих в проходах, и все они сливались с исполнителем, ни шорохом, ни вздохом не нарушая атмосферы конкурса. У нас конкурс Жака Тибо проходит более камерно, занимая и привлекая в основном специалистов.

Но есть и много общего у этих двух, я бы сказал, наиболее серьезных соревнований скрипачей. Это серьезность и трудность программы, правда, у вас программа больше, обширней. И там и тут в жюри ведущие, знаменитые музыканты. Советские скрипачи Давид Ойстрах и Леонид Коган — я их считаю величайшими скрипачами мира, равно как и превосходными педагогами,— нередко заседают в нашем жюри, так же как и уважаемые маэстро Сигети, Цимбалист и другие. И тот и другой конкурсы стремятся открыть молодые таланты и помочь их дальнейшему становлению. Тут я должен сказать, что в вашей стране великолепно поставлено воспитание музыканта. С 5—6 лет, если он одарен, им занимаются, его пестуют, им руководят, о нем непрестанно заботятся—и так до тех пор, пока он не станет абсолютно зрелым. В этом году во Франции правительство тоже предприняло шаг по улучшению воспитания талантов. В Парижской государственной консерватории лучшие выпускники участвуют в конкурсе, и те, кто получил I премию, остаются заниматься еще на 3 года за счет государства — вроде вашей аспирантуры. Все это очень важно для воспитания музыканта. Правда, я считаю, если у человека нет сердца, если он духовно беден, его ничему не научишь, он никогда не будет играть с душой, горячо, какую бы школу ни прошел. Но школа должна дать технику которая позволила бы человеку выразить то, что в нем заложено. Когда играл Виктор Третьяков, даже жюри не думало о том, какая у него техника: в его музыке была душа, сердце. Олег Каган совсем иной — он уже настоящий артист. Я считаю скрипку очень трудным инструментом, но когда она была в руках Кагана, я об этом забывал. Блистательно играют обе японки. Мне кажется очень яркой и очень интересной индивидуальность Ёкио Сато; несмотря на очень маленькую руку, она великолепно владеет техникой. Заинтересовали меня и юный Зиновий Винников, так серьезно, превосходно исполнивший Баха, и опытный, зрелый музыкант Олег Крыса. Все они воспитанники единой — советской школы. Но в том и проявляются достоинства педагогов, что они не заставляют студента копировать себя. Конечно, советским скрипачам повезло и с наследством — они наследники большой русской музыкальной культуры. Отсюда и вкус и манера исполнения: никто не играл на публику, стремясь ее покорить. С большим уважением относятся они к тексту, который играют; поэтому Чайковский звучит иначе, чем Брамс, иначе, чем Глазунов, но так, как только и должен звучать Чайковский, величайший мелодист. Это не значит, что Чайковского сегодня на конкурсе играют так же, как играли его современники, но от первой до последней ноты — я чувствую — это Чайковский, скрипка выражает его мысли, его думы, его душу.

Однажды я сыграл «Сонату» Баха быстрее, чем указано в подлиннике: мне это показалось прогрессивным,— и Жак Тибо сказал мне: «Дорогой Жозеф, если все погонятся за ритмом века, как будет звучать Бах через 100 лет?»

Когда порой я слышу музыку некоторых современных композиторов и вижу, как исполнитель то стучит смычком по скрипке, то ударяет по ней с обратной стороны, я говорю: «Может, это очень свежо и ново, но изобретайте для такой музыки другие соответствующие инструменты и оставьте в покое скрипку и виолончель; от таких звуков у меня начинаются колики в животе. Конечно, чтобы обратить на себя внимание, можно пройти голым по улице, и некоторые молодые композиторы сознательно ставят себя в такое положение, но они лишь уподобляются герою сказки Андерсена «Голый король».

Я очень рад, что на этом конкурсе подобная музыка не звучит.

А в заключение мне хочется сказать, что я очень жалею, что так поздно приехал в вашу страну, что мой удел уже заседать в жюри, а не участвовать в таком замечательном соревновании музыкантов, каким является конкурс Чайковского.

Фото Е. Умнова.

Советскому скрипачу Виктору Третьякову присуждается I премия и золотая медаль.

А конкурс продолжается. Теперь в центре внимания пианисты и вокалисты. Французский пианист Франсуа Жоэль Тиолье.

Слушатели в Мише Дихтере уверены, а вот родители беспокоятся — даже специально приехали на конкурс из США.

арижане“

В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась выставка французской скульптуры и графики «Роден и его время».

На снимке: в зале выставки.

Фото А. Бочинина.

Фото ТАСС, ЮПИ.

Два танкера — английский и американский — столкнулись вблизи берегов США.

Стенды этой выставки, которая открылась в Кабуле, рассказывают афганцам о развитии сельского хозяйства в среднеазиатских республиках Советского Союза.

Это Амстердам. Здесь недавно во время демонстрации строительных рабочих разгулялось полицейское плечо: более 60 демонстрантов получили ранения. Варварские действия полиции против рабочих, защищавших свои права, вызвали волну возмущения в Голландии.

ФЛАГИ НАД ЛУД

На белом «Москвиче» летает он по румынским дорогам. Неделя на стройке в Борзеште, две или три в Лудуше — и снова впереди дорога. Он руководит группой советских энергетиков. Только в Лудуше уже больше года трудятся двадцать наших инженеров. Мы еще будем иметь возможность познакомиться с ними, но сначала о нем, главном консультанте по энергетике. Он обладает счастливой способностью новых друзей превращать в старых. Его зовут Николай Пименович Ткаченко. Он здесь уже пятый год. В тот день, когда мы познакомились с ним в Бухаресте, Ткаченко писал письмо своему другу в Грозный, откуда недавно приехал. Николай Пименович дал прочитать мне письмо, и я привожу отрывок из него с разрешения автора, полагая, что этот документ лучше всего введет читателя в курс событий, о которых пойдет речь.

«Дорогой друг!

Недавно опять побывал на Лудуше. Стройка огромная, темпы взяты настоящие, и наши хлопцы — их здесь двадцать инженеров,— и румыны, и чехословацкие специалисты живут, как одна семья. Коллектив сложился дружный, талантливый, упорный. Понимать научились друг друга с полуслова, особенно когда трудно или что-нибудь не ладится. Румынские друзья считают эту стройку наиважнейшей, называют ее вступлением в будущее. Но и в Борзеште и на других стройках я вижу то же самое — люди наши вкладывают в дело всю свою душу. Если надо работать десять часов или двенадцать, то и работают. Не за страх и уж, конечно, не за деньги, а за совесть, понимая, какой важный это период для румынской экономики».

Вспомните, чем был для нашей страны в тридцатых годах Днепрогэс! То же сегодня Лудуш представляет для Румынии. Маленький этот городишко, окруженный кукурузными и свекловичными полями, известен был, пожалуй, только небольшим сахарным заводом. А сегодня Лудуш стал гордостью румынского рабочего класса. Школой талантливых инженеров, базой румынской энергетики: в Лудуше построена одна из крупнейших на Балканах теплоэлектростанция. Она уже сейчас дает в полтора раза больше электроэнергии, чем в 1938 году производила вся Румыния, с той только разницей, что это очень дешевая, может быть, самая дешевая в истории страны электроэнергия.

Первая турбина чехословацкого производства мощностью сто тысяч киловатт вступила здесь в строй в 1963 году. Затем из Праги прибыли вторая и третья турбины такой же мощности. Румынские инженеры, энергетики, монтажники, строители всех профилей вместе с группой опытных чехословацких специалистов сдавали в эксплуатацию каждый блок, опережая график.

Живой и горячий интерес к делам стройки в Лудуше усилился после того, как в начале прошлого года сюда стали прибывать железнодорожные составы из Ленинграда: это по частям вселялась на постоянное местожительство «большая ленинградка»—так окрестили здесь двухсоттысячную турбину, коллектив создателей которой многое сделал для успеха советской инженерной мысли.

Прекрасные суда, построенные на румынских верфях, отправляются в порты Черного моря, а ленинградская турбина с сотнями приборов и деталей, бережно упакованных, прибывает в Лудуш. Это и есть план братского сотрудничества в действии.

Почти одновременно с «большой ленинградкой» в Лудуш стали съезжаться новые отряды бетонщиков, каменщиков, арматурщиков и инженеры — румынские и советские. Первым советским инженером, приглашенным румынскими товарищами на эту стройку, оказался Николай Федорович Бельмас из Подольска. Это разносторонний и талантливый специалист котельного дела, с большим опытом. В нашем посольстве, в Бухаресте, мне рассказывали, что, когда на Подольском машиностроительном заводе узнали о предложении прислать группу советских специалистов, там решили было остановить свой выбор на молодом способном инженере. Но из Москвы пришло распоряжение: выделить для командировки в Румынию наиболее опытного котельщика,—и было решено, что поедет Николай Федорович Бельмас, тем более что он знает румынский язык. Затем к Бельмасу присоединились главный инженер Иосиф Константинович Иванов, шеф-инженер из Ленинграда Владислав Кубарев, представитель Металлического завода, где строилась турбина, и Андрей Чернухин с завода «Электросила», где изготовлялся генератор. Прибыли в Лудуш и другие наши специалисты, работавшие на других электростанциях Румынии.

Приехал из Бухареста и Николай Ткаченко. После серии консультаций и совещаний с румынскими товарищами определили дату пробного пуска. На холостом ходу. Без нагрузки. А потом и с нагрузкой, когда Владислав Кубарев прокричал:

— Можно нагружать больше!

— Даешь пар, больше, больше!

До этого момента бывало по-всякому, и не сразу все ладилось. Останавливали турбину и снова пускали. Это было действительно испытание — на прочность, на долговечность, на безотказность. И очень важно было в этих условиях то глубочайшее доверие, взаимопомощь, изобретательность и спокойная уверенность в успехе дела, которые отличали румынских и советских инженеров. Вот как описывает решающий день в Лудуше Николай Ткаченко в другом своем письме в Грозный:

«Дорогой друг!

Хотел написать тебе из Лудуша, но там были у нас у всех горячие дни, может быть, самые горячие за те пять лет, что я здесь. И собрался только сейчас. Ленинградскую турбину пустили. Бывало, что хлопцы наши приходили к 7 утра,

Сайгонский полицейский стрелял трусливо, в спину. 15-летний Тронг Ван Хап, участник демонстрации против военного режима, получил ранение. Но и пули не останавливают народного возмущения. Антиправительственные демонстрации в Южном Вьетнаме продолжаются.

●

Почти всю ночь стояла эта очередь — около 600 человек — перед зданием лондонского театра Ковент Гарден. Люди ждали, когда откроются кассы, чтобы купить билеты на балет. Какой балет? Русский, конечно. В сентябре англичане ждут в гости артистов балета из Ленинграда.

УШЕМ

а уходили на следующий день в одиннадцатом часу! Ты знаешь, какая это махина! Двадцать шесть часов провели наши инженеры у щита управления вместе с инженерами Крафтом, Шиманом, Тицу и другими румынскими товарищами. Но и они и мы не отходили от приборов, пока своими глазами не увидели эту цифру: нагрузка 200 тысяч киловатт. Тогда-то уж пошли поздравления! Румынские товарищи начали поздравлять наших инженеров, а наши — румынских. Никогда не забуду момента, когда генеральный директор электростанции разбил о передок турбины бутылку вина, как это бывает при спуске корабля на воду. Это был очень хороший день, и мы радовались, что причастны к этому делу».

«В Лудуше,— пишет «Скынтейя»,— поднят флаг еще одной победы». Оценивая успех, достигнутый в Лудуше, газета подчеркивает, что многие строители повысили здесь свою квалификацию. Теплоэлектростанция вступила в строй, но фронт работ не свертывается. Устанавливается еще одна чехословацкая стотысячная турбина. Она начнет действовать в конце года, и еще одна, двухсоттысячная, советская турбина монтируется здесь. Сестра той, которая уже включена в румынскую энергосистему и дает ток. Подвиг в Лудуше будет повторен.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Бухарест,
май — июнь.

Интервью «Огонька»

За кладами с лукошком

Лето в разгаре. Началась уборка урожая. Впрочем, уборка урожая идет не только на полях, но и в лесу. Сейчас наступает время ягод. Потом пойдут грибы, орехи. И откроется настоящее паломничество за лесными кладами, за лесным урожаем. Об этих кладах, о лесном урожае корреспондент «Огонька» Н. Верина беседовала с министром лесного хозяйства РСФСР **И. Е. ВОРОНОВЫМ.**

КОРРЕСПОНДЕНТ. Лесной урожай — это подарок природы. Подарки считать не принято, и все-таки ведете ли вы им учет?

МИНИСТР. Это не так-то просто сделать. Хозяйство наше велико-вато: леса России составляют 94,4 процента всех лесов страны. Это громадная территория — от тундры до Кавказских гор, от Балтийского моря до Тихого океана. Причем есть, особенно в тайге, такие глухие уголки, что туда и проникнуть нелегко. Раньше мы даже задачи такой перед собой не ставили — подсчитывать урожай грибов или ягод. Наша главная и, пожалуй, единственная забота выражалась одним словом — древесина. Сейчас мы налаживаем такой учет. Пример? Возьмем хотя бы сибирский кедр. Его орехи с удовольствием щелкают и маленькие и большие. Так вот, кедровые леса занимают у нас огромную площадь — 39,4 миллиона гектаров, а урожай орехов составляет примерно 1,5 миллиона тонн в год.

КОРРЕСПОНДЕНТ. В 1921 году был подписан декрет об упорядочении сбора кедровых орехов и об организации маслобойных заводов.

МИНИСТР. Да, и это не случайно. Кедровые орешки не просто лакомство. Масло, получаемое из них, не уступает по качеству прованскому. Да и, кроме того, в жмыхах, остающихся после его изготовления, сохраняется немало других питательных веществ.

О кедровых орехах наслышан каждый, а вот лещину знают меньше. Ее орехи тоже очень вкусные и питательные. Заросли лещины у нас более полутора миллионов гектаров. Однако сколько-нибудь точного учета ее урожайности еще нет. Не знаем мы пока, какие урожаи дают грецкий орех и каштан, которые также приносят недурные плоды.

Сейчас мы выясняем, сколько в наших лесах диких груш, яблонь, черешни, абрикоса. На вкус они похуже, нежели их окультуренные сородичи, но компоты и варенья из них весьма неплохие. Пока насчитали 24 тысячи гектаров диких груш, 4 200 гектаров черешни, 1 500 гектаров яблонь, 600 гектаров абрикоса. А сколько в лесу рябины, черемухи, шиповника, малины, боярышника, облепихи, алычи, мушмулы, лимонника, актинидии!.. Видите, одних названий столько, что и со счету собьешься. Так что весь лесной урожай никто и никогда не учтет. А ведь в каждом из этих растений своя прелесть.

КОРРЕСПОНДЕНТ. ...И своя польза для здоровья. Шиповник тому пример.

МИНИСТР. Да, шиповник — настоящая кладовая витамина С. А специальный экстракт из этих плодов — холосас — применяется при заболеваниях печени. Лес может дать массу отличных лекарственных средств. Лимонник, например, рекомендуют для повышения общего тонуса организма, устранения сонливости. Облепиховое масло помогает при ожогах.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы, кажется, забыли о ягодах?

МИНИСТР. Сейчас начинается их пора. Рано утром ребята наверняка возьмут лукошки и отправятся по землянику или по чернику. Те, кто живет севернее, запасутся на зиму брусникой, клюквой, морошкой. Ягодам у нас нет числа. Наибольшим вниманием заготовителей пользуется клюква, на втором месте стоит брусника. А это странно: ведь по площади распространения второе место занимает черника — ягода приятная и полезная.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как же используются лесные дары? Видимо, не очень хорошо обстоят дела, если на прилавках овощных магазинов грибы и ягоды появляются не часто.

МИНИСТР. Вы правы. К сожалению, общий объем государственных заготовок пока невелик. Единого хозяина тут нет. И, как говорится, у семи нянек дитя без глазу. Заготовку ягод, орехов и грибов в лесах Российской Федерации производят Центросоюз, Роспотребсоюз, предприятия нашего министерства и другие организации. По данным Центрального статистического управления республики, в прошлом году было заготовлено 108 850 тонн лесных плодов и ягод, 14 650 тонн орехов и 34 531 тонна грибов. Я уверен, что количество лесных плодов, которое припасает для себя само население, намного превышает государственные заготовки. В этом году мы планируем заготовить ягод, плодов и орехов в два раза больше, чем в прошлом году, а грибов — в шесть раз.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Почему же государственные организации оказались менее инициативны, нежели само население?

МИНИСТР. Помех немало. Основная — нехватка рабочих. Сезон лесных заготовок совпадает по времени с уборочной страдой на полях. Какой же выход? Механизация. Однако ученые и изобретатели не балуют вниманием лесников. Были, правда, попытки механизировать заготовку кедровых шишек с помощью воздушных вибраторов, но дальше попыток дело не пошло.

Есть и другие беды: явно не хватает хорошо оборудованных складских помещений для хранения плодов и ягод, мало перерабатывающих цехов. И еще одно: плохо организован оптовый сбыт продукции. Сейчас министерство принимает энергичные меры, чтобы справиться с этими неполадками.

Однако лесной урожай настолько велик, что заготавливающие организации все равно не соберут его полностью. Сами ягоды из леса прямо в рот не прыгают. И нам думается, что школьники, пенсионеры, домашние хозяйки должны проявлять больше заботы об этом. А зимой они оценят всю прелесть лесных даров.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Есть и еще одна отрасль лесного хозяйства — пчеловодство. Как тут обстоят дела?

МИНИСТР. Наши лесные массивы предоставляют великолепные возможности для развития пчеловодства. Такие первоклассные медоносы, как липа, многие виды ивы, малина, кипрей (иван-чай) и другие растения позволяют получать ежегодно сотни центнеров меда. Однако, чего греха таить, до самого последнего времени все эти подарки природы лежали втуне. Но уже в прошлом году на предприятиях министерства было 11 700 пчелиных семей, которые принесли 610 центнеров товарного меда. К концу пятилетки намечено увеличить число пчелиных семей до ста тысяч и получить товарного меда 7 700 центнеров.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Лесное хозяйство Российской Федерации включает теперь и плодовые сады. Расскажите, пожалуйста, об этом.

МИНИСТР. За последние годы наши лесоводы насадили 18,4 тысячи гектаров садов и более 10 тысяч гектаров плантаций грецкого ореха. Сады уже плодоносят на площади в две с половиной тысячи гектаров.

Особенно интересен, пожалуй, опыт волгоградских лесоводов, окруживших город кольцом садов. В самом Волгограде зелени много, а вот вокруг совсем недавно расстилалась безлесная степь. Теперь окрестности города-героя несказанно похорошели. Лесосад — это не только украшение, но и прямая польза.

По нашим подсчетам, уже в нынешнем году в лесных садах будет собрано до 60 тысяч центнеров плодов, ягод и орехов. А к концу пятилетки можно будет заготавливать 300—400 тысяч центнеров.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Поскольку речь зашла о планах на будущее, хочется узнать, о чем мечтает министр лесного хозяйства.

МИНИСТР. О садах. Хочется окружить садами все города России. Возможности есть. Почему бы не закладывать сады, когда создается зеленая зона вокруг городов? Надо начать большое наступление на овраги, балки, крутосклоны. Но главная наша забота — лес. На пятилетку мы намечаем много важных мероприятий по уходу за нашим зеленым другом. Определены масштабы этой работы: создать новые леса на площади около 10 миллионов гектаров, закрепить 387 тысяч гектаров оврагов и песков, заложить 250 тысяч гектаров полезащитных полос.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Охрана леса — гражданский долг каждого. Подскажите, пожалуйста, чем тут могли бы помочь читатели нашего журнала?

МИНИСТР. Охотно. Я тоже читатель «Огонька» и знаю, что журнал не раз обращался к этой теме. Помню, например, была в позапрошлом году заметка «Спасибо вам, Всеволод Васильевич!». Там говорилось о пенсионере, бывшем инженере, который, собрав вокруг себя ребятишек, принялся ухаживать за лесом: осушил болотца, убрал сухостой, помог больным деревьям. Это хороший пример.

Беречь зеленого друга надо всем и повсюду. Ведь как иногда бывает: горожане, культурные люди, приехав в лес отдохнуть, почему-то превращаются в дикарей. Безжалостно и без разбору ломают деревья и кустарники, бросают где ни попадя горящие окурки — а там, глядишь, пожар.

Богатства леса, которые природа с такой готовностью предоставляет в наше распоряжение, мы должны не только разумно использовать, но и приумножать, чтоб потомки помянули нас добрым словом.

СИЛА ПРИЗВАНИЯ

Ник. КРУЖКОВ

Если бы восемнадцатилетнему Ивану Титову в ту пору, когда он был секретарем райкома комсомола, кто-нибудь сказал, что он станет художником, да еще маринистом, он, наверное, очень удивился бы. На Урале, как известно, морей маловато, и негде было молодому коммунисту и комсомольцу любоваться неоглядной морской ширью. Да и некогда было бы предаваться этому занятию, даже если бы море по щучьему веленью тут и появилось,— времена были нелегкие, все силы тратились на работу. Только несколько лет спустя, когда по комсомольской путевке Иван Титов прибыл служить на флот, и увидел Балтийское море, и штормовую злую волну, и нежно-голубую гладь при штилевой погоде, и услышал неумолчный шум прибоя, в нем пробудились любовь к морской стихии и желание запечатлеть ее красоту на бумаге, на картоне, на доске, на холсте. Красота моря влекла, но не давалась в руки. То, что казалось легко осуществимым в мечтах, потребовало бездну сил и труда. Двадцати двух лет Иван Титов поступил на графический факультет Академии художеств и начал рисовать уже серьезно, по-настоящему, с каждым годом чувствуя, как крепнет его кисть, умножаются творческие навыки, как ощущается все более и более непреодолимое стремление отдать всего себя искусству.

Но жизнь коммуниста не принадлежит ему одному. Биография Ивана Филипповича Титова сложилась так, что многообразная общественная деятельность отнимала у него львиную долю времени. Однако семена были посеяны, и всходы взошли. Живопись заняла прочное место в душе Ивана Титова — художника и коммуниста.

Когда грянула Великая Отечественная война, батальонный комиссар Титов встретил ее в Ленинграде. Над городом нависла петля блокады, и скоро она затянулась. Родной линкор «Октябрьская революция», на котором когда-то служил краснофлотец Иван Титов, был переведен из Кронштадта и ошвартовался у Балтийского завода. В суровой обстановке блокады батальонный комиссар почувствовал особенно остро, что он художник, что его кисть нужна народу, флоту, матросам и солдатам — тем, кто защищал Ленинград. Делая свое комиссарское дело, выпуская плакаты и листовки, работая с людьми под снарядами и бомбами, Иван Титов ни на один час не расставался с этюдником. Его друг художник Константин Дорохов рассказывал, как Иван Титов писал эскизы у корабельного орудия, которое вело огонь по противнику, и говорил:

— Надо схватить цвет пламени!

Художник уже превозмогал в нем комиссара, хотя обстановка для зарисовок была отнюдь не подходящая.

Возвращение на флот, да еще воюющий, в блокированный Ленинград укрепило в Иване Титове сознание художника, подняло в нем чувство ответственности за свою творческую работу. В ту пору он говорил о самом себе: «Пережив несколько дней войны, я увидел, что все сделанное мною — плохо. Получится ли теперь?»

Получилось! Блокадные этюды Ивана Титова, зарисовки, сделанные им на улицах осажденного Ленинграда, дышали правдой войны. Они донесли до нас необыкновенный героизм людей, суровую обстановку тех незабываемых лет, когда решалась судьба Родины. Оборона великого города Ленина закалила художника, создала в нем запас творческой прочности.

После войны Иван Титов вместе с группой других художников организовал выставку «СССР — великая морская держава», ставшую началом целой серии всесоюзных маринистических выставок.

Недавно Москва тепло встретила персональную выставку Ивана Филипповича Титова. Как выразился один из посетителей выставки, «на Кузнецком мосту запахло морем». Его «Ракетоносцы в походе», мощно преодолевающие разбушевавшуюся стихию, озаренную красками закатного неба, его «Баллада о море», как бы наполненная грохотом морского прибоя, и вполне контрастная ей картина «Мыс Фиолент», где царит мягкая и нежная тишина штиля, оставили впечатление кисти уверенной, возмужавшей, научившейся брать красоту жизни полной пригоршней. Это как раз то, что долго не удавалось молодому Титову.

Какое оно разное, море! Каждая волна похожа одна на другую, но вместе с тем любая из них несет в себе что-то неповторимое, присущее только ей. Иван Титов умеет это показать. В его картинах вы явственно различаете чуть зеленовато-свинцовую воду Балтики от зелени Каспия. Вы наслаждаетесь синью Средиземного моря, особыми, неповторимыми красками Адриатики, бледными, светлыми тенями, характерными для Белого моря. Но море на картинах Ивана Титова не только слепая стихия. Человек покорил море, он хозяин моря — вот смысл его картин.

Великий пейзажист XIX века Коро однажды сказал: «Человек имеет право избрать профессию художника только после того, как распознает в себе живую страсть к природе и расположение следовать ей с такой настойчивостью, которую ничто не может ослабить». Это может быть отнесено и к Ивану Титову, который шел к своей цели упорно и долго, это верно и в отношении другого большого русского художника, чья персональная выставка недавно привлекла внимание москвичей,— Бориса Николаевича Яковлева.

Б. Яковлев также ощутил не сразу склонность к живописи. Рисовать он, правда, начал рано, но относился к этому занятию как к развлечению и отдыху. Свое призвание он видел в изучении естественных наук и, только будучи студентом Московского университета, начал одновременно учиться в школе живописи и ваяния. Однако призвание художника все больше и больше влекло его к себе, оттесняя все остальные стремления. Ученым он так и не стал, а живописцем стал отличным. Такие учителя, как А. Васнецов, Малютин, Коровин, Архипов, вселили в него уверенность в себе, дали возможность развернуться его таланту.

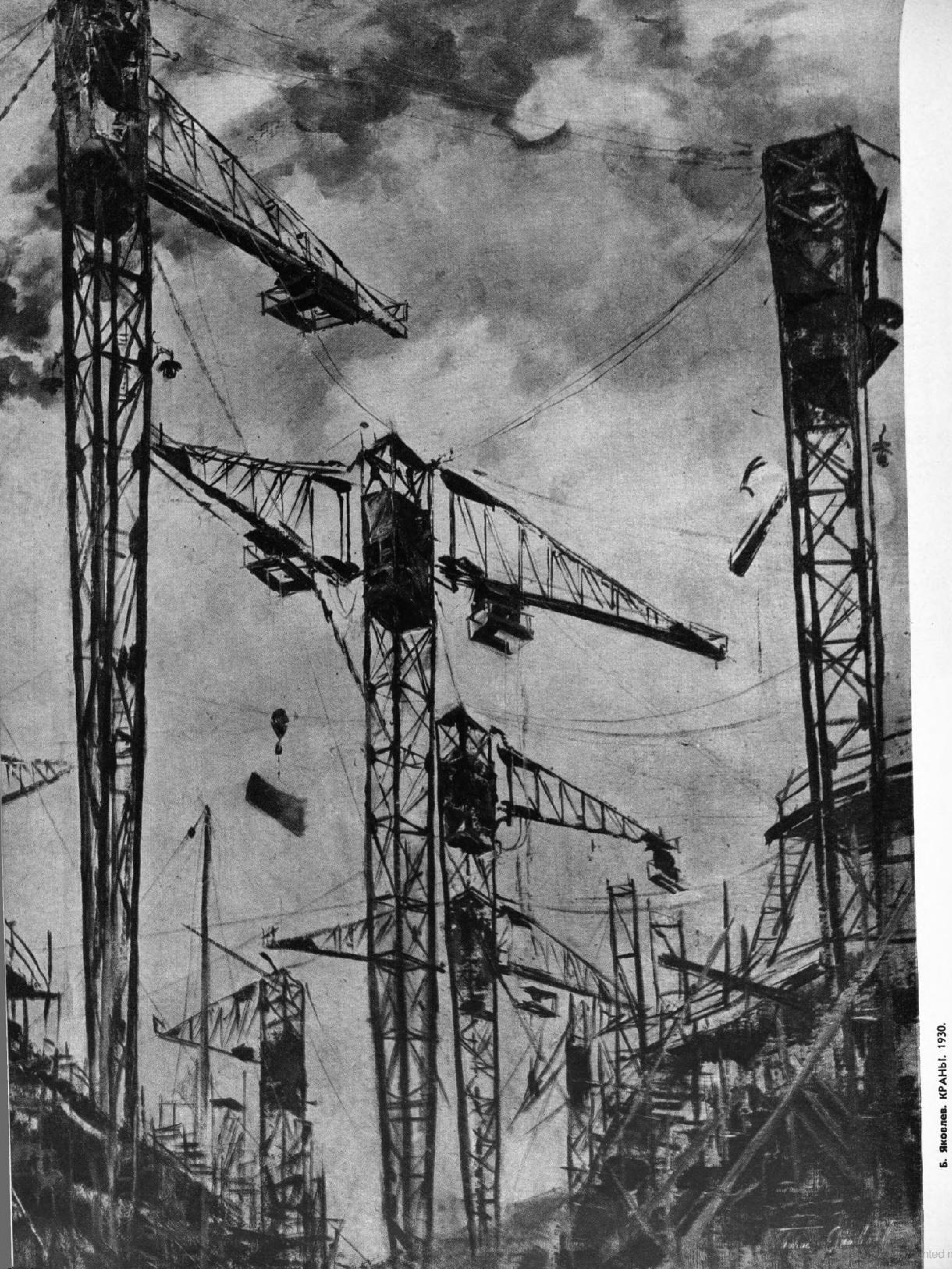
Первая картина, доставившая Борису Николаевичу Яковлеву широкую известность, «Транспорт налаживается», была написана в 1923 году. Только что страна начала выходить из тягчайшей разрухи, вызванной войнами—империалистической и гражданской, и картина Яковлева прозвучала призывным колоколом: работайте, стройте, смотрите, как радостно создавать! Победно гудят только что отремонтированные паровозы, вот-вот они тронутся в путь, и начнется работа для жизни, для человека!

С этого времени индустриальный пейзаж надолго овладел сердцем художника. Он берет натуру на заводах, на стройках, в рабочих поселках, на нефтяных промыслах и лесоразработках. Его можно с полным правом назвать певцом первых лет индустриализации. В картине «Краны», написанной в 1930 году, мы видим как бы шествие гигантов— победоносное и неотвратимое. Но вместе с тем он всегда оставался нежным лириком, влюбленным в природу, в ее чарующую прелесть. Его картины и этюды, привезенные с Урала и Кавказа, из Средней Азии, Крыма, Карелии, полны поэтического обаяния. Ему дорого также родное Подмосковье с его полями и лесами, желтизной осенней листвы, с буйной зеленью молодых весенних лугов. Особенно примечательна картина «Ветреный день», волнующая своим глубоким проникновением во внутреннюю суть темы. Заброшенная дорога, обсаженная березами, ведет в давно уже не существующую барскую усадьбу. Усадьбы нет, а березы сильны и могучи, никакой ветер не страшен им. Крепостные люди посадили их, и березы, как часовые, продолжают нести свою службу, радуя своей красотой глаз человека.

Борису Николаевичу Яковлеву 76 лет, Ивану Филипповичу Титову 64 года. В пожилом возрасте человеку свойственно подводить итоги, удаляясь на покой, на заслуженный отдых. Но у художника такая уж служба, что нет ему покоя до гробовой доски. Благородное призвание всегда тревожит его душу, зовет к новым трудам и вместе с тем наделяет силой, способной преодолевать тяготы возраста. Блажен тот, кто наделен этим дополнительным энергетическим двигателем, имя которому — призвание, талант.

Б. Яковлев. ТРАНСПОРТ НАЛАЖИВАЕТСЯ. 1923.

ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ. БЕРЕЗКИ. 1958.

Б. Яковлев. КРАНЫ. 1930.

Солнце в зрачках

Рамз БАБАДЖАН

* * *

Я порывы люблю вдохновенья ночного.
Ты прости, что так бурно, бессонно живу!
Все, что было со мной, вспоминается снова,
Будто вижу крылатые сны наяву.

Это с детства пошло... Как тогда любовался
Я на каждый раскрывшийся утром цветок,
Как восторженно в дальний полет порывался!
Видно, детство — поэзии вечный исток.

Солнце в гости я звал сквозь косое оконце,
А в него даже луч пробивался с трудом.
Маму спрашивал: «Что ж не приходит к нам солнце?
Неужели так тесен наш дедовский дом?..»

Не плутал я по жизни,— сменялись года,
Все увереннней шел я сквозь дни и событья...
В нашу комнатку солнце не смог пригласить я,
Но в зрачках у себя сохранил навсегда!

В моем краю

На бахши, что начинает новый сказ,
Терпеливый хлопкороб похож сейчас:
На поля свои орлиным взором смотрит,
Не укроется ничто от зорких глаз.

Солнце землю обжигает все сильней,
Песнь труда звенит в долине все слышней.
Дед-дехканин, на густые всходы глядя,
Видит в них уже черты осенних дней.

Глянь, как хлопковые кустики взошли,
Будто за уши их тянут из земли!
Скоро пеной засверкают волны хлопка,
Поплывут по ним машины-корабли.

Шлю письмо тебе: скорее приезжай,
Погляди на наш богатый урожай,
Ведь не только виноградом и айвою —
Знаменит гостеприимством этот край.

Будем вместе кишлаки мы объезжать,
Будем песни хлопкоробам посвящать!..
Кто хоть раз в моем краю воды напился,
Непременно возвратится к нам опять.

Я вышел к морю...

Я вышел к морю. Нет тебя нигде.
Красиво было море в ярком свете.
Любуясь, я смотрел, как на воде
Играют бликов колдовские сети.

И, погружен, как в солнечные сны,
В мечты о счастье, шел я вдоль залива,
Бросался вплавь, но не догнать волны,
Как не догнать красавицы игривой.

Я знаю: труден, долог путь к любви,
Но к ней стремлюсь я, с трудностями споря.
Так пусть всегда живут в моей крови
Волненье моря и терпенье моря.

Скала

Перед морем высится скала
И, встречаясь с золотым рассветом,
Кажется изгнанником-поэтом,
Не склонившим гордого чела.

Перед морем высится скала,
И на ней однажды в лунном свете
Я красавицу русалку встретил.
Жаль, что не меня она ждала.

Перед морем высится скала,
Словно братство наше, монолитна.
Расшатать оплот ее гранитный
Ярость волн и ветров не смогла.

Перед морем высится скала
Величавым, неприступным стражем,
Преградив дорогу волнам вражьим,
Отражая грудью силы зла.

Без тебя

Прошло без тебя сорок дней и ночей,
Лучистое лето уже на исходе,
И звезды ушли вслед за милой моей —
Все меньше их вижу я на небосводе.

Умчался и ветер — тебя догонять,
Мне душно, не чувствую ни дуновенья,
А сяду писать — бездыханна тетрадь,
Перо обессилело без вдохновенья.

Извелся. Нет силы бороться с тоской.
Но как хорошо, что живешь ты на свете!
Скорей возвращайся! А вместе с тобой
Вернутся и песни, и звезды, и ветер.

* * *

Что делать? От общей судьбы не уйти.
Ушла красота — твоя гордость былая.
Не мучься, вернуть ее тщетно желая:
Она, как и страсть, угасает в пути.

Ушла красота. Но осталась мечта,
И сила, и верность — все то, что сначала
В себе не ценила ты, не замечала:
Души нестареющая красота!

ИЗ ЦИКЛА «Новые рубаи»

* * *

Пусть осень моя настанет быстрее, чем у других,
Пускай седина проглянет быстрее, чем у других,
Я петь и бороться буду, и пусть мне за это жизнь
Морщинами лоб изранит быстрее, чем у других.

* * *

Если треснет фарфор, чигачи [1], без сомненья, найдется,
Он скрепит пиалу, ей опять примененье найдется.
Если ж треснет душа от удара, от грубой обиды,
То не так-то легко для нее исцеленье найдется.

* * *

Ночь, хоть и светлая, а все равно темна,
С днем состязаться тщась, измучилась она.
Так и завистнику мучительно живется:
Как ночь, его душа тосклива и мрачна.

* * *

Раньше дни без тебя мне хотелось с ночами сравнить,
А счастливые ночи с весенними днями сравнить,
Раньше звезды казались глазами твоими, а ныне
Не хочу даже звезды с твоими глазами сравнить!

* * *

«Таинственной» быструю Сыр-Дарью давно называли люди [2],
Пески превращает в сады она, давно это знали люди,
Ревниво тайну она хранит своей животворной силы,
Течет и не знает, что тайну ее давно разгадали люди.

* * *

Человек летит в небеса, а звезда на землю летит,
Словно в небе и на земле — всюду яростный бунт царит:
Восставая против судьбы, погибает во тьме звезда,
Восставая против судьбы, человек чудеса творит.

Перевел с узбекского
С. СЕВЕРЦЕВ

[1] Чигачи — мастер по починке фарфоровых изделий.

[2] Сыр-Дарья означает в переводе «Таинственная река».

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

«Аркадий Гайдар» и его команда

Вряд ли жил на свете мальчишка, который никогда не стоял у штурвала корабля, борясь с внезапно налетевшим ураганом, не дрейфовал во льдах Арктики, не высаживался на таинственные острова. Правда, все это только в пылком детском воображении, не более.

Но времена меняются. Мы в Астраханском детском пароходстве.

У огромного двухэтажного дебаркадера ошвартовались теплоходы: «Аркадий Гайдар», «Спартаковец», «Юный моряк», «Турист». Рядом качаются на волнах несколько моторных и гребных лодок.

Хозяева — школьники. Ребята под руководством опытных наставников постигают нелегкую морскую науку, навигационные правила, теорию судовождения, устройство судов и двигателей.

Это не просто игра. За три года пребывания в клубе школьники получают звание матроса и моториста 1-го класса. Скоро откроется еще одно отделение — судовых радистов.

А практика — непосредственно на судах. «Практика», быть может, не то слово; просто живут ребята обычными корабельными заботами: уборка, мелкий ремонт... А во время плавания работают матросами и мотористами. В дальние рейсы ходят по очереди. На каждый такой рейс новая команда. Естественно, одни ребята не плавают. Всегда рядом взрослые: капитан, механик и матрос — наставники.

Детское пароходство не только учебная организация, но и «коммерческая». В период летних каникул теплоходы отправляются в нешуточные путешествия — от Астрахани до Волгограда или по дельте Волги до Каспийского моря. Возят школьников-туристов. Желающих прокатиться хоть отбавляй.

Пароходство при областной детской туристической станции создавалось не сразу. Как говорится, с миру по нитке... Речники и рыбники нижней Волги подарили детям несколько старых теплоходов. Отремонтировали, привели в порядок. Теперь это уже целая эскадра: пять пассажирских теплоходов, полуглиссер, моторные лодки и десятка полтора шлюпок — во главе с флагманом — теплоходом «Аркадий Гайдар».

Несет свою службу и ветеран волжского речного флота, бывший пароход, переделанный впоследствии в теплоход, «Спартаковец». Это историческое судно участвовало в гражданской и Отечественной войнах.

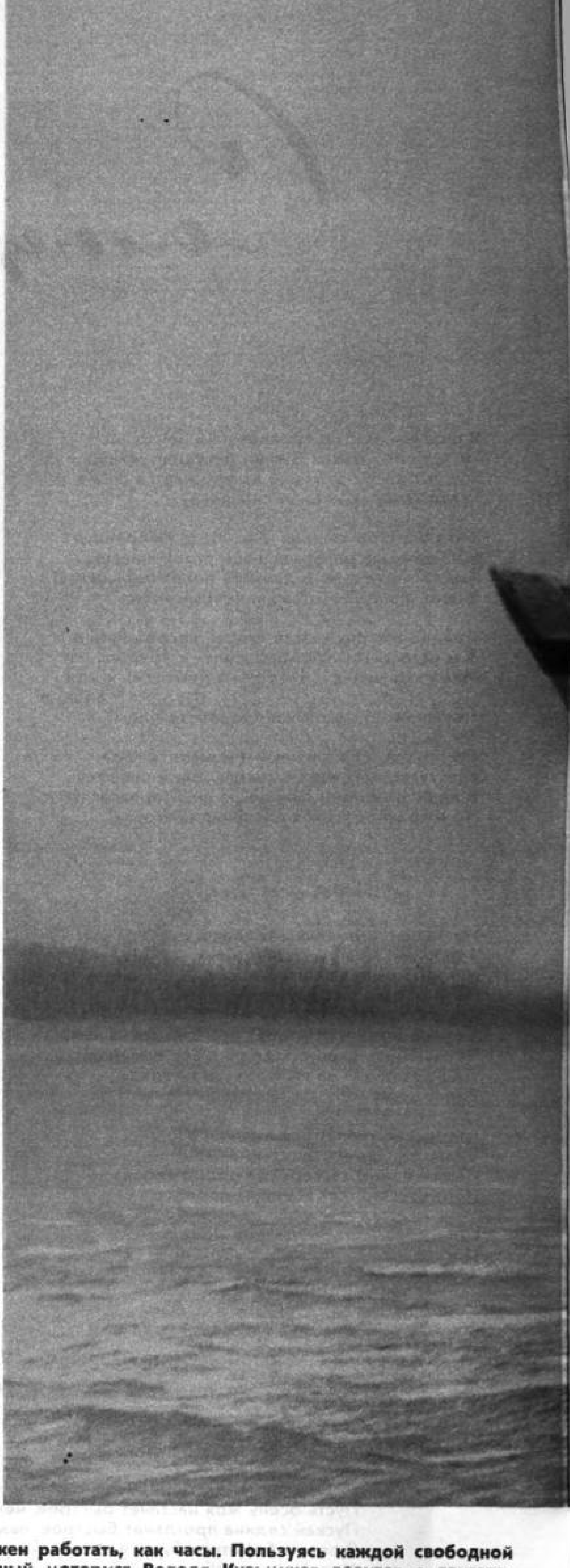
Летние каникулы — пора путешествий. Закончены последние приготовления. Палубу теплохода заполнили веселые юные туристы. Прощальный гудок. Судно медленно отваливает от причала и, набирая скорость, движется вверх по реке. Команда «Аркадия Гайдара» ведет свой корабль в далекий рейс.

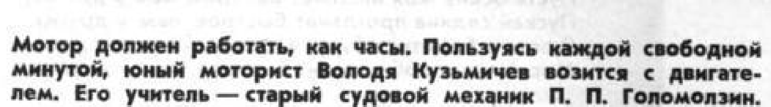

База пароходства выглядит весьма внушительно.

Радио когда-то еще будет, а пока что неплохо уметь переговариваться обычными флажками.

Мотор должен работать, как часы. Пользуясь каждой свободной минутой, юный моторист Володя Кузьмичев возится с двигателем. Его учитель — старый судовой механик П. П. Голомолзин.

Юра Чернов — бывалый рулевой (он уже плавал до Волгограда). Но у штурвала нельзя не волноваться!

Какой же ты будешь моряк, если не умеешь грести!

Гордиев узел — это что! Попробуйте-ка завяжите морской!

Северные фрески

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной.

Эти стихи принадлежат Константину Батюшкову, моему земляку, и ныне, спустя полтора столетия после их написания, стали почти пословицей.

Таинственная сила этих строк неизмеримо больше, чем чувство печали или запоздалого сожаления,— нет, в глубоком вздохе, как бы невольно вырвавшемся из человеческой груди, подкупающее обаяние этих строк. Неизбежно, неодолимо вспыхивает желание воскресить страницы прожитой жизни, углубиться в себя, задуматься. Это видения наяву, как говорили во времена Батюшкова.

Вот и я поддался очарованию старинного полустиха и медленно-медленно развертываю свиток пережитого.

Говорят, что по шкале голубизны — у географов есть такая шкала — Кубенское озеро занимает одно из первых мест на Севере. Не знаю, так ли это, но я лично уверен, что нет на земле озера более прозрачного и голубого.

Память сердца мне настойчиво подсказывает, что нигде не бывают так ярко-пламенны закаты, величавы ярусы облаков, просторны лесные и водные дали, как на берегах Кубенского озера, в стране моего детства.

Когда в безбрежной синеве воды и неба только слабым пунктиром отмечен дальний Шелин мыс, тебя охватывает чувство такой беспредельности, такого полного слияния с природой, какого ты не забудешь никогда и нигде.

Но вырос я в городе — так во всей округе называлась Вологда — город и город, без само собой понятного уточнения. Двор у нас большой — пыльный и скучный летом, непролазный от грязи осенью, заваленный поленницами дров зимой. За двором, в бывшем крепостном рву, речка Золотуха. Зато сколько находилось здесь укромных «галдарей», сарайчиков, подвалов для детских игр и неожиданных находок!

Жили мы вдвоем с матерью. Я пользовался полной свободой и безграничным ее доверием. Подростком мне приходилось помогать матери, позднее даже приобщиться к сценическому искусству — быть статистом в областном театре. Радость первых самостоятельно заработанных рублей — ни с чем не сравнимая радость. Пришла она в канун войны и означала только одно: детство кончилось.

На Карельском перешейке в сорок втором году без вести пропал мой отец. Там же мне впервые довелось выползти на «нейтралку»: необходимо было разминировать проход для полковой разведки. А потом, после перемирия с Финляндией, на своих же минных полях подрывались мои товарищи-саперы: в короткие сроки перемирия надо было снять минные заграждения, а нейтральная полоса была изрыта, перепахана, неузнаваемо обезображена ожесточенным артиллерийским и минометным огнем.

Затем прорыв на Сандомирском плацдарме, польские села, горящие вдоль всего горизонта, заводские трубы и концлагеря Верхней Силезии, отчаянная переправа через Одер и, наконец, тот жаркий майский вечер, когда от «цивильного» немца я услышал: «Пан официр, война капут!..» Я не поверил ему, потому что вместе со своим взводом выполнял очередное задание командования: мы пробирались в лесах где-то около чешского города Наход. Славное время, героическое время: восторженные толпы народа вдоль автострад, крики «Наздар!», охапки сирени, невероятное буйство сирени, и музыка, и солнце, и долгожданный мир.

...Раньше филологические факультеты назывались отделениями словесности. Так вот, только словесником я хотел быть после войны; у меня не было присущих молодости сомнений при выборе будущей профессии: смутно, как говорится, про себя, знал, что лишь в сфере словесности — а если точнее, хотя, может быть, и старомоднее, изящной словесности — я обрету жизненное призвание.

...Из раннего детства мне памятен такой эпизод. Как-то на кухне, заставленной столами и корытами, читали вслух книгу. Моя мать любила по вечерам читать вслух соседкам и подружкам. Я не помню, что это была за книга и кто ее написал. Помню лишь свое удивление: из какого тайника мог увидеть тот, кто это написал, как люди ходят по комнатам, разговаривают между собой, о чем они думают, оставшись в одиночестве? Я не представлял себе, что все это, выражаясь академическим языком, плод творческой фантазии, и нередко, играя на полу нашей огромной сырой кухни, начинал нарочито громко говорить и смеяться: кто знает, может быть, он тоже подглядывает за мной в эти минуты?

Не в этом ли чистосердечном удивлении перед искусством, не в этой ли детской вере в реальность, в доподлинность всего изображенного художником живет сама поэзия? Часто книга была как бы продолжением жизни, а жизнь и отношения людей друг к другу поворачивались такой гранью, какую ранее открыли книги. Постепенно я стал замечать, что отдельные стихотворения, иногда даже вскользь услышанные строки заражают меня какой-то особой, чудодейственной энергией, помогают мне преодолеть душевную распутицу, которая, вероятно, бывает у каждого из нас. Эти стихи или строки необычайно точно определяли то состояние, в котором я находился в данный момент, а может, знавал в прошлом. А когда я называл это состояние, обозначал его словом, мне становилось вроде бы легче, я приобретал новый душевный опыт, бывал хоть чуточку, но взрослее.

Как-то в офицерской землянке — наша дивизия стояла в привислинских лесах — мой товарищ спел «В лесу прифронтовом». Услышал он знаменитый вальс в штадиве и сразу же выучил его наизусть. Под низким бревенчатым потолком, на нарах, застеленных плащ-палатками, мы лежали бок о бок, и каждое слово песни долго звучало во мраке землянки.

— Постой, постой,— перебил я товарища,— ну-ка повтори: «А коль придется в землю лечь...»

— «...так это ж только раз»,— допел друг, сел на нарах и обрадованно, словно бы свалив с души непомерную тяжесть, ударил меня по плечу.— Чуешь, деревня,— только раз!

Для него, как и для меня, эти строчки были неожиданным откровением. Слышалась в них удаль, бесшабашная решимость, отвага. Они преследовали меня долгое время и — странно — стали чем-то вроде заклятья, выручая в самых невероятных ситуациях. Проваливаясь в полынью одерской переправы, сползая в полуразрушенные немецкие окопы, перебегая через улицы чужих городов, я ожесточенно твердил их про себя. Этими строчками я подавлял приступы отчаяния, которые знакомы каждому побывавшему под прицельным пулеметным огнем, под бомбежкой, под ураганным минометным обстрелом. Так я поверил, что поэзия помогает жить.

БЕРЕГ ОЛЕШКИ

По озеру шли длинные пенные полосы. Ветер срывал гребни волн и пригоршнями брызг бросал их в лицо. Утираться было некогда: то правое, то левое весло судорожно хватало воздух, лодка сразу же становилась боком к набегающей волне, и тогда надо было снова выворачивать ее наискосок качающимся хлябям. Если лодку держать чуть наискосок перекату, она плавно соскальзывает с волны, а не рыскает из стороны в сторону; взлетающую вверх корму не захлестывает девятый вал, и нос лодки не черпает, как ковш, озерную брагу.

До берега было уже недалеко. Но очутиться в воде, а главное, утопить снасти, немудрое рыбацкое хозяйство,— эта возможность никак не устраивала меня.

Подгоняемый вспененными валами, я наконец-то с силой врезался в песок, соскочил в воду и стал тянуть лодку посуху до тех пор, пока хватило сил. Песок был утрамбован прибоем — на нем даже не оставалось моих следов.

Разгоряченный безостановочной греблей, я не чувствовал вначале ни пронзительного ветра, ни холодного песка. Насколько хватало глаз, прибойная полоса была безлюдна, и моя лодка, лежащая на боку, придавала берегу вид еще более заброшенный и пустынный.

Так вот он какой, Шелин мыс!

По рассказам других рыбаков я знал, что сразу же за прибойными песками тянутся заросли тресты, потом идут мшарники, порос-

ший осиной и болотной березой, потом леса и леса — вплоть до Уфтюги, а может, и дальше. Озеро гудело. «Беляки» испятнали даль, линия горизонта крылась в туманной дымке. В такую непогодь о возвращении домой и думать нечего: снесет на Спас-камень, а то и в самое Устье-Кубенское.

«Что ж, придется загорать»,— мрачновато решил я про себя и только теперь почувствовал приступы озноба, безостановочно сотрясавшие меня. Чтобы разогреться, я вбежал на песчаный бугор, спустился с него и поразился внезапной тишине. «Эх, наберу-ка плавника да разведу где-нибудь здесь, в затишье, костерок». Решено — сделано. Раздвигая руками высокую тресту, я выискивал место посуше, поуютнее. У старой осины, отчаянно трепещущей листьями, нагнулся за сухой валежиной, а когда выпрямился, то увидел два изумленных, круглых глаза, глядевших на меня в упор. На миг я остолбенел. Потом мелькнуло: «Да ведь это же олененок!» Он стоял так близко от меня, что казалось, можно дотронуться рукой до мягких, четко вырезанных ноздрей, до крутого бархатистого лба. Еще какое-то мгновение мы смотрели друг на друга. Потом за олененком что-то тяжело и сильно качнулось, что-то прошуршало в тресте — и видение исчезло. Даже следы, когда я подошел поближе, засосала болотная ржа.

Возвращаясь обратно на пески, я нет-нет да и ухмылялся про себя, все удивленно встряхивал головой: ведь надо же такому случиться! Никогда прежде я не видел олененка на воле, а тут выскочили друг на друга, и стоило мне протянуть руку, как я мог погладить его по доверчиво-изумленной мордочке. Я даже посмотрел на ладонь, настолько явственно ощутил прикосновение к ней живого, доверчивого тепла. Вот тебе и полное одиночество, вот тебе и кубеноозерский Робинзон!

На песке между тем повсюду валялись серые, отполированные, словно кость, ивовые ветки и корни. Я натаскал их целый ворох и свалил в кучу. Рядом вбил кол для чайника, разжег костер, подстелил под себя старый ватник. Хо-ро-шо! Озеро гудело глухо и непрерывно, как гудит, вероятно, под ветром один лишь сосновый бор. Надо было набираться терпения и готовиться к долгому ожиданию. Волна могла стихнуть, пожалуй, к вечеру, это в лучшем случае, а то и к завтрашнему утру.

Не торопясь, я поставил на костер чайник, выпил три кружки горячей воды, съел припасенный хлеб, перемотал дорожки. Потом, не зная, чем занять себя, полежал на спине, поднялся и стал выбирать ивовые корневища поувесистее и потолще. В памяти нет-нет да и всплывали два круглых, даже как будто квадратных от изумления глаза, а я хмыкал и мотал головой, словно стремился отогнать от себя непрошеный пристальный взгляд.

Сидя у костра, я бездумно постукивал по песку гладким, сухим корневищем, потом попридержал его на весу и внимательно вгляделся. Что-то неуловимо знакомое мелькнуло в этом изгибе; я повернул корень — и все исчезло. Снова восстановил прежнее положение — теперь яснее проступило увиденное вначале. Батюшки, да ведь это же олешка! Ну да, вот и нежная шея, и гордо вскинутая голова, и чуткий, характерный вырез ноздрей — все, все, как это было недавно. Нужно, пожалуй, только подрезать вот этот сучок да чуть-чуть подстрогать — и лучше не придумаешь, сама мать-природа изваяла из корня изумительный шедевр. Я поворачивал корень так и эдак, откладывал его в сторонку, снова брал в руки, но образ, поразивший воображение, не покидал меня теперь ни на минуту. «Мужество и нетерпенье вечно мучили меня»,— всплыли в памяти стихи Луговского. Дальше медлить не было никаких сил. Охотничий нож в руке, корневище — на коленях. «Дерзай, новоявленный Роден»,— усмехнулся я и приступил к делу.

Увиденное внутренним взором отчетливее проступало наяву: теперь поворот головы был выразительнее, ощущалось в нем любопытство и настороженность. Еще немного — и настороженность исчезла, осталось только любопытство и только доверие, даже больше — какая-то безотчетная ласковость чувствовалась в этой вытянутой вперед шее олененка. Больше ничего нельзя трогать, решил я про себя и, подхлестнутый волной безотчетной радости, выскочил на бугор.

От резкого встречного ветра у меня перехватило дыхание. Озеро почернело, и прежде едва видимый горизонт застилали тяжелые дождевые облака. Прибой шел теперь по ивовым кустам. Они низко пригибались к воде, волны с грохотом проходили их, выворачивали замшелые коряги и, откатываясь назад, тащили эти коряги за собой.

Тяжелая работа прибоя, казалось, длилась целую вечность, ярость его была бесцельна и неутолима.

Я вернулся к костерку, который едва теплился, сел за ветром и потянулся к корню. Олешка, маленький, ласковый олененок, был теперь у меня в руках. Я уже думал о том, как поставлю его к себе на письменный стол, как придет мой сосед Василий Семенович и будет дивиться моей неожиданной находке. Нужно только вот здесь чуть-чуть убрать, и все будет в порядке.

Я резко нажал — от изваяния отскочила большая щепа. Все! Немыслимо-нелепый корень я держал перед собою. Был он только кое-где обструган, но ничем больше не отличался от вороха таких же ивовых палок, которые лежали на песке возле замирающего костерка. Не знаю, вероятно, никогда раньше я не испытывал приступа такой горькой досады на самого себя, как в это мгновение. Ведь надо же, ах ты боже мой, ведь надо же такому случиться. И, кроме себя, винить некого!

...Когда поздним вечером я отчалил от Шелина мыса, в рваные прорехи облаков кое-где посвечивали первые звезды. Может быть, и правильно, что Шелин мыс назвали Шелиным мысом, думал я, безостановочно склоняясь над веслами, может быть, этот самый неведомый мне Шелин и достоин этого, но про себя я назову его по-другому: Берег Олешки! Пусть моя романтика наивна и старомодна. Пусть! Для меня это название полно поэзии и светлой печали.

БАРАШКИ

Надо было найти в сенях старый мешок, вывернуть его углом, накинуть на голову и боком-боком — подальше от окошка — спуститься с крыльца. А уж потом припустить так, чтобы замелькали колья загороды, чтобы лужи разлетались вдребезги. В ушах только свист ветра да запоздалый крик тетки: «Куда вы, дьеволяты-ы!..»

Но от отчаянного восторга дыхание перехватило в груди, босые ноги не чувствуют осклизшей тропинки, дождевые капли высыхают на пылающем лице.

Небо — серое, обложное и такое, что кажется, подскочи на бегу — и зачерпнешь в горсть белых, набрякших водой прядей. Долгое ненастье приблизило к деревне край земли: он где-то здесь, сразу же за скотным двором, за кучами навоза, дымящимися теплым парком. Вбежать бы на эти кучи да отогреть бы занемевшие от холода ноги. Но — мимо скотного двора, мимо последних изб, которые, словно старухи, только что вышли из мелколесья и вымокли там по пояс; до самых застрех исхлестали их многодневные дожди.

Вёдра не обещают ни чуть приметный ветер со Спаса, ни густая пелена тумана над ельником. Нигде не видать ни души: деревня затихла, притаилась в ожидании золотого солнечного луча. В такую погоду сторож Вахромеев сидит, наверно, в избе Митрия-кузнеца, в крайней избе всего посада. Он всегда там сидит, когда на улице непогода. Расставит ноги в латанных-перелатанных, огромных, как две пароходные трубы, валенках — и сидит на лавке возле двери. Дымит самосадом, складывает окурки под порожек к венику, говорит всякое такое, что на ум взбредет, а сам ждет, когда накроют на стол, поставят самовар да позовут его пить чай с медом. Хозяйка у Митрия молодая и поэтому добрая, всегда Вахромеева чаем угощает.

Но это так, между прочим, пока летишь что есть духу к поскотине, успокаиваешь себя, отгоняешь тайные мысли: а вдруг выскочит Вахромеев из шалаша, заорет, затопает валенками, схватит старую берданку да как бабахнет... Мимоходом заглядываешь в шалаш, сбитый из замшелых досок. В нем только сенная труха да прокопченный чайник в углу.

Мы с Санькой сбавляем бег. Близко заветная межа, где налево — волны серебристо-зеленого гороха, направо — длинные ряды репы,— что хочешь, то и выбирай. Теперь можно отдышаться, можно не торопясь идти по ме-

же, иногда срывая пузатый стручок, иногда дергая за жесткие будылья репы. Жаль, что мешок надо снимать с головы, не тащить же за пазухой вороха гороха и тяжелые ядра репы, облепленные вязкой землей. От одной этой мысли мурашки по спине пробегают. На тебе нитки нет сухой, штанины облепили икры ног, рубашку — хоть выжимай, но все кажется мало, все еще жадно шарят глаза по ту и по другую сторону межи. Ну, хотя бы вот эту,— суглинок размыло дождем, и глянцевый бок репины, огромный, как месяц над поскотиной, обнажился, зажелтел — ну, просто нет никаких сил удержаться и не вырвать ее с хриплым и тяжелым придыханием.

Все. Теперь, кажется, все. Закинув мешки за спину, мы с Санькой легкой рысцой направляемся к дому. Идем задами,— мало ли что может случиться? Но это так, для порядка. Пьет Вахромеев десятую чашку чая и прикидывает про себя, зачерпнуть ему душистого, янтарного меду или все-таки воздержаться, поводить куском пирога по дну щербатого блюдечка, вздохнуть и отставить чашку, предварительно перевернув ее вверх дном... Надо ведь соблюдать и приличие, и хозяев не обидеть да и себе чтоб, конечно, не было обидно. Вздыхает Вахромеев, отставляет от себя блюдце с чашкой далеко-далеко, говорит снова всякую всячину, а мы уже вытряхиваем мешки возле крыльца, полощем репу в дождевой бочке, посмеиваясь, тычем друг друга под бока. На подоконнике повисла наша челядь: Мишутка, Аришка и даже голопузый Юрка вылез и таращит глаза на нас сквозь туманное стекло.

Тетка ушла — и мы в избе полные хозяева, большаки. Санька достает из укромного уголка ножик, выточенный из старой ножовки, я беру городскую перочинку — наступает сладостный момент, награда за озноб, который колотит нас даже здесь, в чистой, пропахшей печеным хлебом и укропом избе.

— Балашка, балашка,— тянет голопузый Юрка, и мы, снисходя к его малолетству, начинаем вырезать первого барашка.

Ядреную репину надо положить в ладонь, взять нож и, срезав круг, завить кожуру тонкой спиралью. Спираль эта ни разу не должна поломаться, а должна снова сложиться на столе неким подобием репы. Из-под лезвия ножа сверкает желтая, как засахарившийся мед, мякоть репы. Землей, полевой свежестью и еще чем-то таким, что и определить трудно, пахнет теперь в избе. Постепенно вырезаются крутые рога, спинка, даже маленький хвостик—баран ставится перед самым Юркиным носом. В избе слышно только напряженное шмыганье носами да однообразное гудение мух у загнетки. В тепле нас с Санькой разморило, глаза слипаются от усталости, но мы не можем остановиться; челядь завороженa превращением репы, которую тетка скармливает корове или томит в печке, во что-то совершенно необыкновенное. Стол завален маслянистой кожурой — стадо растет на глазах. Есть в нем крохотные барашки, есть однорогие неудачники и веселые бараны-зайцы. Иные тут же съедаются челядью, иные берегутся для игры. Теперь не нужно протирать запотевшие стекла и с тоской смотреть, как отряхиваются куры под соседским крыльцом, как рябит лужи порывами ветра, как перебегает улицу, накрывшись плащом с головой, базниковская Верка. Теперь можно ехать в город, торговать на базаре, меняться друг с другом, спорить из-за совершенно замусоленного, вываленного в пыли барана, чтобы в конце концов потерять его где-то в подпенке и уснуть в тихих дождливых сумерках вповалку здесь же, на широких лавках избы.

А утром проснуться, выскочить на крыльцо и долго и счастливо жмуриться от неправдоподобно горячего деревенского солнца.

* * *

Я поднялся на шестой этаж, хлопнул дверью лифта и вошел в квартиру. Поставил на табурет хозяйственную сумку, бока которой распирала рыночная снедь, позвал из соседней комнаты сына.

— Смотри, что я тебе принес.— Малыш выжидательно помолчал.— Это же репа!..

Поверх пакетов с картофелем и луком лежало полдесятка сморщенных, пожелтевших репок. Сын вежливо повертел одну из них в руках и положил обратно.

— Хочешь, я тебе барана сделаю? — все еще питая надежду заинтересовать его, спросил я.

На какое-то мгновение, когда я срезал, вернее, кромсал, кожуру, в глазах сына мелькнуло любопытство. Но вот сухая, как дерево, репа очищена, выструган баранчик. Нет, не баранчик, а нечто квадратное и малопривлекательное поставлено на стол. Мне самому стала смешна моя затея: ни с каких станций не уходят поезда в страну нашего детства. Я горестно сгреб баранчика вместе с очистками, завернул все в газету, хлопнул крышкой мусоропровода. Сын ушел к себе.

Медленно покуривая сигарету, я долго глядел в широкое окно кухни, на коробки домов, уходящих к самому горизонту. Потом зашел к сыну. Перед ним лежала раскрытая коробка немецкого «конструктора». Неумелыми, неуверенными пальчиками он пытался свинтить передвижной кран: гайки и винтики выскальзывали из рук, сын сердито сопел, но не отступал от задуманного. Холодно поблескивали перед ним металлические планки, угольнички, спирали, блоки «конструктора». Но в глазах сына я увидел жадные огоньки любопытства, которые так тщетно я ожидал увидеть на кухне.

ЧТОБЫ ОНА БЫЛА ТАКАЯ...

Резиновые сапоги зачавкали по илистому дну, забулькали мелководьем,— напарник оттолкнулся и стал грузно переваливаться через борт. «Тише, ты»,— бросил ему Сергей хрипловатым от первой цигарки голосом. Он махал кормовой лопатой, выравнивал лодку и направлял ее к устью Ковжи. Было так тихо, что слышался звон капель, падающих с весла, и легкое журчание воды под днищем лодки. Только в прибрежном тумане разноголосо кричали петухи. По их внезапным вскрикам угадывались крайние дворы деревни, которая крепко спала, закутавшись в шубу ночного тумана. Этой же туманной мглой покрывался левый, низменный берег. Лодка плыла в парной, белой тишине, вернее, эта тишина нехотя наплывала пластами на лодку и сразу же смыкалась за кормой. Ватник отсырел. Скамейки и снасти покрыла серебристая испарина. Все глуше и глуше слышался победный петушиный крик, все сильнее охватывало рыбаков чувство близкого простора.

Лодку слегка качнуло на длинной, пологой волне: они выгреблись в озеро. Теперь надо было найти невысокий колышек, который отыскать в этой слоистой мгле не было никакой возможности. И все-таки велика сила интуиции. Измочаленный кол вынырнул из тумана и поплыл возле борта. Они привязались к нему, закинули удочки, притаились в ожидании. Снова лодку качнуло на далекой, пришедшей откуда-то из заозерья волне, и Сергею подумалось, что не так ли иногда качнет волна прошлого: нежданно-непрошенно подымется из глубин «я» и захлестнет спокойную гладь души.

Привкус паленой бумаги во рту, сухая резь в глазах от бессонницы — все подымало, все гнало с полузабытого берега плавную, но неостановимую в своем раскате волну. Сергей закрыл глаза.

Гром дизельного мотора сразу же обрушился на него. В прорезь башни вползла снежная целина, запахло дымом газойля и пороха. Танк содрогнулся от выстрела — звякнула рядом медная гильза. Потом перед глазами раскололся огненный смерч, яростно загудело пламя — и сознание стало меркнуть в ослепительных кругах и разводьях.

«Ты что, задремал?» — сквозь пронзительный посвист вьюги услышал он чей-то голос. Смысл слов доходил трудно: уши забило чем-то и сам Сергей был укутан в белые сугробы. Но слова уже зацепились за сознание, потянули его из глубокого омута забытья. Марлевая пелена стала сползать с глаз, рваться в клочья, и в просветах свежо заблестела озерная вода.

Еще окончательно не очнувшись, Сергей тупо посмотрел прямо перед собою: удилище лежало у него на коленях, обожженная рука безвольно выпустила его.

— Клевало у тебя,— с упреком сказал напарник, соседский Шурка,— а ты — спать!

Сергей сменил червяка, далеко закинул леску — поплавок звонко шлепнулся о воду. Дремота освежила Сергея, и теперь он заново, пристально и возбужденно, вглядывался во все, что его окружало. Близился рассвет. Рубцы на правом виске ощутили легкое дуновение. Словно белые флаги, взлетали вверх полотнища ночного тумана, и алый свет — предвестник близкого солнца — разливался вокруг свободно и неостановимо. Этот алый свет смешивался с акварельной синевой воды и неба, от него порозовела и лодка, и кисти рук, и бледное, напряженное лицо Шурки, согнувшегося на носу, и даже маленький белый поплавок источал розовое сияние.

Он все густел, этот алый свет, все напрягался и вдруг выбросил вверх вороха радужных перьев. Тогда-то над озером и показался край солнца. Непрерывно струясь, растекаясь волнами, пламенный гребень приковывал к себе взгляд какой-то почти языческой силой, не давал оторваться от себя ни на одно мгновение.

Никогда — ни раньше, ни позже — не доводилось видеть Сергею такого рассвета.

Откуда-то из-за горизонта набегающим прибоем вытолкнуло рыбачью лодку.

— ...бе́да!— донеслось до удильщиков.

Оба привстали, недоуменно переглянулись и напрягли слух до предела. По частым взмахам весел было заметно, как, не жалея себя, выгребал к ним человек, как он безостановочно оглядывался на них и снова принимался кричать.

Голос летел над слюдяной гладью озера, летел и гаснул, пока наконец не удалось расслышать:

— Эй вы, что вы сидите! Война окончилась! Победа-а-а!

Торжествующее «а-а-а!» катилось к ним вместе с лодкой, вместе с раскаленными лучами солнца, которое, едва оторвавшись от кромки воды, теперь круто взбиралось по небосводу. И так же круто летел ввысь, заполняя все небесное пространство, голос человека, кричавшего в радостном беспамятстве:

— Побе-да-а-а!

Не смежая обгоревших век, Сергей пристально глядел на лодку, на пылающее светило, на выпуклую, голубоватую даль озера и не чувствовал, не видел, не понимал, что по щекам его текут слезы, что текут они вовсе не потому, что на майское утреннее солнце невозможно было смотреть не мигая, а потому, что пришел, наконец-то наступил этот рассвет.

Деревню качало. Окна, двери, калитки — настежь. Звон посуды, всхлипы гармошек, дробь каблуков, пронзительные выкрики песельниц слились в один ком, и этот ком катился за околицу, рассыпался в чистом поле, снова возникал возле пристани и снова прокатывался по посадам. Возле резных наличников молодо алел кумач флагов, по садам и проулкам дымилась нежная, весенняя зелень.

В полдень к пристани подошел рейсовый пароход. Матросы и пассажиры сгрудились на верхней палубе, вразнобой что-то кричали на берег, где так же беспорядочно галдела пестрая, праздничная толпа.

Сергей не помнил, как его вынесло на береговой откос. Он никого не ждал, но его подхватило, словно камышинку, ввинтило в людской водоворот, а затем выбросило к пристанским сходням. Теперь, окруженный со всех сторон односельчанами, он праздно наблюдал, как вахтенные подтащили трап, как от гудящего роя пассажиров отделились и поплыли над головами мешки, чемоданы, какието корзины, обшитые рядном, как осторожно подымались вверх по сходням приехавшие люди.

Внезапно он ощутил, что сердце его начало падать, и от этого томительного, бесконечного падения дыхание резко перехватило в груди: по трапу, среди баб со сбившимися платками,

с раскрасневшимися от весенней жары лицами, подымалась Юля. Она щурилась от ослепительного солнца, от цветного многолюдья, растерянно улыбалась и, видимо, выискивала глазами кого-то из своей родни. Сергей отчаянно заработал локтями, пробиваясь к перилам сходен. Юля теперь была совсем рядом,— ее взгляд по-прежнему рассеянно скользил по лицам земляков. На какое-то мгновение взгляд задержался на нем, скользнул дальше, снова вернулся,— и тогда в ее серых глазах сверкнул испуг, самый откровенный испуг молодой женщины, которая увидела что-то нелепо оскорбляющее красоту этих оживленных лиц и этого сверкающего голубизной и солнцем майского полдня. Это было, как промельк молнии, непроизвольный и неожиданный.

Встретившись глазами, они узнали друг друга, узнали и поняли все. Она — что он ничего не забыл и все оставил на будущее; он — что она тоже ничего не забыла, но прошлое отчеркнула непереступимой чертой. Его шрамы, багровеющие на солнце, лишь укрепили ее в давнем, обдуманном и пережитом решении.

Сзади сильно нажимали. Откуда-то из чрева толпы раздался сдавленный женский крик:

— Юленька!..

Сергея оторвало от сходен, отнесло в сторону: он так и не успел поздороваться с Юлей, обмолвиться с ней хотя бы словом.

К вечеру подул сиверок. Заклубилась на улицах первая майская сушь, захлопали полотнища флагов, запузырились юбки девчонок и баб, топчущихся возле пристани.

От выпитого самогона, от банного, слитного гула в избах, ото всей этой яростной круговерти лиц и нарядов у Сергея зашлось сердце и разболелась голова. Он долго сидел на жердях поскотины, смотрел, покусывая сухую былинку, на сизые облака, залегшие обогреться у затухающего заката, на его тревожный, густо-малиновый блеск, а когда небосвод прокололи алмазные шилья звезд, ушел спать на сеновал.

Накрывшись тулупом и беспокойно ворочаясь с боку на бок, он иногда нащупывал в темноте рваную пачку папирос, закуривал и, по-прежнему не открывая глаз, лежал лицом вверх, перебирал в памяти все большие и малые события этого ослепительного дня. Откуда-то из тьмы наплывали на него Юлины глаза, крупнее, крупнее — и вот, как молниевидный просверк,— легкий испуг, потом снова тьма, и снова пестрое кружение лиц, деревьев, медленно набегающих озерных волн. В тайниках души, в лад гулко пульсирующей крови забились первые беспомощные слова: «Вот человек. Вот человек. Вот человек...» Но чем дальше, тем громогласнее уже не молоточком, а молотом била по вискам кровь — и молотом по сердцу била первая строфа:

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо.
Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Самое трудное, мучительно-горькое было сказано, но ведь это еще не все, ведь было у него сегодня что-то такое, что неодолимой силой удерживало его собственный взгляд. Что было сегодня? Что надо отмести, отбросить, а что изо всей сумятицы пережитого надо вспомнить, обязательно вспомнить? Где и когда родилось у него это ощущение грандиозности, которое не покидало его даже там, у пристанских сходен? Как сказать об этой грандиозности, об этой несравнимости минувшего дня?

Кроме алого струящегося света, больше ничего не вспоминалось. Этот алый свет, казалось, прожигал закрытые веки, слипшиеся от непрошеных слез, он навеки отпечатался на сетчатке глаз. «Победа-а!» — истошно вопил в памяти человек. Он стоял в лодке, а за его спиной полыхал огненный шар. Он не думал о себе, этот случайный вестник победы, он радовался только одному, он хотел только одного, чтобы она была, как этот майский рассвет.

Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

На полевом ветру

Павел КУСТОВ

За северной речкой Угрóю
Стоит ее дом на виду...
Там платья простого покроя
И в будни и в праздник в ходу.

В краю, окаймленном лесами,
Обычай, быть может, и крут.
Там смотрят иными глазами
На жизнь, на любовь и на труд.

И в праздник, встречая
с поклоном,
Меня приглашают за стол
За то, что я дочь плотогона
Красавицам всем предпочел.

Под небом Полярного круга
Иль в хвойных разливах тайги
Надежна такая подруга,
Лишь сам не сбивайся с ноги!

* * *

Нужно ль, нет ли,— я не знаю,
Чтобы в гонке наших дней
Глушь степная иль лесная
Стала ближе и людней?

Дайте лечь на мох узорный,
Где ручей, пробив гранит,
Как в сосуде узкогорлом,
Усыпляюще звенит!

Иль в ночном разноголосье,
Там, за полем яровым,
Долго слушать, как колосья
Спорят с ветром полевым.

* * *

В душе усталой посветлело,
Бывалый жар прошел по ней:
Стою перед машиной целой
Игрушечных коней.

Гляди — один другого лучше,
Как будто прямо с тучных трав.
Они от тряски сбились в кучу,
Хвосты мочальные задрав.

Все как один — призов достойны,
Одни красавцы жеребцы.
Да что ж вы смотрите спокойно,
Мальчишек хмурые отцы?

Пускай с игрушечной лошадки
Ребенка уведет судьба
Туда, где тракторы и жатки
Готовы вклиниться в хлеба!

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Писатель Анатолий Ткаченко долгое время жил и работал на Сахалине, на Курильских островах, и поэтому естественно, что герои его новой книги «Земля среди шторма» — рыбаки, зверобои, сезонники-промысловики, мореходы. Люди вроде бы ничем не примечательные, незаметные, но они никогда не идут на сделку со своей совестью. Чуткие ко всему, что возвышает и облагораживает человека, они страстно ненавидят ханжество, пошлость, мелкое в жизни.

Так в центре маленькой повести «Тихая тонь» — конфликт двух мировоззрений. Узкое, косное, собственническое, не знающее доброты к людям мировоззрение сектанта-баптиста Василия, а также отца главной героини повести юной Наськи и ее жениха Ивана сталкивается с мировоззрением самой Наськи, хотя еще и не изжившей в себе религиозных предрассудков, но уже решительно стремящейся вырваться из мертвящей обстановки...

С тех пор, как Наська познакомилась с мотористом Сашкой Нургуном, жизнь ее меняется. О чем бы теперь она ни думала, всегда перед ее глазами образ этого смелого и задорного парня, который не верит ни в бога, ни в шамана и у которого в труде, в чудесной рабочей среде сложился взгляд на мир — широкий, доброжелательный, товарищеский.

Писатель умело, психологически тонко прослеживает, как Наська постепенно набирается сил, как незаметно, будто само собой созревает у нее решение порвать с опостылевшей средой и уехать к Сашке.

Убеждает суровая правдивость, стремление автора показать, каким цепким и живучим оказывается старое, как больно и тяжело оно может ранить и сегодня.

Любопытна повесть «Тлани-ла» — о рыбаках национальной ловецкой артели. Написанная в форме дневника специального корреспондента газеты, она рассказывает о людях необычайно требовательных и к себе и к жизни, проникнута большой душевной теплотой к этим людям, полна тонкого и живого ощущения нового, рождающегося. И не только герои, но и пейзаж в произведении несет этот эмоциональный заряд человеколюбия, который неизменно вызывает ответную эмоциональную волну.

И что особенно примечательно: автор всегда видит мир как бы впервые — такой свежестью веет от его строк, и перед читателем как бы заново открываются многие стороны жизни, а люди, привычные знакомцы, вырастают в типические характеры нашего времени. Как сплав рождается из сочетания разных металлов, приобретая вдруг новые чудесные свойства, так и здесь необычность образов возникает из сочетания обычностей, подмеченных в самой будничной жизни.

Вот рассказ «Сезонница». Простая башкирская девушка приезжает на Сахалин работать и здесь влюбляется в парня — моряка по имени Васька. Непутевый этот парень Васька, пьяница, сколько работает, а все одна рубашка.

«— ...Я здесь — как дома,— говорит ему любимая девушка.— А где твой дом, Васька? Ты самый настоящий сезонщик».

И за что, казалось бы, любить такого человека? А вот любит она его, да еще как!.. Есть, оказывается, у нее на родине жених, в институте учится, Сафуаном зовут. «Приеду,— размышляет девушка,— скажу: хороший ты, очень милый, но поищи другую девушку. Я Ваську люблю, в заливе Терпения живет, в соленой воде, когда буря, купается... Приехала, увидела, как волна его бросает... и полюбила...».

Произведение начинается, казалось бы, со столкновения взаимоисключающих характеров, а повествует на самом деле о глубокой общности людей, о добром участии и уважении их друг к другу. В этом, так же как и в других рассказах А. Ткаченко, мы ощущаем напряжение ищущей, оценивающей, обобщающей мысли.

А. ЧЕРНОВ

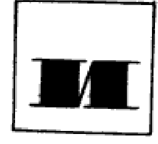
Анатолий Ткаченко. Земля среди шторма. Рассказы и повести. Издательство «Советская Россия». 1966 г.

В гостях у 600 миллионов

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

НАЧАЛО ПУТИ

ндия и Пакистан. Две великих азиатских страны. В Индии количество населения приближается к 500 миллионам, в Пакистане превышает 100 миллионов. Вот почему эти очерки так и названы. Причем «в гостях» написано не для красного словца. В самом деле, сегодня мы, советские люди, можем ехать в эти страны как желанные гости к радушным хозяевам.

Пакистан и Индия. Два соседних государства. Можно смело сказать, что не много на нашей планете таких же стран, столь родственных по истории, культуре. Вот почему для зарубежного гостя лучше всего побывать сразу, в один приезд, и в Индии и в Пакистане. У них за плечами тысячелетия общего труда, борьбы и страданий. Им можно быть только вместе.

И, наконец, в наши дни, в 1966 году, нам, советским людям, особенно интересно и важно узнать поближе обе страны, ибо начался этот год исторической встречей руководителей Индии и Пакистана в Ташкенте. 10 января там была принята Декларация, которая сейчас во многом определяет как внешнюю, так и внутреннюю политику Пакистана и Индии.

В самый разгар обжигающе-знойного лета мне довелось поколесить по необъятному полуострову Индостан и полетать над ним. В этом номере журнала — рассказ об индийской половине путешествия, в следующем номере — о пакистанской.

Скоро будет уже 19 лет с тех пор, как Индия сбросила колониальное ярмо. Я написал «уже» и задумался. А не правильнее ли будет сказать не «уже», а «еще только»? После эпохи колониального рабства 19 лет — срок относительно малый. Но и за эти годы сделано столько, сколько в Индии порабощенной не сделать бы и за века.

Прежде всего создано и ныне развивается великое, независимое государство, которое обеспечило себе большой международный авторитет. Обеспечило благодаря своей внешней политике. Годы убедительно доказали, что эта политика неприсоединения соответствует жизненным интересам страны и содействует сохранению мира и безопасности. «Практически все годы независимости,— говорит премьер-министр Индира Ганди,— Индия проводила политику неприсоединения и мирного сосуществования, борясь за мир, за то, чтобы положить конец колониализму и расизму в любой форме, в любой части света. Архитектором этой политики был мой отец Джавахарлал Неру, и она продолжается нами после его смерти».

Проводятся немалые преобразования и внутри страны: провозглашена аграрная реформа, развивается тяжелая промышленность и машиностроение, пробуждаются к жизни дремавшие веками благодатные недра индийской земли.

Сегодняшняя Индия — это атомная держава, это металлургические гиганты, это станки и автомобили, это третье место в мире по выпуску тканей.

Все это так. Но я не зря запнулся над первой фразой. Конечно, говоря о девятнадцати годах независимой Индии, правильнее писать не «уже», а «еще только». Страна в самом начале пути, у нее много трудностей. Поэтому в очерках пойдет речь не только о новых свершениях в Индии, но и о тех больших проблемах, которые стоят перед страной.

РЯЗАНЬ — БОМБЕЙ

Это словосочетание выведено аршинными буквами и многократно повторено на огромных контейнерах. В них станки. Они направляются из Рязани через Одессу в Бомбей, а оттуда — на север Индии, в Хардвар, где с помощью Советского Союза строится завод тяжелого электрооборудования. Там, в только что отстроенных цехах, я и увидел эти контейнеры. Около них озабоченно суетятся наши специалисты. А на каждого из них приходится не один десяток индийских специалистов и рабочих.

Завод еще строится, но уже сегодня в его цехах деловито шумят станки. Их пока немного, продукции почти никакой, но работа их очень и очень важна. На этих станках учатся индийские рабочие. Здесь же десятки готовых электромоторов. Они присланы из Советского Союза. Точно такие же будут выпускать в Хардваре. А пока моторы без конца разбираются и собираются. Это тоже учеба. «Строим и учим» — таким мог бы быть девиз наших специалистов, работающих в Индии (да и только ли в Индии?). И думается, что вторая половина этого девиза даже важнее первой.

Завод в Хардваре будет мощным, современным предприятием. Уже сегодня его цехи вытянулись на несколько сот метров. Здесь будет около пяти тысяч рабочих. И это только один из сорока промышленных объектов, сооружаемых в Индии с помощью Советского Союза. Еще один такой же объект находится буквально в получасе езды от Хардвара. Он раскинулся на высоком берегу Ганга, у отрогов Гималаев. Это завод антибиотиков. Скоро он уже начнет производить пенициллин, стрептомицин, биомицин и другие лекарства. А пока на полный ход работает своеобразная школа — небольшой заводик со всеми необходимыми ему лабораториями. Здесь производят продукцию, которую потом в многократно увеличенном объеме будет производить весь завод. Кстати, специалисты определенно говорят, что среди подобных предприятий завод будет крупнейшим в Азии. О мощности его можно судить хотя бы по тому, что работать на нем будет три тысячи человек. Для химического производства это очень солидная цифра.

Вместе со старшим сантехником Анатолием Сербиным, работающим здесь уже полтора года, ходим по цехам и лабораториям. Всюду наши специалисты. Спрашивают меня: «Откуда?» Ахают, вздыхают: «Из Москвы!» А сами — из Москвы, Риги, Харькова, Свердловска, Саратова...

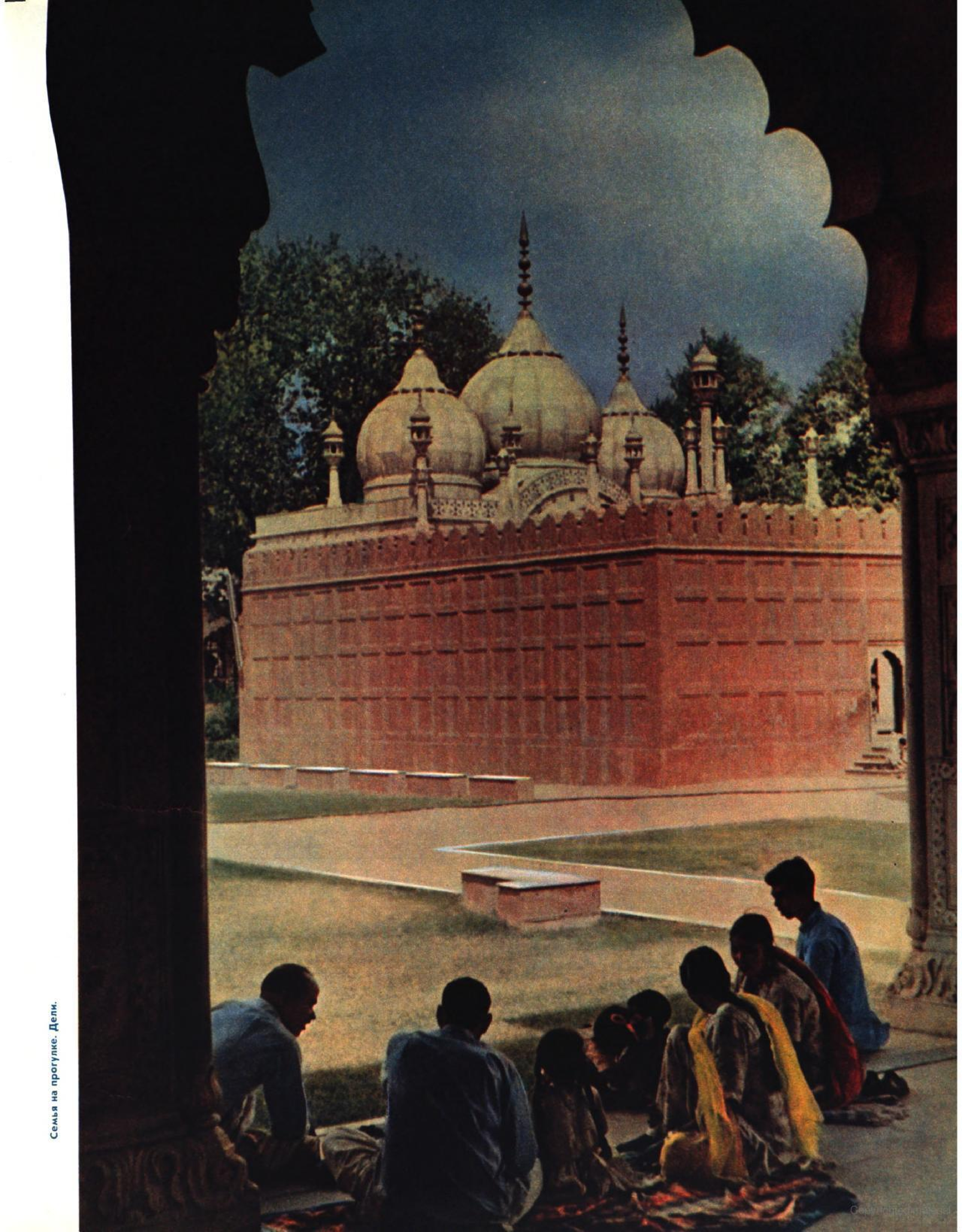
Хорошо ли им здесь? Легко ли? Нет. Трудно. Жара летом 40 градусов. В заманчивых лесах, что раскинулись вокруг, опасно: змеи, рыси. Видели как-то тигра. Дикие слоны недавно бродили по другому берегу Ганга, а один перебрался даже сюда, на этот берег. Непривычны обычаи и уклад жизни местного населения. Даже, если хотите, различие в психологии, в подходе к одним и тем же явлениям жизни, к труду.

Но все это не мешает нашим специалистам работать на совесть. Об их глубоких знаниях и самоотверженности мне с большой теплотой говорил главный инженер завода антибиотиков Чари. Говорил не из любезности, а от всего сердца. Он бывал у нас, в Советском Союзе, вообще видел мир, уже давно знает наших инженеров, даже по-русски немного говорит. Он понимает, что им нелегко в Индии, и поэтому с еще большей признательностью говорит об их работе. И дело не только в признательности. Надо сказать, что о наших людях заботятся. Всюду, на всех объектах, сначала сооружается отличный жилой городок. Дома со всеми удобствами, с установками для кондиционирования воздуха. Нелегкий труд наших специалистов хорошо оплачивается.

Есть еще одна существенная черта в жизни посланцев нашей страны. С их отношением к труду, дружбой и спайкой, с их врожденным демократизмом они невольно оказывают благотворное влияние на коллективы индийских специалистов и рабочих. Посланцы Советов — полпреды доброй воли и гуманизма. Нашего гуманизма, советского. Это с особой силой ощущаешь, когда бываешь на стройках, ведущихся с помощью Советского Союза.

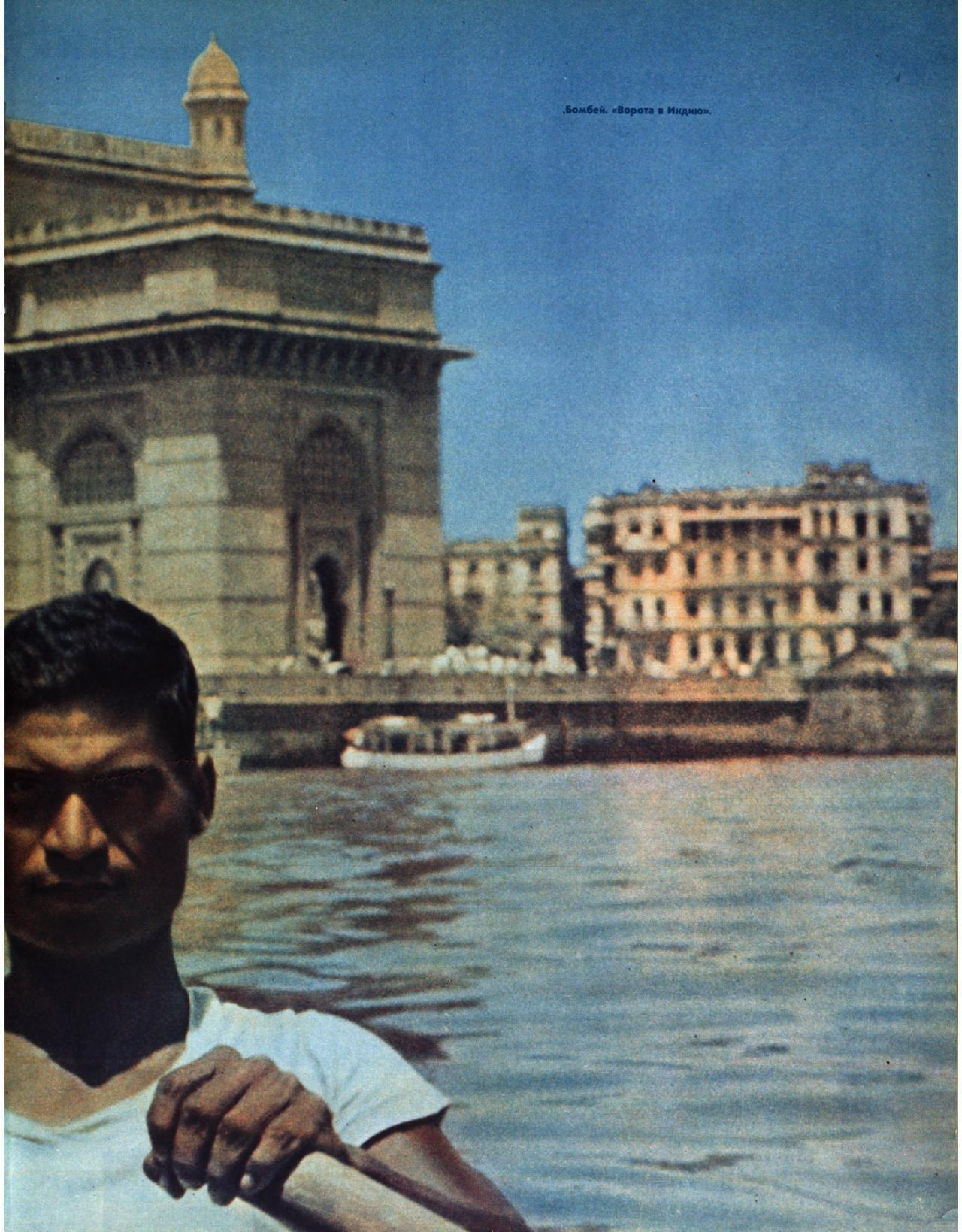
ИНДИЙСКИЙ АТОМ

В Тромбее, в получасе езды от Бомбея, на берегу моря, раскинулся город, контуры которого

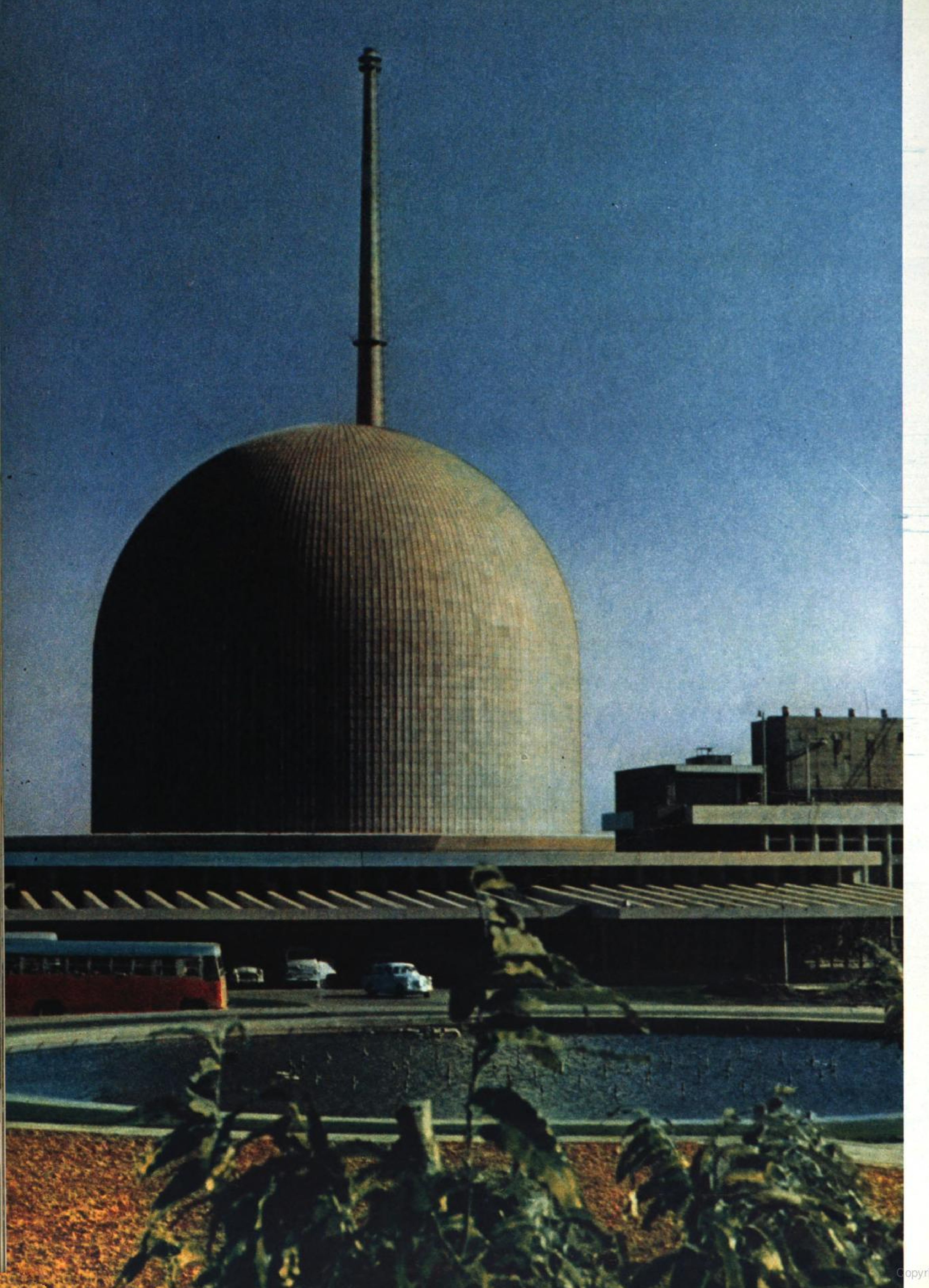

Семья на прогулке. Дели.

Бомбей. «Ворота в Индию».

Тромбей. Атомный центр.

напоминают иллюстрации к научно-фантастическим книгам. Это — атомное сердце Индии. Оно бьется уже десять лет. Здесь несколько реакторов, завод, производящий плутоний, завод, выпускающий оборудование и приборы, необходимые атомному городу, завод изотопов, институт по исследованию космических лучей и космического пространства, счетно-решающий центр, школа, готовящая специалистов для Тромбея. В недалеком будущем атомные электростанции дадут свет и энергию в разных концах страны, но все они так или иначе будут отпрысками Тромбея.

Мне повезло: я провел целый день в Тромбее. И мне вдвойне повезло, что моим гидом там был молодой ученый, доктор Амар Натх, умный и милый человек, в характере которого немало родных, русских черточек. И это понятно. Вместе с женой он три года работал в Москве, поездил по нашей стране. Оба говорят по-русски, и их главная забота сейчас — обучить русскому языку шестилетнюю дочь. Одна из самых дорогих реликвий в семье — номер «Огонька», в котором напечатана фотография жены Амара, тогда еще аспирантки Московского университета.

Мы ходим с Амаром по обширным корпусам Тромбея. Всюду: у реакторов, в лабораториях, в заводских цехах—нас встречают молодые или средних лет мужчины и женщины. Они по-сердечному любезны и внимательны, охотно все показывают, объясняют. Но вот осмотр закончен. Снимаем белые матерчатые чехлы с ботинок. Сдаем дежурному счетчики Гейгера, висевшие у нас на груди, и, наконец, просовываем руки в щель специального аппарата, который показывает, какова радиоактивность нашей кожи после общения с реактором и лабораториями. Все в порядке. А потом мы отдыхаем за чашкой кофе и неторопливо беседуем. За столом, кроме нас с Амаром, шесть руководителей атомной столицы Индии. Говорим об атомной энергии и ядерной бомбе. «У нас есть все для ее создания, но мы пока не считаем, что это нужно»,— заявляют они мне. Говорим о докторе Бабе, выдающемся ученом, отце индийского атома. Все вспоминают о нем как о живом и в то же время легендарном человеке. Совсем недавно он погиб в авиационной катастрофе. На нашем столе стоят красные розы: «Так любил Баба». На двери одного из кабинетов по-прежнему висит табличка с его именем.

И так уж, наверное, положено у физиков — говорим о литературе. Они интересуются, что и как пишут у нас об их брате, физиках. Некоторые из моих собеседников учились и работали в Москве, расспрашивают о ней, словно москвичи, давно не бывавшие дома.

А вечером, в тот же день, я в гостях у Амара Натха. Индийский стол. Ни капли спиртного. Ни кусочка мяса, ни кусочка рыбы. Зелень, картошка, рис, пресные лепешки, фрукты. Вода, обычная, без примесей.

За столом вспоминаем Москву, Ленинград, Киев, Ригу. Они всюду с женой побывали. Просят меня исполнить несколько наших новых песен. Как могу, нараспев наговариваю им слова. Слушают, затаив дыхание. Очень нравится. Вникают в смысл трудных для иностранцев песенных оборотов, просят разъяснить ту или иную фразу.

А потом к ним приходят родственники, шесть человек. Посмотреть на гостя из Москвы. Среди них девушка, изучающая русский язык в университете. Идет общий разговор о России, о которой рассказываем мы втроем: Амар с женой и я.

Знакомство с Амаром Натхом, с другими интеллигентами убеждает в том, что в науке и культуре страны много образованных и одаренных людей. Они любят родину, преданы своему делу. В них видишь залог того, что огромная нация никогда больше не подпадет ни под какое иноземное влияние.

О все растущей армии национальной интеллигенции мне многое сказало и посещение крупнейшего учебного заведения страны — Делийского университета. С ним меня знакомит один из его руководителей, В. Д. Шаран. Официально основан университет был в 1922 году, но только после освобождения страны он стал поистине гигантским научным и учебным центром. В нем около 30 тысяч студентов. Любопытно, что из них 18 тысяч юношей и 12 тысяч девушек. Как сказал мне Шаран, академическая успеваемость у девушек в среднем выше, чем у юношей. В университете около 2 тысяч профессоров и преподавателей, среди них женщин более 500. Система обучения похожа на нашу (факультеты, кафедры, семестры, экзамены, вечерние и заочные отделения и т. п.), с той только разницей, что, кроме стипендий, есть еще и плата за обучение. 20 процентов студентов и 25 процентов студенток освобождается от платы за обучение. Приятно было узнать о связях университета с МГУ, об обмене студентами, преподавателями, литературой.

Жизнь интеллигенции Индии сложна и многообразна. Вековые традиции богатейшей культуры страны сталкиваются с западными модернистскими влияниями. Этот процесс вполне естественный, и, разумеется, не все подобные влияния оказывают только отрицательное воздействие. Но бывают столкновения и иного рода, чему, например, я стал свидетелем в Национальной галерее современного искусства в Дели. С ней меня знакомил ее директор, известный скульптор Дас Гупта. Крупный, красивый мужчина лет пятидесяти, с сильными руками ваятеля, образованный и много повидавший, он застенчиво говорит о собственных работах. Но они здесь же, в этой галерее, производят сильное впечатление. Они полны смысла, жизни, экспрессии. А рядом, по стенам, висят работы индийских абстракционистов. Индийских?! Никогда этого не скажешь. Их не отличишь от подобных же работ американских, французских и прочих абстракционистов. И, глядя на них здесь, в Индии, еще раз убеждаешься, что абстракционизм — это искусство без корней, без родины. А можно ли считать искусством такое явление? Без роду и племени?

Неподалеку от галереи находится Национальный музей. В его залах собраны шедевры, созданные много веков и даже тысячелетий назад. И в каждом таком шедевре кровь и душа Индии. И поэтому они так прекрасны. И поэтому они принадлежат не только Индии, а всему человечеству. Точно так же, как и сказочные памятники индийской архитектуры, щедро усеявшие всю страну, словно драгоценные камни корону.

Как бы далеко ни шагнула страна вперед, эти созданные гением народа рукотворные чудеса всегда будут гордостью Индии и всей земной цивилизации.

ПРОБЛЕМА № 1 И ДРУГИЕ...

Первое и главное — социальные проблемы. Они носят острейший характер.

Народ Индии еще предстоит накормить досыта. Перед этой задачей все прочие отступают на задний план. Недаром Индира Ганди назвала проблему снабжения населения продовольствием проблемой № 1.

Мне довелось слушать выступление Индиры Ганди на митинге в Дели. «До тех пор,— сказала она,— пока Индия сама не будет в достаточной степени обеспечивать себя продовольствием, даже индустриальный прогресс не сможет продолжаться». Я сидел среди журналистов, прямо перед Индирой Ганди, и видел, с какой озабоченностью говорила она об этом. Я ходил по травяному ковру большой площади во время ее выступления, фотографировал и видел, как внимательно слушал народ своего премьера. Речь шла о самом главном, насущном, и мне казалось, что собравшиеся на площади жители Дели понимают Индиру Ганди и верят ей. Кстати, атмосфера и обстановка митинга были самыми непринужденными, демократическими. На открытую ничем не огороженную площадь мог пройти каждый желающий и сесть прямо на траве, неподалеку от трибуны.

В своем выступлении Индира Ганди много говорила о сельском хозяйстве. Это не случайно. Индийская деревня живет очень трудно. Сельское хозяйство отстало, у него еще слабая промышленная база. Закон об аграрной реформе издан, но земля тем не менее по-прежнему сконцентрирована в частных руках. Труженик земли не является ее хозяином. Те, у кого земли нет, уходят в города, в которых им трудно прокормиться и найти работу. Торговцы, кулаки, ростовщики, спекулянты усугубляют страдания народа и наживаются на них.

Деревни, в которых мне приходилось бывать, внешний вид ветхих строений и их обитателей, примитивный труд на полях, отощавший скот — все это только лишний раз подтверждало то, о чем пишут сегодня индийские газеты, о чем спорят в парламенте, о чем говорят в каждом городе и деревне. Пишут, спорят и говорят во имя того, чтобы раз и навсегда покончить с вековой отсталостью индийской деревни, добиться резкой интенсификации сельскохозяйственного производства.

Каковы же пути и средства к достижению этой цели? Во-первых, конечно, аграрная и другие реформы на селе, которые провозглашены, но далеко не завершены. Это главное. Официально признано, что важную роль должно сыграть планирование сельскохозяйственного производства, увеличение выпуска удобрений и продажа их крестьянам по дешевым ценам, а также расширение и улучшение ирригационных работ. Это тоже верные пути развития.

Конечно, есть и причины, в какой-то мере объясняющие сегодняшние трудности. Недавно была засуха, был неурожай. Военный конфликт с Пакистаном тоже, разумеется, не пошел на пользу экономике страны. Но многие мои собеседники в Индии сами не считали возможным объяснять и оправдывать сегодняшние трудности только этими причинами.

Недостаток продовольствия порождает другие проблемы, в первую очередь нищету и безработицу. Недавно министр планирования Индии Ашока Мехта заявил в парламенте: «После 18 лет независимости повсюду в Индии наблюдается большая нищета. Мы не обеспечены даже питьевой водой. Уровень жизни многих миллионов людей чрезвычайно низкий».

Проблема питьевой воды стоит не только в каких-нибудь забытых богом и людьми уголках необъятной страны. Я, например, столкнулся с нехваткой воды в Бомбее, одном из самых цивилизованных городов Индии. Там этим летом принято решение пустить в ход последние резервы воды, обычно сохранявшиеся на случай чрезвычайно трудного положения. Бомбейская печать сообщает, что в настоящее время дневной рацион воды на одного человека в два раза ниже средней нормы. Министр планирования Индии Ашока Мехта считает, что для обеспечения городов и сел Индии питьевой водой нужно израсходовать немалые средства — около 12 миллиардов рупий. Но ведь миллиарды и миллиарды рупий нужны для решения других проблем. И подобных проблем немало...

Индия — огромная и сложная страна. Сколько народностей! Сколько разных религий и укладов жизни! Сколько разных традиций, которые сильнее закона и которые освящены веками! Население страны говорит на пятнадцати главных, 150 «малых» языках и 550 диалектах. До сих пор вопрос о введении официального государственного языка не решен. Власти бессильны, ибо в Индии бывало и так, что за право говорить на том или другом языке люди шли на смерть. Примерно 40 процентов населения Индии говорит на хинди, но распространить этот язык на территорию всей страны правительству пока не удается.

Конституция страны не признает сложившихся веками каст. Но на деле именно этот пережиток является одним из тех, что сильнее закона. Близко к этой традиции стоит и древнее правило старшинства. Даже на современных предприятиях порой нелегко выдвигать способных молодых специалистов, потому что, по обычаю, руководящие должности должны распределяться по принципу старшинства, с учетом, как говорится, не деловых качеств, а только возраста и стажа. С этим мне пришлось столкнуться даже на новостройках, где, казалось бы, все пронизано современностью.

Уклад жизни. На одной новостройке работает молодой индий-

ский инженер. Несколько лет проучился в Советском Союзе. В комнате у него Чехов и другие наши классики на русском языке. Культурный современный парень. Вдруг как-то объявляет, что у него через две недели свадьба. Наши специалисты, его друзья, в недоумении: где же невеста, почему никто не знает о ней? Оказывается, и сам жених не видел ее ни разу. И не увидит до самой свадьбы. Ее выбрали ему родители, живущие в другом городе. Таков древний обычай.

С удивлением рассказываю я об этом случае одной индийской супружеской паре. Оба образованные люди, молодые. Муж смеется:

— Так бывает, но все реже...

— А у вас с женой так же было? — спрашиваю я.

— Ну, что вы, конечно, совсем иначе.

— Как же иначе?! — спрашивает жена.

— Да мы же с тобой до свадьбы один раз виделись,— отвечает муж.

Очень важной социальной и одновременно психологической проблемой является отношение к труду в промышленности и на стройках, производительность труда. Угнетение при колонизаторах, страх перед безработицей, призрак голода, общая неустроенность — все это накладывает отпечаток на сам рабочий процесс. Скажем, чем быстрее построишь этот объект, тем быстрее потеряешь это место, а новое найти нелегко.

И, наконец, еще одна всеиндийская проблема. Сейчас проводится кампания так называемого семейного планирования. Правительство призывает родителей не иметь много детей. Создано специальное учреждение — Департамент семейного планирования. Вся пресса активно поддерживает эту кампанию и пропагандирует всевозможные противозачаточные средства, реклама которых, кстати, начинает теснить всякую другую рекламу. Но, помимо чисто агитационных средств, для успеха этой кампании нужны сотни тысяч врачей и медсестер, которые дошли бы до самых отдаленных уголков страны. А медицинского персонала мало. В этом-то пока и загвоздка. И, конечно, такая кампания будет тем успешнее, чем выше уровень жизни и сознательности населения.

БОРЬБА И ДЕМАГОГИЯ

Трудности жизни, в первую очередь недостаток продовольствия, естественно, порождают недовольство. Забастовки, митинги, демонстрации — характерная черта общественной жизни Индии 1966 года. Эти выступления часто носят резкий характер, особенно во время продовольственных волнений. Дело порой доходит до человеческих жертв и массовых арестов. Показательно, что забастовки и демонстрации трудящихся нередко проходят не только под лозунгами, требующими хлеба. Все более широкие массы сознательно выступают за социальную справедливость.

Вот один пример. Жил я в Бомбее, в гостинице. Спустился к дежурному администратору. Попросил вызвать такси. Предупредил его, что ехать надо будет далеко, за город. Администратор пожал плечами.

— Такси бастуют.

— Но я видел из окна, что они ездят.

— Очень мало таких. Вам в далекий путь ехать не советую. Даже если кто-нибудь из таксистов согласится ехать, вас в пути бастующие наверняка забросают камнями.

Я объяснил администратору, что мне, журналисту, эта поездка совершенно необходима. И он нашел выход: позвонил в компанию, сдающую машины напрокат (а их водители не бастовали). Пришла машина, и тогда я получил возможность расспросить шофера о забастовке таксистов и ее причинах. Он, во-первых, показал мне по пути самих бастующих. Прямо на тротуаре, на оживленной улице, сидели на расстеленных газетах человек сто руководителей и активистов профсоюза водителей такси. Их окружили плотным кольцом человек пятьдесят полицейских с длинными деревянными палками (неизменная принадлежность индийского полицейского). В переулке напротив стояло несколько полицейских машин. Оказывается, водители такси выступили против несправедливого отношения к ним, против вымогательства и жестокого обращения со стороны отдельных служащих полиции. Мой шофер, человек, живущий очень и очень нелегко, которому, казалось бы, только и думать что о куске хлеба, с жаром говорил о человеческом достоинстве, справедливости и борьбе за нее.

Острая борьба идет в стране и с внутренней реакцией. Сначала военные действия на северной границе Индии, а затем конфликт с Пакистаном вызвали новую активность реакционных элементов. При этом идет двойная спекуляция: не только на тяжелом экономическом положении, но и на определенных демократических завоеваниях, которые реакция использует в своих целях.

Как-то в Дели я видел одну антиправительственную демонстрацию с крайне правыми лозунгами. Ее сопровождали равнодушные с виду полицейские с палками. Я удивился, что демонстрация довольно многочисленная — человек триста дюжих горластых молодцов и визгливых девиц. Подобные демонстрации организуют те, кто выступает против демократических реформ и стоит за частный капитал, за капиталовложения иностранных дельцов, кто отстаивает помещичью собственность на землю.

Эти же силы пытаются столкнуть Индию с избранного ею пути на международной арене, столкнуть ее с позиции неприсоединения. Эти же силы все время ведут подкоп под Ташкентскую декларацию. И дело здесь не только в том, что она мешает обострять отношения между Индией и Пакистаном. Вопрос стоит гораздо шире. Империалисты и их пособники отлично понимают, что «дух Ташкента» выражает стремление развивающихся стран к миру и дружбе, что Ташкентская декларация наносит удар по проискам неоколонизаторов, стремящихся удерживать свои позиции, опираясь на принцип «разделяй и властвуй». Но общественное мнение Индии — за Декларацию. Выражая это мнение, Индира Ганди говорила:

«Мне кажется, что Ташкентская декларация заложила основу для того, чтобы отношения между Индией и Пакистаном пошли по новому пути. Поэтому она имеет историческое значение. До нее отношения между нашими странами складывались ненормально... Начало нормализации отношений между Индией и Пакистаном стало возможным только благодаря бескорыстным услугам правительства Советского Союза».

Я ВИДЕЛ БУДУЩЕЕ

В Дели я побывал в детском центре Бал Бхаване. Это государственное, а не частное учреждение. Оно похоже на наши дворцы пионеров. Те же секции и кружки, своя детская железная дорога. Разница только в том, что у нас в стране таких детских учреждений сотни, а в Индии пока одно. Но производит оно самое отрадное впечатление. От него должны пойти такие же по всей стране. Не сразу, постепенно, но должны. Таких центров в Индии колониальной, разумеется, не было и быть не могло. Вот почему не только в новостройках страны, но и в Бал Бхаване я увидел будущее Индии.

Это же будущее я увидел в судьбе делийской студентки Ясмин Даджи. Она учится на втором курсе, собирается стать хирургом. В ее обычной индийской семье она пятый ребенок. В новой Индии ей стало доступно высшее образование. Я застал Ясмин в госпитале, где она была на практических занятиях. Вышла ко мне из палаты девочка в белом халатике, с виду подросток и худенькая, вроде бы небольшого росточка, правда, с лицом очень живым и приметным, с глазами по-индийски огромными и прекрасными. Я сказал ей, что хотел бы поговорить с ней и сфотографировать ее. Условились встретиться после занятий.

В назначенный час я пришел к ней в общежитие. Ко мне навстречу вышла юная богиня. Я не боюсь столь возвышенного слова. Взгляните на обложку этого журнала, и вы не будете сетовать на меня за высокопарный стиль. Ко мне навстречу вышла не просто студентка Ясмин, а Мисс Индия 1966 года.

Да, этим летом на конкурсе красоты в Бомбее она была провозглашена Мисс Индией 1966 года. В разных странах избираются на конкурсах всевозможные королевы красоты. Мне довелось видеть их в жизни и в кино, говорить с ними и читать о них. Но, право же, Мисс Индия очень отличается от них. Ее врожденная скромность прямо пропорциональна ее солнечной красоте. Она живет в общежитии и мечтает только об одном — работе хирурга. Славу и заботы родины у нее никогда не затмит собственная слава. И ей всего 19 лет. Столько же, сколько независимой Индии.

Вот почему и в ней я увидел будущее Индии.

Окончание в следующем номере.

ТАЙНА ДРЕВНЕЙ МОНЕТЫ

В отделе нумизматики Государственного Эрмитажа открыта постоянная выставка монет из нашего богатого собрания. На ней экспонируются наиболее характерные монеты, обращавшиеся в Древней Греции, Риме, эллинистических государствах, в Византии, на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, в Западной Европе и в нашей стране. Показаны различные типы кладов и слитков.

Большой интерес в нашем собрании представляет дирхем, приобретенный Эрмитажем в 1938 году.

Монета сразу обратила на себя внимание исключительной красотой и изяществом почерка помещенных на ней надписей, исполненных так называемым цветущим куфи, богато украшенным растительными орнаментациями.

Монета, чеканенная в 941—942 годах н. э. в Арминийи (часть древней Армении), хорошо сохранилась, но имя правителя, обозначенное на ней, не сразу удалось прочесть. В куфическом шрифте ряд букв имеет совершенно одинаковое начертание; так, например, одна вертикальная черта в арабском письме может обозначать шесть звуков (б, п, т, с, н, и), а если она чуть повыше, то еще по крайней мере два (а, л). Легко себе представить, сколько вариантов чтения могло дать слово, состоящее из шести знаков, из которых четыре средних — вертикальные черточки.

Когда специалисты прочли надпись на монете, они столкнулись с очень редким именем правителя — Дайсам. Это имя в то время было известно только по одной монете, также принадлежащей Эрмитажу и находящейся теперь на выставке.

В европейских исторических трудах имя Дайсама ибн Ибрахима почти никогда не встречалось, а деятельность его совсем не была известна европейским историкам Востока. Приобретение дирхема побудило ученых к поискам сведений о Дайсаме ибн Ибрахиме в богатой сокровищнице средневековых исторических хроник. Поиски увенчались успехом и дали неожиданные и обильные результаты. Дайсам ибн Ибрахим оказался политическим авантюристом X века, трижды пытавшимся завладеть Азербайджаном. Жизнь его полна приключений, подъемов и падений, измен, побегов из заключения или из осажденного города, откуда он однажды выбрался через дыру в крепостной стене. Жизнеописание Дайсама ибн Ибрахима, подробно изложенное ибн Мискавейхом, историком X века, читается как увлекательный исторический роман.

А. А. БЫКОВ,

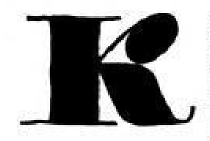
заведующий отделом нумизматики Государственного Эрмитажа

Гремите, колокола!

РОМАН

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

К тому времени, когда из хутора на берег, саженными скачками перемахнув через репейную целину, добегает Михаил Рублев, его дочка уже стоит на своих ногах, и только зеленый фонтан брызжет у нее изо рта на песок. Наградив ее на радостях таким шлепком, что она потом с воплем мчится до самого дома, Рублев топчется перед Наташей, не зная, как выразить ей свою благодарность.

— Я тебе завтра ведро раков наловлю.

— Ну, этого добра я сколько угодно могу в к у ш у р е набрать,—тщательно отжимая волосы, говорит Наташа.— Вы бы лучше, дядя Миша, где-нибудь подальше свои переметы ставили. Вот.— И она показывает ему на бедре рваную бороздку от крючка. Капельки крови еще не запеклись на ней.

— Дальше их пароходá рвут,— мрачно говорит Рублев и идет к своей лодке выбирать из воды переметы.

Кроме трехлетней, младшей, Зинки, которую чуть не утащила за собой волна, у Михаила Рублева еще девять детей, и, если он не будет всеми способами добывать для них рыбу, ему ни за что не прокормить всю эту роту на свою зарплату совхозного скотника. Когда все десятеро рублевских детишек направляются на Дон купаться, они спускаются из своего двора по тропинке цепочкой, точь-в-точь как утята без матки. Мать их уже опять собирается в роддом, и скоро у Зинки появится младшая сестренка или братик. И тогда уже через два или три лета не Зинка будет замыкать шествие рублевских утят к Дону.

И никто в хуторе не осуждает обычно глазастого и до крайности нетерпимого к малейшим нарушениям государственных правил рыбной ловли инспектора рыбоохраны за то, что на переметы, раколовки и сетки Михаила Рублева он смотрит сквозь пальцы.

Но вот вернулись с Дона, и Наташа опять добровольно поступает в полное распоряжение Любочки. Принесет ей из погреба в корце холодного компота залить жажду. Испечет в летней кухне на сковороде пшеничных л е п е н ч и к о в, которые ни у кого больше, даже у матери, не получаются такими вкусными. И потом опять, притихшая, с мокрыми волосами, сидит и слушает рассказы Абастика вплоть до темноты, когда из садов и со всей береговой к у ш у р ы слетаются комары и бабочки на свет лампы, сверкающей над столом в ветвях дерева.

Теперь уже вся семья в сборе. Вернулись из степи отец и с медпункта мать. Серо-голубой ушастый щенок Ромка весь вечер будет фыркать под столом, обнюхивая их ноги, пытаясь разобраться в причудливой смеси принесенных ими с собой запахов пыльной дороги, цветущего подсолнуха, бордоской жидкости, которой опрыскивают виноград, эфира и спирта. Только и слышатся оглушительные шлепки ладоней и исполненные кровожадного сладострастия возгласы: «Ага!»

Но и не хочется уходить в душный дом от прохлады, навеваемой Доном, от неба, засеянного по-летнему и по-степному крупными звездами, от всех этих запахов нагретой за день солнцем и теперь отдающей свое тепло земли. И не будь комаров, не было бы и удовольствия от этого разожженного поблизости костра, в который время от времени то одна, то другая, вставая, подкладывают метелки бурьяна, сухие ветки. Дым ест глаза, и в отблесках костра Любочка в ее цветастом летнем платье и с ее смуглым черноглазым лицом — совсем как цыганка. В мокрых волосах у Наташи серебрятся песчинки.

И только когда совсем уже заедят их комары, руки и ноги расчесаны в кровь, а слезы от дыма бегут в три ручья, они заливают водой и засыпают землей костер и перебираются в дом. К тому времени на веранде у Наташи уже не так душно, и вообще очень хорошо там над яром по соседству с Доном, поперек которого заостровная луна уже начала выкладывать плита за плитой свою переправу с берега на берег. Хоть берись и вози по ней с займища в хутор только что накошенное, молодое сено. Спят они, конечно, обе на веранде, а вот когда засыпают, никому, кроме них, в доме неизвестно. И в полночь и за полночь доносятся оттуда их голоса и взрывы смеха.

Теперь уже не Любочка, а ей что-то рассказывает Наташа, а Любочка, повизгивая, переспрашивает:

— А как же он сумел, чтобы оно само стреляло?

— Ты бы тоже сумела. Ружье на двух рогатках, а от курков проволока к дверце чердака.

— Ну?.. Да ты рассказывай все по порядку.

— А ты не визжи. За своим визгом опять не поймешь.

— Хорошо, не буду. О-ой, не могу! Ну, ну...

— Ну и сам же под Бахусом забыл и полез. Решил порадовать своих дружков еще бутылью с вином. Спасибо, что, еще не долезая, от нетерпения потянулся рукой...

— И...

— Остальное ты уже знаешь. Грянуло сразу из двух стволов, и он спикировал с лестницы. После три недели лежал. Ни вздохнуть, ни охнуть.

— Этот самый Рублев?

— Этот самый.

— Ой-ой, Наташка, погибаю!..

И что-то тяжелое бухается на веранде на пол так, что трясется весь дом. Вероятно, Любочка, катаясь по тахте и не рассчитав края, а может быть, и дурачась, свалилась на пол. Луговой слышит, что и жена смеется в темноте на своей кровати в углу комнаты.

Но его и самого давно уже разбирает неудержимый смех при воспоминании об этой истории с Рублевым... Как он, раздобыв где-то бутыль с вином и боясь за его сохранность, соорудил на чердаке грозную установку и сам же едва не стал жертвой.

Внезапно смех на веранде обрывается. По дощатому полу пробежали босые ноги. Музыка.

И теперь уже, пока пластинка не докрутится до конца, нечего и надеяться, чтобы они вспомнили, что в доме, кроме них, есть и еще люди. Ни о том, что отцу, как всегда, вставать в четыре утра, а завтра еще и встречать очередную комиссию из винтреста и опять весь день водить ее по склонам, доказывая, что здесь, а не на левом берегу казаки всегда разводили виноград. Ни о том, что и ночью опять непременно кто-нибудь поскребется в ставню, тот же Рублев: «Марина Николаевна, началось...» И Марина Николаевна безропотно вставай и скорее езжай в станицу в роддом, а то и принимай на полпути, где-нибудь под береговыми вербами, не пожелавшего задерживаться с появлением на белый свет нового гражданина.

Вот и попробуй усни, когда за стеной бушует этот ураган звуков. А таких ураганов Любочка привезла с собой полный чемодан. Луговой так и охнул на вокзале в Ростове. Каждую ночь они выпускают из чемодана по одному, а то и по два урагана. Если это не Третий концерт Рахманинова, то наверняка Двенадцатая рапсодия Листа.

В темноте, разбавленной скупым свечением Дона, ему почти не видно кровати у противоположной стены, но, чувствуя, что и жена что-то хочет ему сказать, он спешит заверить ее:

— Я не сплю, Марина.

Ее голова приподнимается над подушкой. Но, говоря, она продолжает прислушиваться и к роялю за стеной:

— Сейчас начнет этот старый пастух... Вот уже начинает. Слушайте, слушайте, я расскажу вам историю любви, такой же высокой и суровой, как эти горы...

Если бы Луговой не знал своей жены, он бы мог подумать, что она бредит. Но и зная ее, он не сразу понимает:

— Какой пастух?

В ответ до него доносится ее веселый смех.

— Ну, если не пастух, то, может быть, хозяин мельницы или корчмы в горах. Могу представить себе и его внешность: смуглолицый и седой, но глаза еще совсем живые, как у твоего отца. А у тебя, когда ты слушаешь музыку, бывает так?

Ничего для него обидного нет в ее сло-

П р о д о л ж е н и е. См. «Огонек» № 25.

вах, и тем не менее он ловит себя на том, что сердится.

— Ну, это ты хочешь от меня многого. В нашей семье только и музыки была одна гитара, на которой сестра Аня наигрывала падеспанец — хорошенький танец... Правда, петь у нас любили. Съедутся в воскресенье к отцу и к матери из хуторов братья и сестры, постелют под грушей лантух и поют «Конь боевой с походным вьюком». А дед мой даже в новочеркасском войсковом хоре пел. У него какой-то бас профундо был, но...

Но в этом месте жена и прерывает его:

— Подожди, что-то ты разговорился. Слышишь, опять этот пастух?

— Никакого я пастуха не слышу.

И Луговой обиженно примолкал. Он, конечно, не собирался отнимать у своей жены ее право лучше разбираться в музыке. Как женщина, она, конечно, должна чувствовать это более тонко, да и вообще все-таки выросла в городе, имела возможность ходить на концерты, в театр. А его единственным театром с малых лет до юности был слободской клуб, куда мать брала его с собой на репетиции и на спектакли драмкружка. И ему вспомнилось, как однажды ринулся он прямо на сцену из зала клуба, увидев, что в его одетую в кожаную куртку мать целится из нагана белогвардейский офицер: «Не убивайте мою маму!».

А потом коллективизация, война, и теперь хоть умри, он ни за что не рискнул бы сказать, что разбирается в звуках этой рапсодии Листа так, как жена. Ей, например, чудятся в них то пастух, то какой-то мельник, а ему вдруг начинает казаться совсем другое. Особенно когда опять начинает сотрясаться весь дом.

Ему тогда почему-то вспоминается, как в январе сорок пятого, когда генерал Галле начал свое контрнаступление под Будапештом, командиры прижатых к Дунаю кавдивизий и полков съехались на КП корпуса за приказом, как быть дальше. Вся артиллерия корпуса осталась за Дунаем, а Галле стянул против корпуса все свои танки. И Луговому никогда не забыть, какое при этом удивление испытал он вместе с другими командирами, когда их комкор, урюпинский казак Горшков, вместо приказа повернул к окну горбоносую бритую голову и пропел вкрадчивым голосом:

Дунай, реченька, она, братцы, широкая,
Переправы да на ней нет...

Дунай и правда разлился после дождей так, что левый берег лишь угадывался в дымке. И вообще никакой он был не голубой, а красновато-бурый. Навсегда запомнил Луговой и то, как, взглянув вслед за комкором в окно, командиры тут же молча стали покидать КП. С этим приказом и Луговой вернулся в свой полк, а наутро уже очнулся в медсанбате у Марины.

Вот только никак не мог он вспомнить теперь дальнейших слов песни. И только что они начнут горячими родничками пробиваться сквозь корку памяти, как опять надвинется гремящая лавина откуда-то с гор.

— Марина!

Ответа нет, но он чувствует, что, слушая музыку, она слышит и его.

— До сих пор я не могу понять... Все офицеры корпуса звенели шпорами вокруг военврача Агибаловой, а она предпочла...

— Не задавайся. Сам же и увез.

— Это я хорошо помню. Кажется, это единственный раз мы вдвоем ехали на одной лошади. На Кавказе это называется умыканием. И притом без всякого выкупа. Но и ты тогда держалась за меня обеими руками достаточно цепко.

— Выкуп был. Рано или поздно за все приходится платить. А иногда и всю жизнь.

— Ну, это уже совсем непонятно.

— Давай помолчим. Интересно, что говорят об этом девчата. Конечно, подслушивать — грех, но мы же не виноваты, что говорят они так громко.

Девчата и в самом деле ничуть не беспокоились, что их могут услышать. Их голоса пробивались даже сквозь самые бурные наплывы звуков.

— Ее он и на конкурсе играл. И вообще это его коронный номер. Он ее играет с двенадцати лет.

— А это Абастик, правда, что ему приходилось ее и в ресторане за котлеты играть?

— Не знаю, теперь все могут написать. То не удостаивали даже в хронике, а сейчас пишут, что он больше всего бифштекс с пареной репой любит. Но может, и правда. Родители у него не из знатных. Мамаша — учительница музыки и отец не то землеустроитель, не то тоже агроном. Но порция котлет за Двенадцатую рапсодию Листа — это еще не так плохо. Наши ребята ходят на сортировочную арбузы сгружать.

— А мы с Валькой на совхозной бахче их в машины грузили. Ничего трудного.

— Постой, опять тема любви... Там, там, там, там, там, там, там, там, там, там... Как будто старый мадьяр, а может, и цыган, перебирает струны. Слышишь, как этот мальчик берет дуодециму левой рукой? Если бы ты видела его пальцы! Вот так запросто сграбастает — и тот же оркестр. Ты спать не хочешь?

— Нет, нет, еще же рано.

— А наши агрономия с медициной уже, должно быть, ко второму сеансу своих сновидений подходят... И, рассказывая, он то чуть слышно пощипывает струны, то как будто хочет их порвать... Это произошло в дни моей юности. В те дни, когда любящее сердце могло взбираться и на самую высокую из этих гор. Теперь все это уже в прошлом, но жизнь моя была бы совсем безотрадной, если бы этого не было тогда. Слышишь?.. Нам было вдвоем так хорошо! Юность и вообще прекрасна, но когда она пробуждается для любви, она способна на все... А это уже тема судьбы, как будто надвигается лавина или гроза. Никак не поверю, что Петр Ильич мог Листа не любить.

И ее голос надолго теряется за натиском звуков. Странное при этом чувство испытывал Луговой. Самую настоящую зависть к своим детям. Никогда не жаловался на свою жизнь, а теперь лежал, уставясь глазами в темноту, и думал, как непоправимо обокрала его жизнь. Сказали бы ему и Марине двадцать лет назад, что наступит ночь, когда они будут лежать в темной комнате у реки и не разрывы фугасок или мин не будут давать им спать, не треск пулеметов, а рояль, гремящий в котловине между цепью правобережных придонских бугров и стеной левобережного леса. Самая восприимчивая часть его жизни была потеряна для музыки и еще для чего-то такого, что посещает человека лишь в молодости и уже недоступно бывает ему в другое время.

— А это, Наташа, уже трубы, скрипки, даже барабан. Юность веселится и пляшет в горах. Опять заграбастал дуодециму — и оркестр... Давай, моя радость, у этой корчмы, где стоят бочки с вином, и отпразднуем нашу любовь. А вот подъехали к корчме и цыгане. Слышишь, бубны? И когда на экзамене в Джульярдской школе он выдал ее, вся комиссия обалдела. А до этого сидели с постными рожами. Опять тема судьбы. Как лавина в горах. Но мы, моя радость, уйдем от нее, поднимемся туда, где ничто уже не помешает ни нашей любви, ни нашим танцам и песням. Но может быть, Наташа, все это и не так. Каждый чувствует по-своему. А ты? — И, помолчав, Любочка заключает: — Конечно, чтобы чувствовать музыку, надо уметь чувствовать любовь. Но я в твои годы уже была влюблена в Мишку Курдюмова в нашем дворе. Ты спишь?

Наташин ответ затянулся. Должно быть, пережидает раскаты рояля. Она и в детстве никогда не умела раздваиваться. Если заиграется, — не дозовешься, если читает, — становится глухой ко всему остальному. Любочка переспрашивает:

— Ты что же, заснула?

Тем временем и этот самый пастух или мельник заканчивает свою повесть в горах. Но проходит и еще некоторое время, прежде чем Наташа отвечает:

— А по-моему, если кому-нибудь рассказать о своей любви, она уже будет принадлежать не только тебе.

— Ну, не скажи. Я, когда влюбляюсь, всегда со Светкой Комаровой делюсь. А теперь давай спать. У меня глаза как засыпаны песком.

И за стеной на веранде устанавливается тишина. Особенно непорочной кажется она после того, как смолк этот ураган звуков. Но первая же Любочка и нарушает ее:

— Наташка?

— Что?

— Это что шуршит?

— Ежики ходят через двор к Дону воду пить.

— А за Доном? Как будто плачет.

— Говорят, лисовин шатается по лесу, но точно не знаю. Давай, Абастик, спать.

— Да, сейчас... Натуля, а письма из Москвы сюда доходят на какой день?

— На четвертый.

— И авиа?

— И авиа. Но иногда и на третий.

— Если, Натулька, придет мне письмо, ты, пожалуйста, никому его, кроме меня, не давай. Хорошо?

— Хорошо, не дам. Спи.

— Конечно, там ничего такого нет, но ты правильно сказала, что об этом никто не должен знать. Но тебе, если захочешь, я дам почитать.

— Очень мне нужно!

И потом уже во всем доме ничто не нарушает тишину. Лишь слышно, как шатается в задонском лесу лисовин. Как будто что-то потерял и не может найти.

— Ты чему улыбаешься?

— Можно подумать, что ты умеешь видеть в темноте...

— А ты и не знал? Когда в Ньюридхазе разбомбили госпиталь, мне пришлось почти на ощупь накладывать на рану швы.

— Скоро ты и меня сделаешь своим медбратом.

— Не раньше, чем ты меня — агрономом.

— И я смогу замещать тебя на медпункте.

— Нет, серьезно, чему?

— Тому же, чему и ты.

— Да, и Наташка растет...

— Ну, это не обязательно ее собственные слова. Что-то похожее я читал.

— Но она их запомнила...

— У нее всегда была хорошая память.

— Вот теперь они уже совсем угомонились. Спят.

Ураган за стеной отбушевал, и девчата спали. Если приподнять голову, можно увидеть в окно вороненую спину Дона. Когда проходит теплоход, тень его с круглыми пятнами окон движется по стене, пока не скрывается за островом.

— А ты спишь?

На этот раз она и в самом деле уже спала. После того как улеглась буря, особенно чиста тишина в доме, на Дону и в левобережном лесу. Спит и хутор.

— Нет, не сплю, — вдруг говорит Марина.

— О чем ты думаешь?

И внезапно он слышит, как она тихо поет ему из своего угла:

Дунай-реченька, она, братцы, широкая.
Переправы да на ней нет;
Нет ни брода, ни парома,
Ни казачьего, братцы, моста...

Это уже не впервые, и все-таки он удивляется. Как будто кто-то настраивает их на одну волну. Но для этого обязательно нужно, чтобы опять возбудились — как сейчас от музыки — и пробились сквозь корку памяти эти горячие роднички.

— Удивительно, как это получается?

— Что?

— Вместе об одном и том же.

Она помедлила, и он насторожился, уловив в ее голосе перемену.

— В таком случае ты и о другом должен сейчас подумать.

— О чем?

— О том, что санитарная машина совсем не для того, чтобы возить в ней блоки моторов и всякие другие запчасти.

— Но ведь нужно было срочно отвезти

их в «Сельхозтехнику» на ремонт, а ты же знаешь, что машин у нас пока мало. Совхоз молодой.

— И вообще ездите вы на ней на пленумы и на сессии, в Госбанк и в «Сельхозснаб».

— Это только в грязь, а у нее два ведущих моста.

— Второй уже вышел из строя, доездились. И каждый раз потом изволь ее дезинфицировать. Не могу же я в таком рассаднике роды принимать.

— Но почему ты это мне говоришь? Скажи директору.

— Я уже ему говорила и еще скажу.

Он примирительно сказал:

— Марина!

Она не ответила, и, приподнимая от подушки голову, он повторил:

— Марина!

Бесполезно. Теперь уже она не пойдет ни на какие компромиссы. Такая она и на фронте была. Никогда, как говорится, личное от общественного не умела отделить.

А возможно, ее и в самом деле внезапно одолел сон. Лежала, разговаривала — и сразу провалилась как в яму. Как-никак, вероятно, большая часть ночи прошла. Ему бы перед рассветом тоже надо хоть немного поспать.

И перед тем как повернуться на бок, он взглянул на окно. Нет, уже поздно. Уже проем окна из густо-черного стал мутно-синим. И с Дона побулькивание донеслось. Кто-то из рыбаков, должно быть, Рублев, спускался от острова в лодке, ударами клока по воде приманивая доверчивого сома.

Уезжала Любочка обычно, когда с виноградных лоз уже можно было ощипывать первые кисло-сладкие ягоды и в Дону вода начинала охватывать нелетней свежестью зачастивших в его верховьях дождей. Скворцы табунились в степи.

Но в том году засобиралась она раньше обычного. Ей нельзя было в последний год своей учебы в институте слишком долго засиживаться в этой хуторской глуши. И, чтобы поиграть здесь, нужно в самое пекло переться — за три километра на другой край хутора, в летний кинотеатр турбазы, где стояло единственное, с ободранными клавишами пианино, на котором все, кому не лень, исполняют перед киносеансом Мучу. Да еще при этом надо терпеливо выслушивать излияния культурника Пети, что у него тоже способности к музыке и он даже заменяет на танцплощадке слепого баяниста. Конечно, культурник Петя — добрейший человек, но если он и пришел побеседовать, то не меньше чем на три часа.

И Любочка возвращалась из своего похода по летней жаре вся красная и злая, хоть спички зажигай. Она уводила Наташу за дом под клен и там давала волю своим чувствам.

— Нет, тебе после школы обязательно нужно учиться только в Москве. Конечно, отец с матерью будут против, но ты не вздумай их послушать. Все они уверены, что в Москве их деток ждет погибель, но я же не погибла.

Если Луговой был дома, он слышал в окно, защищенное лишь сеткой от комаров, что ему при этом достается больше всего. Конечно, говорила она, из зарплаты агронома и врача трудно что-нибудь выкроить, но все-таки как-то уже можно было собрать денег хотя бы на пианино «Ростов-Дон» с учетом, что и младшая дочь могла бы

учиться музыке. А так за лето можно совсем разучиться играть. Пальцы уже как деревянные. Если подходить по-настоящему, ей уже теперь надо готовиться и к защите дипломного реферата. У нее давно и тема есть.

Наташа тихо спрашивала:

— Какая, Абастик, тема?

— Шопен, Ноктюрн Des dur. Но Игумнов говорил, что работа над произведением должна являться процессом бесконечного вслушивания в музыку. А где здесь можно вслушиваться, где? — в отчаянии повторяла Любочка.— Все лето пропало. Если бы не ты, я бы в этом году ни за что не приехала сюда.

Наташа виновато молчала. Но вот Любочка уже отсердилась, и в голосе у нее не осталось и тени недовольства.

— Шопен... Его Генрих называет поэтом фортепьяно. Но ты знаешь, что еще говорит о нем Генрих?

— Нет.

Любочка наизусть цитировала:

— Если правда, что сердцевина всякого искусства, его глубочайшая сущность и сокровенный смысл есть поэзия.., то в истории искусств найдется не много гениальных людей, которые воплотили бы ее в своем творчестве столь полно и совершенно, как Шопен...

Вспоминалось теперь и то, что расставалась она на этот раз с Любочкой как-то особенно тяжело. Нет, не плакала, как в прежние годы, навзрыд, отдаваясь своему безутешному детскому горю, после чего все-таки выходила на зов Вали, и до следующего лета их жизнь возвращалась в свою колею. За час до отъезда Любочки хватились, что Наташи нет, куда-то исчезла, и, сколько ни звали ее, не отзывалась. Но стоило только машине с Любочкой отъехать от ворот, как сразу появилась откуда-то из-под яра с блестящими глазами и, когда мать стала выговаривать ей, что теперь уже она может не увидеться с Любочкой вплоть до ее возвращения из Монголии, вдруг закричала незнакомым голосом:

— Отстаньте вы! Все вы отстаньте от меня! У меня только и есть одна Любочка, а вы все чужие, чужие!

Тогда-то впервые и появилось у нее в глазах это выражение, как у нырка, которого Марина как-то подобрала на дороге в степи, после того как он наткнулся на электропровод. «Не подойди, не прикасайся, не тронь!» — так и кричало из глаз нырка, и кровь из-под сломанного крыла мелкими каплями сочилась ему на грудку.

С тех пор и с матерью стала обращаться, как никогда не обращалась раньше. С той самой матерью, которая, как только родилась у нее дочь, кажется, совсем забыла, что она и сама не старая еще женщина.

И однажды услышавший это Луговой в приливе гнева вдруг закричал на Наташу и сразу же смолк, встретившись с ее страдальческим взглядом. Встав из-за стола, ушел в сад и долго ходил там взад и вперед по тропинке между кустами винограда и частоколом над яром. Ему казалось, что чья-то жесткая ладонь сжимает и отпускает его сердце. Останавливаясь, он брался рукой за вербовую сошку.

Но так он и не дождался тогда, чтобы она нашла его в саду и сама подошла мириться, как это бывало раньше, когда между ними происходили размолвки... когда занятый отец, вдруг вспомнив, что у него есть дочь, считал своей обязанностью напомнить ей о своей власти.

А теперь не хватает и ее музыки, от которой уже некуда было деваться у них в доме. Тишина, а покоя нет. И так будет до тех пор, пока он не пройдет, хоть и с опозданием, весь тот путь, который не прошел — не по чьей-нибудь, а по собственной вине — раньше. Не узнает о ней то, что ему нужно было знать прежде, и не поймет всего до конца. И все до конца вытерпит, если даже память и начнет извлекать из своих недр такое, что впивается в самое сердце и царапает его, как когтями. Чем длиннее будут становиться осенние, а потом и зимние хуторские ночи, тем глубже будут зарываться в сердце эти когти.

Наедине со своей совестью весь путь пройдет... И каким бы суровым ни был ее приговор, ни обжалованию, ни амнистии он не подлежит. На эшафоте собственной совести амнистии не бывает. Только единственный союзник и остается — твое мужество взглянуть в лицо правде. И ни своими виноградными лозами не заслониться, ни всей жизнью, прожитой, как до этого казалось, не так-то плохо.

Но если так и не поймешь, ты не вправе впредь ожидать понимания и от других людей. Так прямо приди к ним и скажи: не хочу, чтобы вы продолжали ошибаться.

Потому что, если ты остался глухим к сердцу, которое билось рядом с твоим, люди не могут рассчитывать, что ты вообще способен понимать их сердца.

Между тем жизнь в хуторе не замедляла своего течения, как и Дон, омывающий его берег. В садах совхоза и рыбацкого смежного колхоза уже не выборочно, а со всех кустов срезывали виноград, и бригада Дарьи Сошниковой опять пела песни на склоне. Но голоса самой Дарьи слышно не было: она теперь работала на винограднике в степи, зато оказалось, что у ее сестры Любавы, ушедшей недавно от своего мужа Стефана Демина, голос ничуть не хуже, если не лучше. И если спрягутся они с Лепилиной Феней, их голоса в полдень то поднимаются из садов до самого Володина кургана, то снижаются и стелются по гладкому, как стекло, Дону.

А Демин сам, бывший Любавин муж, чуть не сгорел. Запаривал в летнице винные бочки и оставил на ночь в печке жар. Раньше за всем этим досматривала Любава. Ночью уголек упал на дрова, оттуда огонь перемахнул на соху виноградного куста и уже собирался вспрыгнуть на угол чакановой крыши, под которой спал непробудно хозяин. После ухода Любавы он и за день не раз и на ночь наведывался в погреб, где у него выдерживалось вино в баллонах и в бочках.

И сгорел бы, если бы Луговые не проснулись от исступленного лая деминского Пирата и не увидели зарево в окнах. Полураздетые выбежали во двор и, с трудом докричавшись Демина, стали передавать ему из рук в руки ведра с водой.

Прибежала на пожар и Махора, мать Вали, и, стягивая на груди ворот ночной рубашки, пообещала:

— Сейчас толечко оденусь и вернусь...

Но так и не вернулась. И всех других соседей Демина в эту ночь как сон сморил. А когда утром в степи Луговой остановился возле Махоры, складывающей в корзину спелые гроздья пухляка, она первая сама заговорила, отвечая на его молчаливый вопрос:

— Не глядите на меня так. Я думала, что у вас горит, потому и прибегла, а у него пусть хоть все выгорит дотла, он опять наживет. В совхозе на низу сад большой, и он еще натянет. И охота была вам с Мариной Николаевной сон нарушать!

Приезжал за это время в совхоз и тот агроном из винтреста, от которого и пошел переселяться с правого на левый берег Дона виноград. Но на этот раз Луговой сразу же схватился с ним из-за того, какой подсаживать к пухляку опылитель. Можно было и шаслу, и плавай, и буланый, и Луговой долго не мог понять, почему этот агроном настаивает, чтобы только кокур, который казаки здесь всегда называли долгим. Не мог же он не знать, что цветение его не всегда совпадает с цветением пухляка. И только тогда понял Луговой, когда у агронома из винтреста вдруг вырвалось:

— Тут я никому не позволю меня учить! Я на этом диссертацию защитил.

— Но из-за этого мы теперь не можем урожаем рисковать,— сухо сказал Луговой.

И если уж до этого нельзя было заподозрить их в особых симпатиях друг к другу, то на этот раз расстались они, откровенно враждуя.

Не останавливалось течение хуторской жизни, как и Дон под яром. Так же, чуть только улочки хутора начинали полниться мычанием стада, Луговой шел на центральную усадьбу совхоза, чтобы самому присутствовать при разъезде людей в степь и за Дон. За Доном и на острове солнце зажигало лес, по хутору прочищали трубы трактора. Если Луговой выходил из двора через нижнюю калитку, он встречался с женщинами, идущими в старый, бывший колхозный сад во главе с Феней Лепилиной, назначенной над ними старшей взамен Дарьи Сошниковой. Здороваясь, Феня останавливалась и начинала разговор:

— В степь?

— В степь,— отвечал Луговой.

— А в наш куток вы когда-нибудь думаете заглянуть?

— Вы же, Феня, знаете, что главные виноградники у нас теперь там, но как-нибудь и к вам загляну.

— Значит, и бригадира от нас забрали и сами отказались. А предбывший наш агроном Кольцов, когда тут был колхоз, бывало, на день и по нескольку раз заходил.

— Зачем же по нескольку раз?

— Инструкции давал.

— Кому?

— Бригадиру. Дарье Тимофеевне. Но с тех пор как объявился ее без вести пропавший Андрей, уже не дает. Теперь по должности вы нам должны давать.

Луговой пробовал оправдаться:

— Вы и так все знаете не хуже меня.

— Нет, на то вы в совхозе и агроном.— И, сняв с плеча лопату, она ворошила ею на дороге пыль.— Вы не иначе боитесь нас?

Луговой, смеясь, подтверждал:

— Боюсь.

Приподнимая плечо, Феня осведомлялась:

— Кого?

— Вас.

Но эту шутку Феня не хотела принимать. Плечо у нее опускалось, и игривое выражение исчезало с белого, не тронутого загаром лица.

— Вам такие шутки со мной не надо шутить.

— Почему?

— Сами должны знать.

— Но я же, Феня, не знаю.

— А не знаете, так, значит, и незачем вам знать.— И к Фене возвращался ее игривый тон:— Подождем, пока вы без нашей инструкции догадаетесь понять. Мы люди терпеливые. За войну научились ждать.

И, вскидывая на плечо лопату, уходила, догоняя других женщин, по дороге под яром, к садам. Женщины что-то спрашивали у нее, оглядываясь на Лугового, и сопровождали какой-то ее ответ громким смехом.

Стал ловить он себя и на том, что вглядывается в лица людей, которые здесь знали Наташу, и начинает прислушиваться, если вдруг в их разговорах мелькало и ее имя. И они, как будто чувствуя, о чем бы ему хотелось узнать, сами заговаривали с ним о ней. Тот же Стефан Демин, который всегда состоял в контрах с хуторскими ребятишками, как-то, встретившись с Луговым, прижмуривая глаз, с восхищением закрутил головой:

— Ну и увертливая у вас дочка! До скольких разов целился ее из ружья подсолить — и не попал. Прямо с большого ореха сигала на землю. Она тут над всей детвой была атаман.

И это только теперь, да и то случайно, узнал Луговой от Рублева, как выхватила она из воды его младшую девочку, когда ее захлестнуло волной от дизель-электрохода. Ни сама Наташа, ни Марина раньше не рассказывали Луговому об этом. Может быть, и Рублев так никогда и не рассказал бы ему, если бы они не переправлялись в одной лодке на левый берег Дона и их лодку не накрыло такой же волной так, что они потом вынуждены были сушиться, побросав

на ветки вербы одежду. Тут-то, греясь после позднего купания на левобережном полуденном песочке, и припомнил Рублев этот случай, неожиданно заключив:

— Так что теперь вы не дюже печальтесь, что она уехала, а то она при своей отчаянности тут и утопнуть могла. А в Москве навернак и такой речки нет, чтобы можно было утопнуть.

И это тот самый Рублев, которого Луговой не далее как вчера стыдил на собрании за то, что от него на три километра — до самого Сусата — ушли бычки, когда он придремал под вербой. Теперь он явно хотел подбодрить Лугового. Коротко взглянув на его широкое смущенное лицо и отводя взгляд, Луговой стал быстро надевать еще влажную, не совсем просохшую под осенним солнцем рубашку.

Теперь только и от бригадира Черных узнал он, что, когда прошлым летом Наташа с Валей проходили на задонском огороде школьную практику, за ними иногда и взрослые женщины с тяпками угнаться не могли. А дед Заброда, высунув из-за забора свои курчаво-белые усы и поинтересовавшись, на время или насовсем уехала Наташа, услышав ответ Лугового, так и померк.

— Кто же мне теперь будет книжки из библиотеки носить? С моими ногами мне на тот край хутора невозможно ходить. И у бабки задышка, а зимой ее медом не корми, но только чтобы вслух ей романы про любовь читать.

И даже бравые краснопартизанские усы у него поникли.

Чем дальше, тем больше убеждался Луговой, что к отъезду ее люди здесь отнеслись не так, как обычно относились, когда кто-нибудь уезжал из хутора. Обычно поговорят о человеке первое время, иногда повздыхают, если это хороший человек, и замолчат. Если же и вспоминают потом, то от случая к случаю. Даже к хорошим людям память, порастаемая ряской повседневных забот, возвращается редко. И, в сущности, кем была Наташа для этих людей, то и дело осведомлявшихся у ее отца и матери, как ей там живется в Москве? Одной из многих таких же голенастых девчонок, молниеносно выраставших здесь на берегу из своих платьиц. Не могла она еще — хотя бы по своему возрасту — успеть занять и сколько-нибудь заметное место в жизни этих людей. И все же, оказывается, была она для них не просто знакомой. Еще одно открытие. И самым удивительным было, что для нее эти люди все-таки отвели в своих сердцах место. Для семнадцатилетней девчонки, еще только начавшей жить! И никто другой с ее отъездом этого места не занял. Уехала из хутора — и на этом месте образовалась пустота, которую люди, хотя бы частично, хотели заполнить воспоминаниями о ее жизни среди них и сведениями о теперешней ее жизни там, в Москве.

И от Марины он узнавал, что для нее, матери, это тоже теперь было сопряжено с множеством открытий. Кроме той Наташиной жизни, которая до этого представлялась им ее настоящей жизнью, существовала еще и невидимая, скрытая от них. Та, где все время совершался таинственный процесс взаимодействия атомов ее мыслей и чувств, сопровождаемый вспышками, замечаемыми всеми другими людьми и оставшимися не замеченными для ее отца и матери. Неужели и правда родительская любовь тем же и слаба, чем сильна,— тем, что незряча?

А тут еще и встречи с ее подругой Валей, после которых всегда оставался какой-то щемящий след. Иногда заходила она и, сидя за столом под деревом, рассказывала о себе. Она и всегда была своим человеком в их семье, а теперь стала еще ближе напоминанием о своей близости к Наташе. Помогая Марине Николаевне обирать со стопок винограда ягоды на вино, она рассказывала об изменениях в своей жизни. Ее мать, которую все хвалят на работе за ее золотые руки, пьет все больше, отец потихоньку от нее построился на другой усадьбе, и теперь Валя с младшей сестренкой, Шуркой, разрываются между двумя домами. И мать жалко, но у нее каждый вечер гулянка, и отца без присмотра нельзя оставлять. Ему некому даже борщ сварить.

И Валя умолкала, не в состоянии больше сказать что-нибудь плохое о своей матери. Да и нечего было сказать, за исключением того, что, живя в этой местности, она незаметно пристрастилась к вину. Из-за этого, а может быть, и не только из-за этого, расстроилась вся их семья. Старшая Валина сестра раньше времени поспешила выскочить замуж и уехать, а младшая, умная не по своим пяти годам Шурка, задумывается. Остановится на дороге, уставится глазами в одну точку и молчит.

И щемящее чувство тревоги, оставляемое каждый раз приходами Вали, незаметно перебрасывалось на Наташу. Она там, в Москве, тоже без отца и матери, одна, а ведь ей еще и восемнадцати нет. И от макушки до пяток она вся хуторская. Кто ей там вовремя даст совет, предостережет от возможных в ее возрасте ошибок? Можно и среди множества людей чувствовать себя одинокой.

И от ее писем, скупых, написанных крупным полудетским почерком, веяло чем-то недосказанным, от чего оставался почти такой же след, как и от посещений Вали.

Но, может быть, больше всего поразил Лугового разговор с Валиной матерью Махорой, когда она после очередного загула опять пришла проситься на работу и, получив отказ, не обиделась, а только заплакала и сказала:

— Вот теперь от меня и все уже откачнулись насовсем — хоть пропадай. Валька моя как ушла к отцу, так и глаз не кажет, родной матери стыдится, и Наташи вашей нет. Теперь, если опять заболею, некому будет и воды подать. Прошлую зиму, когда я в гриппу лежала, Наташа, бывалоча, придет и печку затопит, и полы помоет, и не забудет чего-нибудь мне из дому поесть принести. А то и сама борщ сварит. А теперь некому будет приходить. И с чего это она как-то сразу собралась в эту Москву? Какая-то в это лето она непохожая была на себя. Значит, мне теперь совсем пропадать.

И, повернувшись, пошла к двери. Окликнув ее и досадуя на себя, Луговой написал управляющему отделением на ее заявлении всего одно слово: «Допустить».

— Только это уже совсем в последний раз,— отдавая заявление и не поднимая глаз, предупредил он Махору.

Но, взяв заявление, она так и не отошла от стола, пока он не поднял глаза.

— Спасибо тебе. А я-то думала: чье у нее сердце?..

И ушла, плотно прикрыв за собой дверь.

Оказывается, и Марина узнавала теперь о Наташе от людей немало такого, о чем даже и не подозревала она, мать. За день на медпункте перебывает много людей, больше женщины, а там, где сойдутся две женщины, тропинка разговора неизбежно приводит их к детям. И вечером Марина рассказывала Луговому такое, о чем, конечно, женщины могли рассказать только ей, матери.

Никакой бы, пожалуй, другой девушке в этом казачьем хуторе, где еще сильны были и старые нравы, не простили, если бы она, переехав на лодке на остров и сбросив с себя одежды на пустынной косе, купалась там в чем мама родила на виду у проходивших мимо катеров, теплоходов и барж, нацелившихся на нее с палуб биноклями, а ее не обвиняли даже старухи: это была Наташа. И только посмеивались, узнав, как она начинала бомбардировать обладателей биноклей яблоками и арбузными корками, нередко попадая и в цель, как это было с толстым рыжим туристом в трусах, которому так и пришлось под ее шрапнелью убраться в каюту. Ни от кого другого бакенщик Ярыженский не потерпел бы баловства с бакеном, а она становилась на него и ныряла вниз головой — Ярыженский только покачивал головой, проплывая мимо на своем «Олене».

Продолжение следует.

не робкого десятка

В тот день в Малаховской мебельной мастерской выдавали зарплату. Кассир Е. А. Старченко и старший бухгалтер А. И. Чаусова только приехали из банка с крупной суммой денег. Следом за ними в контору вошел незнакомец.

— Где начальник? — спросил он.

— Вышел в цех,— ответила Чаусова.

И тут же, буквально в мгновение, неизвестный прыгнул к столу, схватил сумку и метнулся к выходу.

Кассирша, потрясенная случившимся, потеряла сознание. Старший бухгалтер с криком «Держите вора!» выбежала во двор.

Геннадий Кириков.

Фото автора.

Несколько рабочих устремились в погоню. На дороге подобрали пустую сумку, но грабителя уже и след простыл...

Тревожные крики услышал живущий по соседству рабочий Карачаровского механического завода Геннадий Кириков. Он тоже отправился на поиски, но пошел в другую сторону, к речке Пехорке. По широкой глади разлившейся в половодье реки плыл небольшой плот. На нем двое: мальчуган и какой-то мужчина с шестом. Заметив людей, незнакомец спрыгнул с плота и поплыл к противоположному берегу.

Кириков недолго предавался размышлениям. Прямо в одежде он кинулся в ледяную воду, вдогонку.

Выбравшись на берег, грабитель побежал к текстильной фабрике. Кириков неотступно преследовал его.

В это время впереди показалась автомашина. Заметив погоню, из кабины выскочил на ходу работник детского ревматического санатория № 29 Константин Козлов. С его помощью Кириков и задержал грабителя. Это оказался опасный рецидивист.

Три года тому назад демобилизовался с флота старшина второй статьи Геннадий Кириков. И сразу же пришел на Карачаровский механический завод. Там освоил профессию электросварщика, стал хорошим производственником.

За смелые и решительные действия по поимке опасного преступника начальник управления охраны общественного порядка Мособлисполкома комиссар милиции III ранга С. А. Васильев наградил Г. Кирикова фотоаппаратом.

Е. ПОПОК,
подполковник милиции

На переломе

Н. ЯКОВЧУК

— Нет и нет,— еще раз упрямо сказал Торопцев,— никаких пересмотров у меня в цехе не будет. Система премирования рабочих до мелочей продумана, и менять ее незачем.

Седой, с загорелым спокойным лицом, он сидел, позабыв даже снять свое ворсистое модное полупальто. Видно, забежал сюда на минуту: как всегда, начальники цехов заглядывают по утрам в заводоуправление, и вот застрял в кабинете у главного экономиста Мирона Владимировича Фельдмана.

Он торопился в цех и не желал уйти, не доспорив до конца.

— Никаких пересмотров... Если вы меня спросите, как делить дополнительный фонд поощрения, тогда другой вопрос.

— Ты, Аркадий Федорович, делить погоди,— мягко остановил его главный.— Тебе и твоему коллективу этот фонд сначала надо заработать. Сэкономили за месяц какую-то сумму — тридцать процентов ваши! Вот ты собери людей и посчитай повнимательнее, как можно повысить у вас рентабельность. Может, удастся улучшить качество кислоты? Или снизить расход сырья... Удлинить срок службы насосов и оборудования. И посмотрите, от каких рабочих это зависит. Для них, видимо, и надо найти материальный стимул.

— Что значит подсчитай? — Торопцев стоит на своем.— Мы не с нуля начинаем. Нет, менять премиальную систему не будем.

Свидетелем такой сцены я стала в день приезда на Воскресенский химический комбинат.

Комбинат этот — всесоюзная кухня, здесь готовят удобрения. Здесь одно из самых мощных сернокислотных производств. Здесь все масштабно и почти все впервые.

Вот и сейчас коллектив воскресенских химиков выступает пионером, только на сей раз не в технике или технологии, а в экономике. Комбинат в числе самых первых переведен на новые условия планирования и экономического стимулирования. Почему именно этот коллектив — среди сотен предприятий?

У него устойчивое финансовое положение. Из своей прибыли комбинат вполне может создать три фонда: развития производства, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства — и, наконец, фонд материального поощрения.

Рентабельность производства на Воскресенском комбинате в четыре раза выше, чем средняя, взятая по целой группе однотипных предприятий.

Почему она здесь так высока? «Потому что масштабы гигантские»,— ответит технолог.

Все это верно. Но только мало ли других крупных заводов в этой отрасли химии? Однако один завод дает стране прибыль, а другой — хоть и точно такой же! — приносит убыток. Видно, дело тут еще и в хозяйском настрое людей, их отношении к тем бесчисленным мелочам, которые только на первый взгляд кажутся второстепенными, а в действительности часто и решают успех дела.

Любой сернокислотчик знает, как важно для получения добротной кислоты, чтобы исходное сырье — колчедан — было хорошо высушено. Такое сырье стоит дорого, но заводы берут его нарасхват.

Воскресенцы, наоборот, ищут влажный, некондиционный продукт (он куда дешевле!). Едва заслышат, что пущено новое горное предприятие, немедля шлют туда гонцов:

— Готовы потреблять ваш колчедан!

Те отвечают:

— Да вы его не возьмете, он мокрый, отделение сушки еще не работает.

— Вот и отлично! Везут его все равно в открытых вагонах, хранится он под дождем. Мы у себя его высушим. Можете отгружать.

Таких ростков хозяйственной инициативы и прежде было немало. Но порой им мешали расти всяческие регламентации, инструкции и предписания. После сентябрьского Пленума (1965 г.) руководителям предприятия даны большие права. Взамен прежних тридцати показателей теперь спускают сверху только восемь.

Да и по содержанию своему это уже не прежние показатели.

Теперь вместо вала заводу планируется объем реализованной продукции. Может показаться, что сменилась только этикетка, а суть сохранилась: ведь в том и другом случае регламентируется объем выпускаемой продукции. Но разница огромная. В товарный выпуск теперь включается только то, что продано. А чтобы продать, надо найти покупателя. И бессмысленно делать продукцию, не имеющую сбыта.

Впрочем, перемены ощущаются не только в планировании, они заметны и в оценке работы отделов, участков, всего комбината, и в самих методах руководства, и в психологии хозяйственников.

Эта последняя сторона, пожалуй, самая сложная. Ведь касается она буквально каждого — от рабочего до директора.

Начальник одного из цехов, пожилой инженер Феофан Александрович Серковский сказал:

— Теперь надо учиться мыслить новыми категориями.

Знаменательно, что говорит это не кто-нибудь, а начальник цеха. Ведь работникам отделов заводоуправления нынче намного легче: в Госплане Союза, в отраслевых министерствах, в Госкомитете по вопросам труда и заработной платы самые квалифицированные экономисты долго размышляли, советовались, спорили и наконец нашли по всем главным пунктам приемлемое решение, создали единую методику перехода предприятий на работу по-новому.

Так что требования к заводу в целом ясны. Теперь все зависит от творчества.

До сей поры они были лишь техническими специалистами и организаторами производства, и этого было достаточно. Вчера они просили: «Дайте побольше техники, аппаратуры, увеличьте численность персонала»,— а теперь, когда работа цеха оценивается по рентабельности производства, у них возникло стремление избавиться от лишних машин, а оставшиеся заставить действовать с наибольшей отдачей. Точно так же и с оплатой труда. Фонд зарплаты известен. И за его счет в цехе могут содержать людей поменьше, но зато более квалифицированных, владеющих двумя-тремя профессиями сразу.

...Александр Николаевич Кузнецов — из среднего поколения инженеров и еще молодой начальник цеха. А командует он самым большим на комбинате цехом контактной серной кислоты.

Следя за экономической дискуссией в печати, он ждал решений партии с нетерпением. И когда окончился сентябрьский Пленум ЦК, а потом вскорости вышло «Положение о предприятии», а потом заговорили, что хозяйственная реформа начнется сперва на нескольких заводах, и в том числе у них на комбинате, Кузнецов уже внутренне был готов к переменам и думал лишь об одном: как донести до каждого в цехе эти решения? Без этого — Кузнецов понимал — любые добрые решения мертвы.

Он так и сказал на рабочем собрании. И пояснил: хозрасчет и движение за экономию не сегодня возникли. Но громадный комбинат лишь в конце года «подбивал бабки», чтобы узнать, велик ли будет по итогам года фонд предприятия — общий котел, из которого предстоит черпать в будущем году денежки на жилье, детсады, пионерские лагеря, на отдых и материальное поощрение людям. И поди разбери в том котле, чья там прибыль и чьи убытки. Отныне прибыль не будет обезличена. Кончен месяц — и сразу видно, как цех работал. Будет у нас меньше газа и пыли, выше дисциплина и культура на производстве — лучше станет и качество кислоты, больше и прибыль цеха.

— Коллективный интерес воспитывает и коллективную ответственность,— убежден Александр Николаевич.

Например, цена на кислоту улучшенных сортов, естественно, выше. А от кого зависит отправить заказчику кислоту нужной концентрации? Считалось — от технологов, от аппаратчиков. А оказалось, что очень часто от экспедиторов. Подают, скажем, под погрузку цистерны, в которых до этого везли кислоту низкой концентрации. На дне цистерны остаток. Вольешь туда 50 тонн высококачественной кислоты, она разбавится — и считай, что сотня рублей потеряна.

Решение пришло само собой: надо заинтересовать аппаратчиков-экспедиторов, наливщиков из соседнего транспортного цеха и контролеров ОТК.

Больше всего Кузнецов радуется в эти дни зрелости рабочих предложений.

Заходят к нему в кабинет как-то вечерком аппаратчики, один и говорит:

— Ты, Александр Николаевич, телевизор имеешь?

Он удивился:

— Имею. А что?

— Тогда, верно, замечал, что ручки у этого самого телевизора хорошо крутить, пока он работает. А чуть что — надо мастера звать. Мастера, который получше нас в нем разбирается, так ведь? Вот и в цехе у нас. Слесарь может любой аппарат починить. А у аппаратов девчушки стоят, кнопки нажимают. Включилось — хорошо. А нет — бежит слесаря звать. У нее, конечно, десятилетка позади, рабочий класс нынче грамотный пошел, это хорошо. Но ведь она еще того не умеет, что слесарь высокой квалификации, верно? А платим мы ему меньше, чем аппаратчику: мол, он так, вспомогательный персонал.

— Вы скажете: это мелочи,— горячо говорит Кузнецов,— но когда они проявляются на каждом шагу, я думаю, что многое значат.

«А что же Торопцев? — думала я, слушая Кузнецова и вспоминая утреннюю встречу в заводоуправлении.— Почему он так держится старого? Рутинер, консерватор? Да нет, конечно. Какой там рутинер, если его цех достиг лучших в Советском Союзе показателей, его кислота самая дешевая в стране».

Я спросила об этом главного экономиста. И он объяснил:

— Торопцев просто немного растерян на первых порах. Ему трудно сегодня вдвойне. Почти все резервы в этом старом цехе давно уже вычерпаны, он действует на пределе своих возможностей. И Торопцеву, как и всем остальным начальникам цехов, придется искать свои, самые эффективные в условиях его цеха двигатели. Немного погодя он найдет их. Наверняка найдет.

И. Титов. БАЛЛАДА О МОРЕ.

ВЕЧЕР. МЫС ФИОЛЕНТ.

И. Титов. РАКЕТОНОСЦЫ В ПОХОДЕ.

НА ВАЛДАЕ.

«Огонек». 1966.

ОБРАЩЕННАЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

У каждого журнала есть свое лицо, свой неповторимый характер. Но не так-то легко обрисовать характер «Роман-газеты». У этого двухнедельного издания, которому скоро сорок лет,— солидный возраст и совсем молодое лицо, всегда обращенное к современности, к самым острым сегодняшним проблемам.

Наверно, поэтому «Роман-газету», призванную печатать лучшие новинки русской и национальной советской, а также зарубежной литературы, читают люди всех возрастов и профессий, населяющие не только Советский Союз, но и всю нашу планету: ее выписывают в 83 странах мира!

В годовых комплектах «Роман-газеты» первых лет издания собрана вся советская классика: произведения М. Горького, Д. Фурманова, А. Серафимовича, Н. Островского, А. Фадеева, К. Федина, А. Толстого, М. Шолохова и многих других писателей, вошедшие в золотой фонд мировой литературы.

Созданная по мысли В. И. Ленина, при непосредственном участии А. М. Горького еще в 1927 году, «Роман-газета» начала свой путь к читателю с 50-тысячного тиража. С тех пор тираж ее вырос в пятьдесят раз! В нынешнем году он составляет 2,5 миллиона экземпляров.

В чем же причины популярности этого издания?

«Роман-газета» всегда утверждала на своих страницах первостепенное значение современной темы, которая определяет ведущую линию советской литературы. Достаточно назвать произведения В. Кочетова, А. Калинина, С. Воронина, Б. Полевого, Д. Гранина... Нет нужды доказывать трудности, встающие при отборе произведений о нашей современности. Что сейчас главное? Какие из острейших проблем, поднятых на гребне сегодняшнего дня, станут жизненно важными для народа?

Перелистаем же выпуски этого издания за последние годы и сверим их с нашим временем: не отстает ли «Роман-газета», не сбивается ли она с верного пути?

«Липяги» С. Крутилина, «Хлеб — имя существительное» М. Алексеева, «Горькие травы» П. Проскурина... Книги, поднявшие важные и сложные проблемы колхозной жизни, художественно воплотившие заветные думы сельских тружеников.

Произведения эти очень несхожи по форме, языку, стилю. Роман С. Крутилина проникнут мягким лиризмом. Оригинален он и по форме — это записки сельского учителя о простых людях необычайной душевной щедрости и чистоты. Повесть в новеллах М. Алексеева — цепь неторопливых рассказов-былей, то приподнято-романтических, то задорно-веселых, то насыщенных острой публицистикой. Богатый драматическими событиями, роман П. Проскурина охватывает первое послевоенное десятилетие с его большими нравственными конфликтами. Но при всей своей несхожести эти книги вместе дают захватывающую панораму жизни русских деревень — рязанских, саратовских, орловских, брянских,— нелегкого их пути через коллективизацию, неурожаи, военную разруху, ошибки и перегибы в руководстве сельским хозяйством к постепенному, но верному подъему.

В последнее время вышло много интересных книг о войне. «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Повторение пройденного» С. Баруздина, «Ранний снег» О. Кожуховой, «Замок Фрюденхольм» Г. Шерфига, «Дом и корабль» А. Крона, «Щит и меч» В. Кожевникова. Появление таких произведений через двадцать лет после победы над гитлеровской Германией не случайно. Замысел большинства из них рождался в пороховом дыму, но окончательное воплощение получил через многие годы. Датский писатель-коммунист Ганс Шерфиг пятнадцать лет с пунктуальностью летописца создавал свой талантливый роман «Замок Фрюденхольм», который по праву можно назвать художественной летописью второй мировой войны, хотя действие его в основном развертывается в Дании. Книга эта блестяще разоблачает фашизм, в какую бы тогу он ни рядился, на чьей земле и в какое бы время ни пустил корни.

В едином строю с такими романами — книги прогрессивных зарубежных писателей: А. Силлитоу «Ключ от двери», Н. Льюнса «Вулканы над нами», Харпер Ли «Убить пересмешника...»,— рассказывающие о борьбе угнетенных народов за свою национальную независимость, против расовой дискриминации.

Нельзя не заметить, что в «Роман-газете» последних лет напечатано немало многоплановых произведений, герои которых начинают свою жизнь в первые годы Советской власти, а иногда и до революции. Таковы романы К. Федина «Костер», Г. Маркова «Отец и сын», В. Смирнова «Открытие мира»... Читатели с нетерпением ждут их продолжения, просят довести полюбившихся героев до наших дней. Это заветные книги писателей, задуманные широко и с размахом.

Книги А. Коптелова «Большой зачин» и «Возгорится пламя» воскрешают в памяти начало революционной деятельности В. И. Ленина, его жизнь в сибирской ссылке, в далеком селе Шушенском, ставшем в конце XIX века средоточием революционной мысли, плацдармом подготовки к наступлению против старого мира.

Рядом с произведениями эпического жанра, написанными в традиционной, нестареющей манере русской прозы, рядом с книгами на историко-революционные темы — выпуски «Роман-газеты» с произведениями, повествующими о нынешнем дне нашей страны. Их герои — советские люди, и главное в этих книгах — формирование нового, коммунистического сознания. Так, например, роман А. Иванова «Тени исчезают в полдень» — прекрасное оружие в арсенале атеистов. Но этим не исчерпывается его значение: мы видим, как в борьбе с религиозным мракобесием духовно вырастает советский человек. Со страниц романа белорусского писателя И. Шамякина «Сердце на ладони» встает во весь рост сегодняшний день большого промышленного города с его тружениками, влюбленными в свою профессию.

Эта влюбленность отличает и героев «Сибирских повестей» В. Чивилихина — деповских рабочих («Про Клаву Иванову») и лесных пожарников («Елки-моталки»). Простые девушки и парни видят смысл жизни в труде, строят ее своими руками, принимая эстафету революционных традиций от своих отцов и дедов.

Советская молодежь хочет видеть своих героев цельными, волевыми, борющимися, увлеченными своим делом людьми, интеллектуальность которых — в их внутренней убежденности и стойкости, а не в словесных ухищрениях, прикрывающих духовную пустоту. Только такие герои получают прописку в «Роман-газете». И только те произведения, в которых жизнь советского народа отображается без предвзятости и односторонности, а здоровая критика не подменяется критиканством, становятся достоянием миллионов читателей.

В этом году «Роман-газета» успешно продолжает свои поиски в огромном море литературных новинок. Уже появилось несколько интересных книг. В первом номере опубликовано окончание «Записок сельского учителя» Сергея Крутилина, получивших высокую оценку читателей и критики. С большим вниманием и интересом встречена книга Василия Субботина «Как кончаются войны». Это своеобразный сплав документального публицистического повествования с проникновенной лирической прозой. В романе южноамериканского писателя Мигеля Отеро Сильвы «Пятеро, которые молчали» рассказывается о мужестве венесуэльских патриотов, правдиво отражается борьба народов Южной Америки за свободу и независимость. О тяжелой, полной лишений жизни аральских рыбаков в предреволюционные годы талантливо написал казахский писатель Абдижамил Нурпеисов в романе «Сумерки», который является частью трилогии — эпического полотна о жизни казахского народа. Мариэтта Шагинян в своем романе-хронике «Первая Всероссийская» на широком историческом фоне изображает кипучую педагогическую деятельность Ильи Николаевича Ульянова, отца Владимира Ильича Ленина. О силе коммунистических идей, вере в высокую нравственную силу человека рассказывает писатель Сергей Сартаков в первой книге своего романа «Философский камень». О том, как создавался и креп в борьбе с трудностями в глухой деревушке Блюменау Германской Демократической Республики сельхозкооператив, повествует в героической эпопее-романе «Оле Бинкоп» известный немецкий писатель-коммунист Эрвин Штриттматтер.

Даже такой краткий обзор произведений, опубликованных в последних номерах «Роман-газеты», позволяет говорить не только о тематическом, но и жанровом и стилевом разнообразии его выпусков. «Роман-газета» — живое свидетельство развития, непрерывного движения советского романа. Новаторство его формы рождено прежде всего многообразием, проблемностью содержания. Это роман «духовного» видения мира, философского осмысления жизни в ее исторической перспективе. Пристальное внимание к такому роману и обеспечило растущую популярность «Роман-газеты», в которой читатель видит не развлекательное чтиво, а мудрого советчика, заставляющего «думать, хотеть, сметь», помогающего жить, работать, любить.

В последующих номерах «Роман-газеты» редакция предполагает напечатать вторую книгу романа К. Федина «Костер», новые произведения И. Мележа, В. Тевекеляна, Г. Федосеева, Д. Думбадзе.

Лучшие книги известных, признанных писателей приходят в «Роман-газету» «традиционной» дорогой — со страниц литературно-художественных журналов. Но для многих «Роман-газета» сама прокладывает путь к миллионному читателю — сразу же из дверей местных издательств. Так появился в редакции «Роман-газеты» первый нанайский писатель Григорий Ходжер со своим романом «Конец большого дома», вышедшим в Хабаровском издательстве. Так же пришел в редакцию «Роман-газеты» и первый поэт мансийского народа Юван Шесталов с повестью «Синий ветер каслания».

«Роман-газета» привела к многомиллионному читателю молодых писателей из разных концов нашей страны: белоруса В. Быкова, сибиряков А. Иванова и П. Проскурина, алмаатинца А. Ананьева, воронежца А. Шубина, казаха А. Нурпеисова, москвича В. Чивилихина, дагестанца А. Абу-Бакара и многих, многих других.

Когда-то у колыбели «Роман-газеты» Ю. Либединский сказал, что «она проломила стену, которая была между широкими слоями наших читателей и нашей литературой». От стены той сейчас не осталось и следа, но по-прежнему злободневной остается задача укрепления связи нашей литературы с народом. И в решении этой задачи «Роман-газета» должна играть первостепенную роль.

Книга — огромная сила, говорил Ленин, и надо, чтобы эта сила, помноженная на громадные тиражи и популярность большого издания, работала с полной отдачей на Великой Стройке Коммунизма.

Заведующий редакцией «Роман-газеты»
В. ИЛЬИНКОВ

ПОГОДУ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ ЧАСЫ

— Что-то холодновато у вас в комнате...

Хозяин квартиры, бросив взгляд на стенные часы, отвечает:

— Нет, отчего же. Нормально: двадцать градусов.

Нелепость, не правда ли? Где ж это вы видели часы, которые служат еще и термометром? Где? Да в Пензенской области, на Сердобском часовом заводе. Его мастера освоили производство новых часов по имени «Маяк». Циферблаты здесь показывают не только время и температуру воздуха, но даже и величину атмосферного давления. Часовой механизм на 11 рубинах, термометр и барометр облечены в изящный корпус из пластмассы.

«Маяк» не единственная новинка завода, который сейчас производит стенные, настольные и гиревые часы восемнадцати наименований. Недавно тут начат выпуск электронно-механических часов. Работают они от батареи, которая не потребует смены целый год. Достоинство их еще и в том, что они красиво, оригинально оформлены и могут украсить любую комнату. Вы легко убедитесь в этом, посмотрев на фотографию,— сборщица Тамара Кураева демонстрирует новые часы.

Марка Сердобского завода известна не только в нашей стране: часовых дел мастера отправляют свои изделия в 25 зарубежных государств. В нынешнем году завод выпустит 2 миллиона 890 тысяч всевозможных часов.

Фото Н. Акимова.
ТАСС.

спорт · спорт · спорт · спорт

АВСТРАЛИЙСКИЕ БЕГУНЫ

А. Кук, Р. Кларк и Д. Койл на тренировке.

Юрий ТЮРИН, мастер спорта международного класса

Фото автора.

Бегуны Австралии за последние пятнадцать лет затмили даже славу кенгуру. Достаточно вспомнить чемпиона XVII Олимпийских игр Х. Эллиота и мирового рекордсмена Р. Кларка.

В чем секрет их быстроты и неутомимости? Сколько людей искали решение этой загадки, и никто не раскрыл ее. О тренировке австралийцев писалось на страницах многих газет и журналов. Лучшие бегуны мира искали ответ в цифрах, тренировочных графиках на свои нетерпеливые вопросы — и безуспешно!

Я имел редкую возможность пожить жизнью австралийских бегунов, познакомиться поближе с Роном Кларком, чьи результаты в беге на стайерские дистанции совершили поистине революцию в этом виде легкой атлетики.

В этой стране есть где тренироваться бегуну. Всюду зеленая упругая трава — зеленые поля ипподромов, зеленые поля для игры в гольф, зеленые поля для пикников, стадионы, на которых совершенно нет гаревых дорожек,— сплошной зеленый ковер, зеленая трава между тротуаром и шоссе. Все эти сотни травяных километров находятся в идеальном состоянии, их буквально вылизывают, ежедневно стригут и орошают. Невольно ищешь табличку «По газонам не ходить». Но таких табличек нет, жители, наоборот, считают, что по траве надо ходить, она тогда лучше растет.

По этим упругим газонам я немало побегал с лучшим стайером мира Роном Кларком. Первая тренировка с Роном меня просто поразила. Бегали мы кросс как бы играючи, в свободной, непринужденной манере, и трасса его проходила буквально где попало: по полю, парку, по газонам и тротуару. Автомобили останавливались, пропуская нас, прохожие с улыбкой махали руками нам вслед. Австралийцы бегают. Просто бегают, получая от этого удовольствие.

Сильнейшие бегуны Австралии, большие друзья Рона Кларка — Д. Койл и А. Кук, живут в штате Виктория, тренируются по возможности вместе ежедневно два раза (а не три, как об этом писалось), варьируя интенсивность в зависимости от самочувствия. Утром рано — бег 5—6 миль (миля—

Люди самых различных профессий сопровождают спортсменов на их пути к победе. Вот три записи из блокнота, сделанные в разное время на тренировках и состязаниях. Три записи — три человека, и каждый из них — соавтор побед.

А. КОЛОДНЫЙ

СОАВТОРЫ П

Н. А. Сухов.

МАШИНА НОМЕР «МОУ 40-54»

Лодка подошла к берегу. Каких-нибудь пять минут назад ее экипаж, заслуженные мастера спорта Олег Тюрин и Борис Дубровский, получил золотые медали чемпионов Европы. Все! Конец!

Через всю Европу проехала парная двойка, благополучно добралась до Дуйсбурга (ФРГ) и первой пересекла линию финиша. Теперь ее хозяева могут наслаждаться победой. Но Николаю Алексеевичу Сухову, шоферу машины, не до отдыха. Это он привез из Москвы в Дуйсбург лодки, ему вести их обратно.

С таким грузом Николай Алексеевич ездит по всему свету уже четыре года, накручивая за сезон до 40 тысяч километров. За плечами у Сухова большие международные регаты в Швейцарии, Дании, Голландии, ГДР, Венгрии, ФРГ и других странах. И сейчас ему предстоял очередной рейс протяженностью в несколько тысяч километров. Готов к дальней дороге его «ГАЗ-54». Необычный внешний вид у машины под номером «МОУ 40-54». На месте кузова высокое сооружение из сплетенных железных прутьев, образующих ячейки, а в них, словно книжки на этажерке, удобно размещаются 12 лодок.

Возить лодки — дело сложное: торчащие над смотровым стеклом хвосты и носы лодок ухудшают видимость. А дорога есть дорога, и она всегда готова преподнести сюрпризы. Поездка в Швейцарию. Надо преодолеть Альпы, да еще ночью!.. В другой раз хлебнул лиха у себя дома: вез лодки в Поти; решив сократить путь, направился через маленький городок Хадыженск. В одном месте дорога шла под железнодорожным мостом, и высота груза оказалась больше просвета. Возвращаться назад поздно. Решено спустить все баллоны. Но и этого оказалось недостаточно. Тогда верхний ряд лодок перенесли на руках...

...Рейс из Дуйсбурга закончился благополучно. Три дня — три с половиной тысячи километров. И вот уже Москва. Плывут по улицам столицы лодки сборной команды страны. Почтительно уступают дорогу запыленной машине нарядные «Чайки», «Волги», «Москвичи». Скифы заняли свои места в эллингах. До следующей поездки!..

ДЕСЯТЬ БАЛЛОВ АККОМПАНИАТОРА

— Зрители не замечают сидящего в стороне от ярко освещенного гимнастического помоста аккомпаниатора. Но если бы они знали, какая прочная нить связывает нас, спортсменок, с пианистом! — так начала свой рассказ об Ольге Александровне Горбацевич неоднократная чемпионка мира и Советского Союза, ныне тренер Софья Муратова.— Я всегда говорю своим ученицам — помните: как прозвучит музыка, так прозвучат и ваши вольные упражнения. И только если вам удается добиться полной слитности музыки и движений, добьетесь успеха.

Ольга Александровна находит общий язык с гимнастками. И если оценивать ее мастерство по гимнастической системе, ей всегда были бы обеспечены 10 баллов. Не раз Ольга Александровна помогала гимнасткам выпутываться из тяжелых положений.

Двадцать лет работает в сборной аккомпаниатор О. А. Горбацевич. Ее рояль звучал в 16 странах, на фестивалях молодежи, на первенствах мира и Олимпийских играх. Под ее аккомпанемент и сегодня выступают Л. Латынина, Н. Кучинская, П. Астахова, З. Дружинина и другие. Музыку к выступлениям наших замечательных гимнасток подбирает сама Ольга Александровна.

Е. Л. Хайдуров.

О. А. Горбацевич.

Фото А. Бочинина, К. Владиславова.

ХОЗЯИН ОРУЖИЯ

Курок был спущен, а пистолет молчал. Рука не ощутила привычного толчка: пуля осталась в стволе. Участник международной встречи по стрельбе, один из сильнейших спортсменов Швеции, Лайф Ларссон, растерялся. Сюрприз был не из приятных: надо же, чтобы такое случилось в самый разгар ответственных соревнований! Неужели придется ме-

1,609 км), днем работа — служба в фирме, вечером — бег 10—15 миль. В субботу вечерняя тренировка по пересеченной местности. И никаких восьми литров лимонного сока и других премудростей и небылиц, сочиненных любителями сенсаций.

И еще интересная деталь: Кларк почти совсем не тренируется на стадионе с секундомером. Все контролируется самочувствием.

Когда наблюдаешь Рона Кларка перед стартом, никогда не подумаешь, что этот человек через час будет штурмовать мировой рекорд. Но он мне признался, что за 15—20 минут до старта уже чувствует себя на дорожке, нервничает, что задерживают старт, что ему дали номер, который никак нельзя удобно приколоть к майке... Мексику — место проведения следующей Олимпиады — Рон считает совсем неподходящей, так как не все спортсмены на высоте 2 000 метров над уровнем моря будут в равных условиях.

Я считаю, что Рон Кларк—отличный пример для спортивной молодежи, для тех, кто хочет связать свой досуг с бегом, с этим мужественным видом спорта,— ощутить власть над упрямыми километрами. Его методика в больших и меньших дозах доступна всем.

Познакомился я с другим большим знатоком бега, тренером Перси Черутти, вырастившим целую плеяду отличных бегунов. Ученик Черутти — чемпион римской Олимпиады Херберт Эллиот, чей рекорд на дистанции 1 500 метров не побит до сих пор. Я убедился, что среди австралийских знатоков нет единства взглядов. Так, Черутти скептически относится к тренировкам Кларка, называя его «темповиком», а не тактиком. Взгляды Перси Черутти на тренировку более сходны со взглядами наших тренеров. Если сравнить результаты лучшей десятки советских бегунов с австралийской, то она выглядит более плотной, более мощной. Но есть одно «но»: у нас сейчас нет своего Кларка. Впрочем, нет у нас сейчас и своего Черутти, тренера высокой квалификации, с большим спортивным опытом, способного жить жизнью своих учеников. Я видел, как очень пожилой человек Перси Черутти с мальчишеским задором бегал и прыгал с учениками.

Среди наших спортсменов отдых и восстановление сил остаются до сих пор камнем преткновения. Но хотя я здорово проиграл австралийцам, все равно остаюсь оптимистом и верю, что и у нас в ближайшее время появятся бегуны на длинные дистанции, способные принять эстафетную палочку от Владимира Куца и Петра Болотникова.

ОБЕДЫ

нять оружие? Это значит, что впустую потрачены два с половиной месяца упорных тренировок, во время которых он сжился со своим пистолетом, изучил все его повадки.

— Не волнуйтесь. Давайте посмотрим, что там случилось...— Это Ефим Леонтьевич Хайдуров, мастер-оружейник сборной СССР, успокаивает спортсмена. Ларссон даже не заметил, как он подошел. Взяв пистолет, Хайдуров внимательно осмотрел его, прищурясь заглянул в ствол. Затем проверил спусковой механизм. Пистолет марки «Рекорд-матч» был незнаком нашему мастеру. Но прошло две минуты, и диагноз был поставлен.— Полетела боевая пружина. Попробуем быстро исправить,— сказал Ефим Леонтьевич...

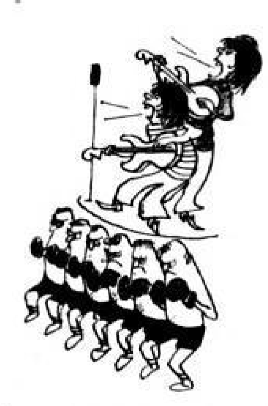
Швед закончил состязания со старым пистолетом и показал лучший в своей команде результат, а когда судьи подвели итоги, Ларссон подошел к Хайдурову и сказал:

— Спасибо. Это и ваш успех тоже.

Как же высока должна быть квалификация оружейных дел мастера, которому сплошь и рядом приходится работать прямо на линии огня. Хайдуров не любит вспоминать эти чрезвычайные происшествия: он считает, что их нужно предугадывать до начала соревнований. Но что поделаешь, техника порой отказывает в самый решающий момент. За время работы Хайдуров не раз сталкивался с этим. То курок потеряет плавность хода и начнет дергать, то пули, как говорят спортсмены, ложатся не по месту. А на поиски причины случившегося у мастера считанные минуты. Но их, как правило, Хайдурову хватает.

Да, не зря стрелки считают, что половина успеха зависит от оружейника. Он держит связь с заводом и следит за изготовлением нового оружия. Он первым проводит испытание, а затем подгоняет пистолет или винтовку, учитывая индивидуальность стрелка.

Оружейник Хайдуров — дипломированный инженер-механик. В 1955 году в МВТУ имени Баумана Ефим Леонтьевич защитил проект на тему «Спортивный пистолет и инструмент для его изготовления». На стол экзаменационной комиссии легли не только чертежи и расчеты, но и сделанное им оружие. Так родился матчевый пистолет марки «ТОЗ-35». Сегодня им пользуются не только наши стрелки, но и многие их соперники.

Похлестче регби

Знаете ли вы, что такое «Катящиеся камни»? А «Грохочущие булыжники»? В общем, это почти одно и то же. Так называют в Англии ультрамодные ансамбли длинноволосых, бородатых эстрадных певцов — «поп-сингеров».

Как правило, выступления этих певцов оканчиваются скандалами и даже массовыми драками. Возбужденная выкриками, ужимками «поп-сингеров» и содержанием их песенок, доведенная до неистовства публика (преимущественно молодежь) начинает корчиться, бросаться на пол, ломать в зале стулья, рваться на сцену к своим кумирам.

Бесноватых любителей «поп-музыки» обычно утихомиривает полиция. Но когда «Грохочущие булыжники» прибыли на гастроли в город Лидс и пять тысяч их одержимых поклонников стали осаждать входы в местный кинотеатр «Одеон», его владелец понял, что и здоровенным бобби тут не справиться. Кроме того, мобилизация полицейских сил в крупном масштабе таит в себе угрозу отмены зрелища.

И тогда владельца кинотеатра осенила блестящая идея: вызвать на помощь регбистов, игроков местных профессиональных клубов. Сказано—сделано. Во время первого выступления «Булыжников» два десятка регбистов охраняли сцену от вторжения ошалевших поклонников, но... толпа их легко смяла и учинила в зале форменный погром. На следующий день хозяину «Одеона» пришлось удвоить охрану.

Сообщая о событиях в Лидсе, один из журналистов отметил: «Регбисты честно отработали обещанный гонорар, но многие потом признавались, что никогда еще не попадали в такую переделку. Здесь, в кинотеатре, они получили больше толчков, ударов и зуботычин, чем за весь сезон на стадионе».

По слухам, владелец «Одеона» решил на следующее выступление «поп-сингеров» пригласить для охраны боксеров.

Томми-ракета

Сперва этому сообщению не поверили — уж слишком фантастичен был результат: 200 метров преодолены за 19,5 секунды. Однако последующие сообщения телеграфных агентств заставили смириться даже самых завзятых скептиков: «Студент 3-го курса факультета социологии колледжа в Сан-Хосе (штат Калифорния) негр Томми Смит пробежал 7 мая 1966 года по прямой дорожке 220 ярдов (201,17 метра) за 19,5 секунды, установив новые мировые рекорды как на ярдовой, так и на метрической дистанции».

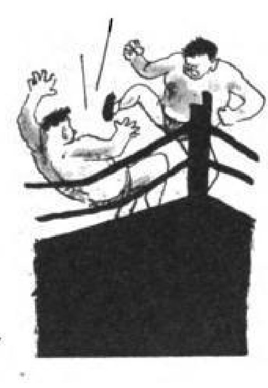
Никого бы не удивило, если бы Смит улучшил прежний рекорд мира, скажем, на одну или две десятые секунды. Ведь ему в прошлом году удалось стать совладельцем мирового рекорда в забеге по прямой двухсотметровой дорожке. Вслед за Дейвом Зимом и Франком Баддом он потратил на это 20 секунд. Но сбросить с рекорда сразу полсекунды! Это феноменально!

Кто же такой Томми Смит, новая «черная молния», «наследник Джесси Оуэнса», «Томми-ракета», как его окрестила западная пресса? Он родился в 1944 году в штате Техас. Большая семья — пять братьев и семь сестер — жила в штате Калифорния в маленьком городке Лемур. Знакомство Томми с легкой атлетикой состоялось в четвертом классе начальной школы, когда ему было десять лет. Школьный учитель физкультуры сперва обратил внимание на старшую сестру Томми — Салли, обгонявшую на классных соревнованиях всех мальчишек, а потом занялся и ее братом. Способности мальчика поразили всех. Им заинтересовался один из лучших американских тренеров по спринту, Бад Уинтер. Своего ученика он так характеризует: «Я уверен, что Томми — самый быстрый человек в мире. Сравним двух лучших спринтеров наших дней — Боба Хейеса, чемпиона Токийской олимпиады, и Томми. Боб в забеге на 100 метров достигал своей максимальной скорости — 42 км/час — к отметке примерно в 68 метров, а затем снижал скорость. У Томми лучшая выносливость, и такую же высокую скорость он может поддерживать на более длинном отрезке. Бег по повороту несколько сбивает его темп, но в беге по прямой дорожке нет равных Томми; он удивляет своим длинным шагом — около 2 метров 95 сантиметров (при росте 189 сантиметров), не сокращая его до самого финиша».

О его возможностях лучше всего говорит недавнее выступление. К последнему этапу эстафеты 4 × 110 ярдов команда Сан-Хосе проигрывала соперникам 8 ярдов. Но первым на финише был все же Смит. Секундомеры показали результат команды-победительницы — 40,1 секунды, а очевидцы утверждают, что свой этап Томми пробежал за 9 секунд!

На что способен Томми, трудно предвидеть, но накануне своего 22-летия, 11 июня, на соревнованиях в Сакраменто он преподнес себе подарок, пробежав 220 ярдов по дорожке с поворотом за 20 секунд. Прежний рекорд мира был улучшен на 0,2 секунды.

В. ОТКАЛЕНКО

Когда страхуют зрителей

Кетч (полное название этого вида борьбы — «Кетч эз кетч кен», что означает «хватай как можешь») не стоит на месте. В США и странах Западной Европы, где кетч культивируется, придумывают все новые варианты этой сверхвольной борьбы, в которой разрешены любые приемы — разве что нельзя выдавливать глаза у противника.

Раньше кетчеры боролись в одиночку. Затем был введен парный кетч. Теперь наступила пора командного кетча. Трое против троих, четверо против четверых, шестеро против шестерых — такие поединки можно наблюдать теперь на американских рингах.

Конечно, одному судье с такой оравой рычащих, падающих, катающихся по рингу борцов никак не справиться. Теперь командные состязания по кетчу судят целые бригады арбитров, которые безопасности ради располагаются вне ринга, на специальном помосте.

Итак, судьям стало спокойнее. А зрителям? Ведь нередко в пылу схваток соперники кувырком летят в публику. А кетчеры — народ увесистый! Поэтому, как сообщает французская газета «Экип», с недавних пор зрители, сидящие на самых дорогих местах — возле ринга,— страхуются от несчастного случая. Страховой взнос входит в стоимость билета. Предусмотрено, что в случае телесных повреждений страховая премия выплачивается потерпевшему, а в случае его смерти — наследникам. И, представьте себе, застрахованные места не пустуют.

День и ночь кипит работа на дамбе.

Репортаж с места события

И ОПЯТЬ ШТУРМ НА ЕНИСЕЕ

В. ТИХОМИРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Зима в Красноярске была снежная, весна холодная, а в начале июня — жара. Быстро начали таять снега в Саянах. Енисей вышел из берегов.

Много любопытных собирается на набережной. Старожилы, почесывая затылки, пытаются вспомнить, когда был такой разлив. Припоминают 1916 год. Нет, тогда воды, кажется, было поменьше. В 1902-м случилось что-то подобное.

По набережной плавают скамейки, невозмутимые рыбаки сидят с удочками в бывших огородах подле своих домов. А детворе — забава: пускают кораблики и плещутся в Енисее чуть ли не в самом центре города.

В горисполкоме не спавший несколько ночей председатель городской паводковой комиссии Митрофан Иванович Зубков перечисляет мне затопленные улицы. Их много. Особенно угрожающее положение в поселках Причал и Фестивальный. Дамбы, ограждающие эти поселки, поднялись уже выше пяти метров над уровнем домов обезлюдевших поселков. Семь тысяч семей, и в первую очередь дети, переселены в школы, красные уголки предприятий, в железнодорожные вагоны. На месте остались самые непослушные, которых не смогли выгнать из домов ни грозные приказы крайисполкома, ни персональные приглашения милиционеров.

Дни и ночи напролет самосвалы возят песок к дамбе, целые батальоны бульдозеров, экскаваторов и другой техники брошены на борьбу с паводком. «Да разве они не справятся?»,— говорят те, кто не хочет покидать своих жилищ, и при этом вспоминают дни перекрытия Енисея. И они справляются, хотя вода все прибывает. Иногда по 30 сантиметров в день.

10 июня дамба не выдержала напора Енисея. Пять часов напряженной работы бульдозеристов Ивана Зотова, Ивана Зажирского и их товарищей шоферов — и дамба обрела прежний вид. Вода отступила. В борьбу со стихией включаются все. За несколько часов было ликвидировано угрожающее положение на Качинском мосту, где вода сильно подмыла опоры. Пока подоспели дежурные машины с песком, здесь уже почти все сделали жители соседних домов и прохожие, очутившиеся в это время поблизости.

На плотине Красноярской ГЭС тоже с честью выдержали этот трудный экзамен. Вверх по течению около Дивногорска есть поселок. На одном из домов виден большой плакат: «Слава покорителям Енисея!» И опять идут строители на штурм великой сибирской реки.

В сквере на улице Игарской.

РУССКИЙ ЭКЗАМЕН «ФИАТА»

Мы на трассе. Черная лента шоссе, и мчащийся по нему белый автомобиль. В Подмосковье держит экзамен наш итальянский гость — легковой автомобиль «ФИАТ-124».

В печати уже промелькнули сообщения о том, что итальянская фирма «ФИАТ» примет участие в создании в Советском Союзе промышленного комплекса по производству легковых автомобилей и что за основу автомашины, которую предполагается выпускать у нас, берется модель «ФИАТ-124».

Еще до того, как «ФИАТ-124» вышел на дороги Италии (впервые он демонстрировался в Турине в начале апреля), было много разговоров о его новшествах. Однако любителям броских, стремительных линий и разных «модернов» пришлось разочароваться: ничего яркого, экстравагантного в новой модели не было.

Чем же привлекательна эта машина? Ответ на вопрос вы получаете сразу, как только оказываетесь внутри автомобиля. «ФИАТ-124» — автомобиль пятиместный. Для малолитражной машины (объем цилиндров — 1 200 кубических сантиметров) весом около 850 килограммов — это хорошее достижение.

— Обратите внимание на динамику,— говорит шофер-испытатель,— на то, как быстро машина набирает скорость. Затем на работу тормозов.

Без рывка трогается с места. Минута — стрелка спидометра, уйдя с нуля, быстро движется по делениям: десять, двадцать, тридцать, шестьдесят километров. Вторая минута — стрелка дошла до деления 100 километров. Третья минута — стрелка почти у черты: сто сорок. Сто сорок километров в час!

Испытатель резко жмет на педаль тормоза. Меня чуть-чуть клонит вперед, но тут же возвращаюсь в прежнее положение. Машина мягко скользит несколько метров и замирает. Автомобиль даже на градус не занесло в сторону, как обычно бывает при таких резких остановках.

— Дисковые тормоза,— поясняет водитель,— снабжены автоматическим регулятором. Его задача — учитывать нагрузку: сидят ли в автомобиле двое, один или пятеро.

Итальянские конструкторы применили и еще несколько технических новинок. Например, узлы шасси не требуют смазки. Это достигается за счет применения полимерных материалов. Сдвоенный горизонтальный карбюратор позволяет сделать лучшей тягу двигателя. Синхронизаторы на всех четырех передачах облегчают переключение скоростей.

— Ну и как, «Фиат» выдержал русский экзамен? — спрашиваю у водителя.

— На хорошей дороге он показывает себя отлично. На проселочной, как говорится, надо еще посмотреть. Но думаю, что русский экзамен «Фиат» выдержит. Правда, конструкторам, на мой взгляд, найдется о чем подумать. При работе итальянского двигателя на нашем обычном бензине автомобиль, по-видимому, потеряет несколько километров в скорости.

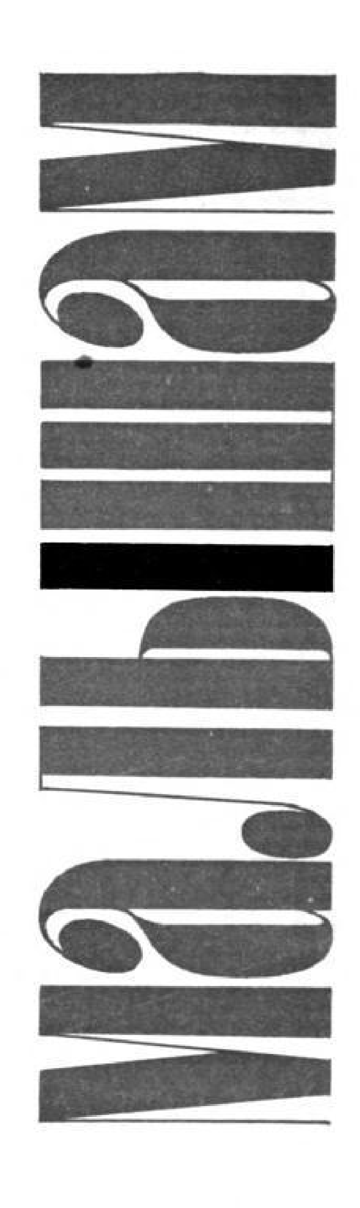
...Короткий пробег по трассе заканчивается. Испытателю надо продолжать накручивать километры. Пока их немного — всего две с половиной тысячи пробежал «ФИАТ-124» по дорогам Подмосковья.

В. ВАЛЕРЬЯНОВ

Фото М. Савина.

Нина ГОЛОВИНА

Лужица волшебная

Погляжу на лужицу —
В ней водица кружится,
Солнышком искрится.
Как воды напиться?

Подошла я к лужице,
Ой, головка кружится!
Ой, какая глубина,
Знать, волшебная она!

Там полнеба утонуло,
Там и солнышко уснуло.
А вон там из уголка
Выплывают облака.

Маленькая лужица,
В ней полсвета кружится.
Ой, какая ширина,
Знать, волшебная она!

Краснее помидора

Вл. РАЗУМНЕВИЧ Рассказ

В палисаднике под яблоней Сашин папа копал землю лопатой.

— Зачем ты это делаешь? — спросил маленький Саша.

— Чтобы рассаду из ящика пересадить в грядки, — ответил папа. — Осенью здесь созреют помидоры. Круглые и красные, как солнышко.

— Я тоже хочу сажать.

— Хорошо, сынок, бери кустик рассады и сам делай лунку. Все лето ты будешь ухаживать за своим растением, а я за своими. Посмотрим, чьи помидорины созреют раньше.

С тех пор папа утром в палисадник, Саша — за ним. Они рыхлили землю, окучивали и поливали всходы, выщипывали сорную траву. Каждый старательно трудился на своем участке.

Рассада разрасталась вширь и ввысь.

И вот настало время, когда на Сашином кустике завязалось сразу несколько зеленых комочков.

«Теперь помидоры покраснеют и без моей помощи, — подумал Саша. — Их солнышко подрумянит».

Он бросил лейку под яблоню, а сам по утрам убегал вместе со своим другом Борей Кукушкиным на реку купаться или играть в лапту на лужайке.

В палисаднике работал один папа.

— Опережу я тебя, сынок, в соревновании, — сказал он. — Каждое начатое дело надо доводить до конца.

Но Саша не послушался. И что же? Папины помидоры розовым соком налились, вот-вот совсем покраснеют. А на Сашином кустике они совсем зеленые.

— Как ни старайся, а папу мне все равно не догнать, — вздохнул Саша, и ему стало очень грустно.

— Не горюй, — сказал ему Боря Кукушкин. — У меня брат художник, и я один секрет знаю. Волшебный. Твои помидоры за одну ночь покраснеют!

...Утром, войдя в палисадник, папа замер от удивления: на Сашином кустике там и тут свисали с веток красные помидорины.

— Что за чудо? Еще только вчера были зеленые. Испробуем на вкус...

Папа наклонился, чтобы сорвать красный помидор. Но пальцы его прилипли.

И другие помидоры оказались такими же липучими.

— Что с ними?

Папа посмотрел на свою ладонь и все понял: красная краска пятнами отпечаталась на кончиках пальцев.

Он тяжело вздохнул и отвернулся от Саши, словно это был не его сын.

Саша стоял с опущенной головой и сгорал от стыда.

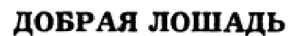
Лицо и уши у него были краснее самого спелого помидора.

Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ

Хвастунишки

Сказки

ДОБРАЯ ЛОШАДЬ

— Я умею кукарекать лучше всех! — расхвастался петух.

— А я могу бегать кверху лапками, — гордо прожужжала муха.

— А я могу стоять на одной ноге, — похвалялась цапля.

— А я все ночью вижу, — ухнула сова.

— А я... ничего... не умею... — захныкал цыпленок, и крупные слезы скатились с его коричневых глаз. И он так запищал, что все разбежались в разные стороны. Осталась только добрая старая лошадь, которая могла возить телегу.

— Успокойся, малыш, — сказала она цыпленку. — Ты ведь тоже можешь... разгонять хвастунов!

ХИТРЫЙ ОТВЕТ

Пришел на концерт маленький гусенок, послушал, как замечательно маленький кузнечик на скрипке своей играет, и говорит мамаше-гусыне:

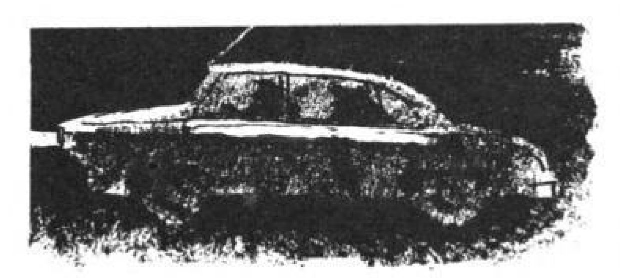
— Подумаешь... Я бы тоже так смог!

— Так в чем же дело? Попробуй! — стала подзадоривать его гусыня.

— Ах, у меня всего две лапки, — схитрил гусенок. — Если в одной я буду держать скрипку, а в другой — смычок, то как же тогда я смогу стоять на сцене?

Рисунки Ю. Зальцмана.

Невероятная версия

Записки работника МУРа

С. ДЕРКОВСКИЙ,
подполковник милиции

Коновалов пододвинул стул ближе к столу, на котором стоял магнитофон, сел напротив Спирина, положил руки на край стола.

— Получается, что я с Лией незнаком до сих пор, раз она называлась Инной. Да и с Инной меня никто не знакомил. Она сама... Как-то пришел с работы, мать подает записку от этой Инны, или Лии. Я прочитал, ничего не понял, кто, что и откуда. Она писала, что хочет встретиться. Я сразу клюнул на эту приманку...

Коновалов замолчал. Казалось, он никак не проглотит твердый комок, застрявший в горле. Наступила тишина. Слышно было только шуршание кассет магнитофона.

Потом он передернул плечами, вздохнул и продолжал уже почти бодро:

— Ну, что же? Поплыл Володька, поплыл! В общем, вот скоро два года, как она ко мне прилепилась. Рестораны, такси, такси, рестораны. Скучно, видите ли... Еще деньги да подарки. Вот костюм на мне — тоже она купила. И пальто. А я «фонарем» оказался. Думал, ну бесится женщина с жиру, надо посочувствовать. И вдруг заданьице...— С пренебрежением скривив рот, Коновалов снова замолчал.

— Какое же задание? Чтобы ее же ограбить? — с насмешкой спросил Карпенко, не заметив, очевидно, как я предостерегающе поднял палец, чтобы он помолчал.

— Да,— просто ответил Коновалов.— Сначала я испугался. Черт ее знает, что ей взбрело в голову, кто она такая? Если я и имени ее настоящего не знал,— судите сами. Она как-то так окрутила, что мне и противно было с ней встречаться и в то же время приятно. С Валей из-за нее поругался. Несколько раз решал бросить... И бросил, а она снова, ведьма, появлялась то там, то здесь со своими «пойдем, поедем». Надоело мне все это непонятное, стал ее раскалывать. Вот она и придумала задание... Нет, наверное, оно у нее давно было придумано.

Первая мысль была, что она шпионка, что хочет разузнать о заводе или еще о чем. Думаю, хоть я и был вором, но продаваться не собираюсь. Хотел заявить на нее, а потом подумал-подумал и решил, что засмеют меня с таким заявлением. Стал ее за горло брать, дескать, говори же, что я должен сделать. Долго тянула. Потом сказала: «Подбери хороших ребят, и как следует отколотите моего мужа. Чтобы у него ребра были поломаны, ну и, конечно, морду разукрасьте». Пообещала хорошо заплатить...

Только я на это сначала не пошел. Чуял, что когда-нибудь придется ответ держать. А она напирает все больше и больше. Начала упрекать, подсчитывать, сколько денег истратила на меня. То упрашивала, а то требовать стала. Тут и подвернулся мне Димка рыжий...

— Это Морозов, что ли? — спросил Горин, заглядывая в свои записи, сделанные на заводе.

— Да. А что, он тоже у вас? Сознался? — оживился Коновалов.

— Это не имеет значения, продолжайте, Коновалов,— сказал Спирин.

— Что ж продолжать?.. Мы выполнили задание, избили мужа этой Лии. Не знаю только, сколько ребер сломали. Она осталась довольна.

— Попутно квартиру ограбили? — снова не удержался Карпенко.

— Что значит ограбили? Мы никакую квартиру не грабили. Хватит. Я один раз ограбил, потом десять лет отзванивал.

— Ну как же? А деньги и часы сами в окно выскочили?

— Деньги и часы велела нам взять она. Сказала, что приготовит на столе, если вторично придем. Вот Димка их и забрал.

— Как это вторично? Что-то непонятно.

Усевшись поудобнее перед микрофоном, Коновалов стал рассказывать о встрече с Морозовым и его другом, сначала без особого энтузиазма, затем все смелее и смелее, без наводящих вопросов. Он раскрыл нам всю картину организации преступления.

...Однажды в день получки после работы Коновалов согласился посидеть в кафе с Морозовым и его другом. Считая Владимира хоть и ершистым, но надежным парнем, Морозов стал похваляться своими похождениями. Вскоре Коновалов и сам начал откровенничать. Между прочим, он сказал, что есть возможность хорошо заработать. Это заинтересовало Морозова. Надеясь отделаться в конце концов от Ильинской, Коновалов рассказал о ее задании.

— А сколько она даст? — спросил Морозов.

— Я не торговался. Думаю, не обидит, раз так добивается,— ответил Коновалов.

— Давай я с ней потолкую. Я вола крутить не буду: сумма такая-то, условия такие-то. А он здоровый мужик, Володя? Втроем справимся?

— Я его не видел, но знаю, что спортсмен, высокий ростом. Да я тебя с ней сведу скоро. Может, пойти сейчас брякнуть, чтоб подъехала? — не очень решительно спросил Коновалов.

— А что тянуть? Давай. За моего друга не беспокойся: могила. Иди звони,— сказал Морозов.

— Ну что, приедет? — был его нетерпеливый вопрос, когда Коновалов вернулся из телефонной будки.

— Сегодня в восемь на Савеловском, в ресторане.

В начале девятого вечера в ресторане за столиком в углу сидела странная компания. Но на нее никто не обращал внимания.

Говорила в компании только женщина. Условившись о сумме, она выложила пятьдесят рублей аванса и рассчиталась за заказ.

План нападения заключался в том, что через три дня вечером Ильинская вместе с мужем выйдет из дому по направлению к стоянке такси, чтобы ехать на вокзал. Они обязательно будут проходить под аркой дома, где очень темно и можно беспрепятственно совершить нападение.

— Только, ребята,— закончила свои условия Ильинская,— после того как сделаете дело, обязательно снимите с него пиджак, а у меня возьмите вот эту сумку. В ней будет все для вас приготовлено.

В назначенное время поздно вечером трое свернули с Тишинской площади на улицу. За пазухой каждый из них прижимал стальную болванку длиной около полуметра, заправленную в резиновый шланг. Поравнявшись с аркой, они юркнули в подъезд противоположного дома и стали ждать, когда настанет момент выполнить грязное поручение — напасть на ничего не подозревающего человека. Через несколько минут вечернюю тишину должны были разорвать крики избиваемого, свистки дворников.

Наконец в полумраке под аркой показались мужчина и женщина.

— Они,— сказал Коновалов.

— Пусти, я первый,— рванулся Морозов к двери.

— Стой! Не пойдет! Смотри.— Коновалов показал в глубь двора.

Во двор выкатилась веселая компания молодежи — смех, песенка, гитара.

Ильинские свернули к площади и сели в такси. Обозленные неудачей, сообщники покинули свою засаду и разошлись по домам.

На следующий день после работы у проходной завода рассвирепевшая Ильинская подскочила к Коновалову.

— Ну что, трусы, испугались? В чем дело?

— Ты что, Инна, народу сколько было,— пытался оправдаться Коновалов.

— А подождать не могли? Я ведь через полчаса вернулась. Специально задержалась во дворе, а вас и след простыл. Где твои дружки? Я хочу говорить со всеми... Давай ищи их, и туда же, на Савеловский!

Через четверть часа Коновалов вместе с дружками направился на Савеловский вокзал.

— Смотри, Володя, какая настырная баба! — удивлялся Димка.— С характером. Ну, сильна! Такая чего хочешь добьется. Вот взять в жены такую змею, а?

— Я ее знаю, на своей шкуре испытал,— ответил Коновалов.

— Черт с ней! — махнул рукой Морозов.— Посмотрим, что она сегодня придумала. Только всухую разговор не пойдет. А может, мужики, мы еще раза два-три отложим, пусть попоит да покормит? Вот будет житуха...

В ресторане все трое подсели к Ильинской, которая была совсем не такая, как вчера. Злое лицо, хмурые брови, жадные затяжки сигаретой...

— Так не пойде-е-ет, друзья! — тянула Лия Михайловна.— Я считала, что вы верны своему слову, надеялась. А вы? Трусы. Испугались трех мальчишек. Шкурами своими дорожите?

— Тиш-ше, гражданочка. Все будет сделано. Были бы гроши,— выразительно шевеля пальцами, сказал Морозов.

— Сделано, сделано! Разболтался. Сегодня все должно быть кончено. Откладывать уже не разрешаю.

— Там же, под аркой? — уточнил Димка.

— Нет, вы опять какого-нибудь котенка испугаетесь. Сегодня с наступлением темноты пройдете в глубь двора. Там есть пустой дом. Володя знает. В нем можно подождать, и как только мы ляжем спать, через окно проберетесь в квартиру. Что дальше делать, вам известно. За углом дома лежит лестница. Я ее сегодня шагами измерила, как раз до окна достанет. Окно будет открыто, цветы я уберу. Главное — внезапность. Не допускайте, чтобы он включил свет. Что будет лежать на столе — заберете, там хватит на всех. Мне сейчас некогда с вами рассиживаться, я поехала. Допивайте, закусывайте. Володя, вот деньги на перчатки. Обязательно купите, в любой аптеке найдете. Меньше следов останется, ясно? — вставая, закончила Ильинская. Бросила на стол деньги и вышла.

— Володя, закажи еще бутылочку,— попросил приятель Морозова, кивая на оставленные деньги.

— А перчатки? Считаете, не нужны? Или хватит на то и на другое?

Окончание. См. «Огонек» №№ 23—25.

Забавные

ПУШКИНСКИЙ ДУБ

В центре города Майского (Кабардино - Балкарская АССР) стоит огражденный забором огромный дуб. Как считают специалисты, дереву около трехсот лет. Жители города называют его пушкинским дубом.

По преданию, в 1829 году А. С. Пушкин, следовавший в Грузию, отдыхал под этим деревом.

Х. БОЛОТКОВ

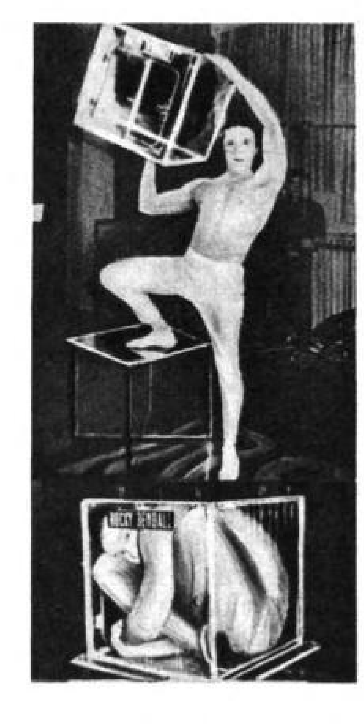
ГИМН ТИШИНЕ

Во французских музыкальных магазинах появилась новая грампластинка под названием «Гимн тишине». Вначале приятный низкий голос произносит несколько слов о тишине, после чего пластинка беззвучно вертится.

НЕ ДОЛЖЕН БОЯТЬСЯ ЩЕКОТКИ...

Дирекция зоопарка в городе Филадельфии (США) поместила в газете объявление, в котором сказано, что в павильон с обезьянами требуется сторож. Единственное условие для кандидата на это место: он не должен бояться щекотки...

ЧЕЛОВЕК-РЕЗИНА

Так называют изображенного на снимке швейцарца Ронки Рендола. Рост его 173 сантиметра, однако он умудряется забраться в прозрачный ящик, самая большая сторона которого — 49 сантиметров.

ВЕЛОСИПЕД С ПРИЦЕПОМ

Этот снимок, на котором изображен папаша, столь оригинальным способом перевозящий своих малышей, получил одну из первых премий на выставке фотографий в Гааге.

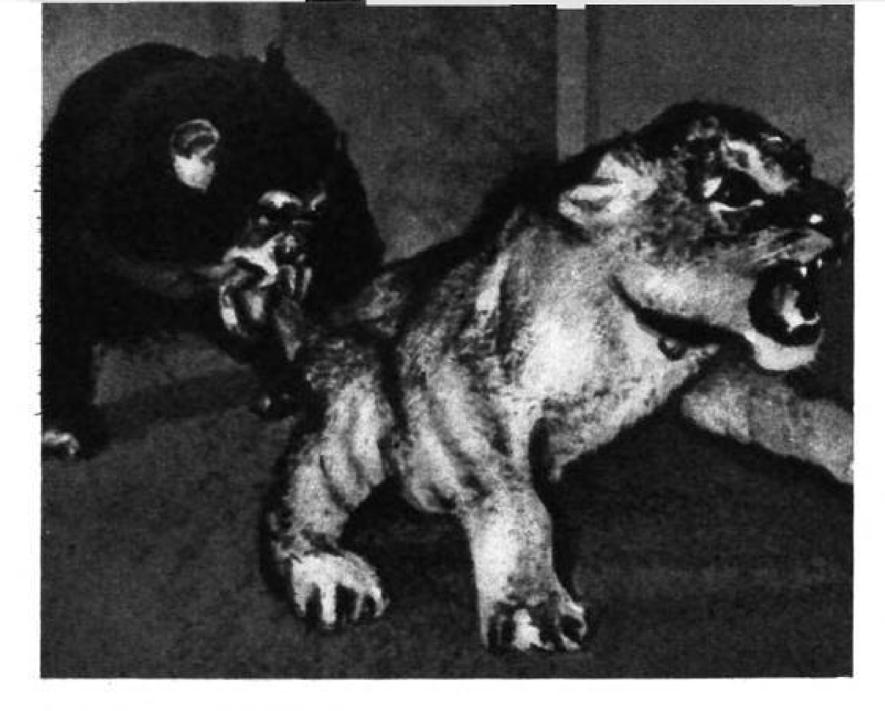
ПОЛЕТ НА МОТОЦИКЛЕ

Англичанин Гленхил совершил полет на мотоцикле над двадцатью своими одноклубниками, лежащими на земле, и выиграл пари.

НУЖЕН ШПИОН

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» дала объявление о том, что одной крупной киностудии требуется в качестве эксперта и технического советника бывший шпион. В объявлении также сказано: «Все анкетные данные о бывшей шпионской деятельности будут храниться в тайне».

КАК БЫ НЕ РАСКАЯТЬСЯ ПОТОМ...

Будущий царь зверей львенок Луи из американского передвижного цирка часто подвергается нападению своего коллеги шимпанзе по кличке Чипс.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Конь Фрей и овчарка Гни живут в одном шведском селении. С большой радостью проходит встреча этих старых друзей.

— На кой они нам? Вот у меня в кармане изоляция, обернем пальцы, и порядок,— успокоил Димкин приятель.

...Около двенадцати ночи, прихватив с собой бутылку водки и закуску, трое по одному прошли в глубь двора, поднялись на второй этаж пустого дома. Ждать пришлось долго. Перед «делом» решили выпить...

Объяснение Коновалова затянулось. Поздней ночью, когда он еще продолжал свой рассказ, был задержан Морозов.

После непродолжительного запирательства он полностью подтвердил показания Коновалова, назвал фамилию и адрес приятеля-электромонтера Копыткина Виктора Игнатьевича, который, знакомясь, обычно называл себя Виталием. Уже в машине по пути в МУР он рассказал Карпенко и Панкратову о ночном нападении, пообещал на следующий день вернуть часы, которые подарил своей знакомой.

На схеме около «неизвестного Володи» появились две пометки: «Морозов», «Копыткин».

Перед нами стал вопрос о четвертом, с первых дней нам известном человеке,— о нашей потерпевшей, Ильинской Лии Михайловне. Откровенно говоря, хотелось тут же послать за ней и послушать, что она скажет в свое оправдание, как объяснит собственное поведение, какую придумает причину. Однако мы решили, что все-таки надо кому-нибудь из нас завтра съездить на работу к Ильинской и постараться хоть кое-что узнать о ее образе жизни. Поехал Горин.

В три часа дня он уже был в МУРе. Добытые им сведения были очень интересны и частично раскрывали причину мерзкого поведения Ильинской.

Люди, знавшие Ильинских, зачастую удивлялись отношению Лии Михайловны к своему мужу. Хотя скандалов между ними никогда не бывало и Лия Михайловна никогда откровенно не выказывала свою ревность, многие замечали, что она ревнует мужа к каждой женщине. Стоило ей заметить хотя бы улыбку на лице мужа, беседовавшего с кем-нибудь из сотрудниц, как глаза ее загорались ревнивым огнем.

В геологоразведочных партиях Ильинская ни на шаг не отпускала его от себя, хотя во многих случаях совместное их пребывание не вызывалось необходимостью или было даже в ущерб делу. Все были убеждены, что любовь Ильинской к мужу слепая, безрассудная.

Одна из сотрудниц рекомендовала Горину побеседовать с бывшей подругой Ильинской — Лобановой Анной Георгиевной, преподавателем музыки, которая знает Лию Михайловну с детских лет.

Горин поехал к Лобановой. Оказалось, что она в детстве жила в районе Преображенки, хорошо знала Лию Бушуеву, которая впоследствии стала Ильинской.

С 7-го по 10-й класс Анна училась вместе с Бушуевой. Они были задушевными подругами. Как младшая в семье, Лия росла избалованной девчонкой, ей дозволялось все, даже то, за что старших наказывали. После смерти отца ее мать вышла замуж за другого. Отчиму дети были помехой. Старшие вскоре ушли, обзавелись семьями, а младшая, Лия, оставалась с матерью. Отчим часто попрекал ее куском хлеба, при каждой возможности унижал. Лия часто вступала с ним в перебранку, старалась восстановить мать против него. Мать оказывалась среди двух огней: ей хотелось угодить и мужу и дочери. Когда Лия закончила 10-й класс, отчим попытался заставить ее работать, но она убедила мать в необходимости продолжать учебу.

О любви к Ильинскому Бушуева рассказывала Лобановой еще студенткой. Для нее Ильинский был самым красивым и самым умным парнем.

Когда Лия объявила Лобановой, что Ильинский ее любит и обязательно на ней женится, Анна поздравила ее с успехом, пожелала удачи.

И вот Бушуева стала Ильинской. При каждой встрече с подругой Ильинская намекала, что ее муж нравится абсолютно всем женщинам, что он наверняка ей изменяет, что она день и ночь думает над тем, как его удержать. Вскоре после знакомства Лобановой с Николаем Петровичем Лия высказала подозрение, что он влюбился и в Лобанову. Это уже не укладывалось ни в какие рамки, и после крупного разговора они стали встречаться все реже и реже. Последние два года почти не виделись, и Лобанова ничего не могла сказать о взаимоотношениях Ильинской с мужем, но была уверена, что для того, чтобы удержать его, Лия способна на любой шаг.

И вот мы решили поговорить с Ильинской. Вопрос о ее задержании согласован с прокурором. Я приказал Карпенко доставить Ильинскую на Петровку.

...Мой кабинет наполнился ароматом духов. Лия Михайловна, поздоровавшись, села на диван, закинула ногу на ногу, достала из сумочки сигарету, закурила.

— Хорошо, что вы меня сегодня пригласили, завтра было бы поздно. У меня уже путевка и билет в Сочи,— низким грудным голосом сказала она.

— Это неплохо,— заметил Спирин,— отдохнуть и полечиться нужно каждому человеку. Вот у меня тоже путевка в кармане и уже начинает «гореть». Завтра следовало бы быть в санатории, а я еще в Москве. Да и не знаю, когда выберусь.

— Значит, вы ее не заслужили,— засмеялась Ильинская.— Вот бандитов этих не нашли, а мне даже вспоминать страшно о том, что было. В последнее время совсем плохо себя чувствую. На днях нам уже решетки установили на окна, второй замок врезали.

— Это все — напрасное старание,— заметил Карпенко.

— Почему вы так думаете? — насторожилась Ильинская.

— Хотя бы потому, что у нас есть уголовный розыск, о чем вы, гражданка Ильинская, забыли,— продолжал Слава.

— Я прекрасно осведомлена, молодой человек, о существовании вашего уголовного розыска. Думаю, что и решетки у вас прочнее наших. Но вы мне скажите: когда за этими решетками будут бандиты?

Карпенко включил магнитофон, зазвучала приятная мелодия.

Ильинская словно поперхнулась:

— Вы что? Пригласили меня музыку слушать или говорить по делу?

— Успеете, Лия Михайловна, разве вы не любите музыку? — съязвил Карпенко.— Вот сейчас закончится этот вальс, и вы услышите нечто более интересное. А что касается вашего отдыха, то мы о нем уже позаботились. Особые сборы вам не потребуются.

Слава переключил магнитофон на перемотку, а затем снова включил звук и увеличил громкость.

«...Как-то пришел с работы, мать подает записку от этой Инны, или Лии. Я прочитал...» — раздался голос Коновалова.

— Не надо! — закричала, внезапно побледнев, Ильинская.

Карпенко выключил магнитофон.

Успокоившись, она попросила бумагу.

— Я сама все опишу. Все! Все! С самого начала!

— Мы знаем и начало и конец,— сказал Спирин.— От вас хотели бы услышать только, для чего вы все это устроили.

— Для чего?! — истерично закричала Ильинская.— Он красивый, здоровый, молодые женщины ему проходу не дают... А я для него уже стара... Стал бы калекой — никому такой не нужен, только мне. Не хочу! Не могу! — И, как-то сникнув сразу, добавила: — Вам не понять...

И правда, мы этого не поймем, не можем понять...

* * *

В зал вошел секретарь суда. Вслед за конвоирами, доставившими арестованных, хлынула плотная масса желающих услышать приговор.

— Встать! Суд идет!

Скрип стульев. Шарканье ног. Покашливание. Зал и коридор замирают.

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...— раздается торжественный голос председательствующего.

Каждое его слово с жадностью ловят все. Кроме...

Николай Петрович стоит у окна в коридоре. Слушает ли он этот приговор? Вряд ли. Он еще, кажется, не оправился от потрясения.

А из зала суда доносится:

— Коновалова Владимира Борисовича, Морозова Дмитрия Герасимовича, Копыткина Виктора Игнатьевича — признать виновными и подвергнуть лишению свободы сроком на три года каждого.

Ильинскую Лию Михайловну — признать виновной и подвергнуть лишению свободы на два года...

НА ПЯТИМЕТРОВОЙ ВЫСОТЕ

Геннадий Близнецов, ученик тренера сборной команды страны В. М. Ягодина, выступая 3 июня в Италии, установил новый всесоюзный рекорд — 5 метров 5 сантиметров. Этот замечательный атлет вполне может претендовать и на рекорд мировой, но на сей раз ему не повезло: на высоте 5 метров 10 сантиметров сломался шест, а с первым попавшимся на таких высотах делать нечего.

Тут надо поговорить об оружии шестовиков, которое решает столь многое.

Еще на XVI Олимпийских играх в Мельбурне греческий спортсмен Георгес Рубанис выступил не с обычным металлическим шестом, а сделанным из какого-то синтетического материала. Но хоть Рубанис и занял третье призовое место, дебют синтетического шеста прошел незамеченным, и на следующей олимпиаде, в Риме, спортсмен, завоевавший золотую медаль, добился этого, пользуясь обычным металлическим шестом. Однако это была лебединая песня металла — на смену ему шел уже фиберглас: синтетическое вещество, соединившее в себе упругость самого лучшего бамбука и прочность стали. Но это не было механическим соединением двух столь необходимых для шеста элементов. У фибергласса оказались такие резервы, которые никто не мог предвидеть. Ни один спортсмен в мире, пользуясь металлическим шестом, не поднимался выше 4 метров 83 сантиметров. Следующий рекорд — 4 метра 89 сантиметров — был установлен американцем Юлсессом, освоившим фибергласcовый шест, а вслед за Юлсесом финский спортсмен Пенти Никула поднял рекорд до 4 метров 94 сантиметров. Когда же прыгун США Брайан Стернберг первым перевалил пятиметровый рубеж, события стали развиваться еще более стремительно. Джон Пенелл один за другим установил три рекорда — 5.10, 5.13, 5.20; в 1964 году Фред Ханзен на матче СССР — США в борьбе с Близнецовым прыгнул на 5 метров 28 сантиметров. И вот новая поправка: совсем недавно Роберт Сигрен (США) совершил прыжок на 5 метров 32 сантиметра.

Сторонники металлических шестов не сразу признали удивительные возможности шестов синтетических. Шли разговоры о том, что фиберглас не требует от спортсменов ни высоких физических качеств, ни технического мастерства. Однако поклонники новых шестов доказали, что без атлетической подготовки и освоения новой техники с синтетическим шестом ничего не добьешься.

Советским спортсменам нелегко далось освоение новых шестов. И первым успеха добился Геннадий Близнецов. Исключительно волевой, спокойный, смелый и целеустремленный атлет, он уже не раз побеждал лучших шестовиков Европы и Америки. Неделю назад в Лондоне, на матче СССР — Великобритания, Близнецов установил новый всесоюзный рекорд — 5 метров 9 сантиметров.

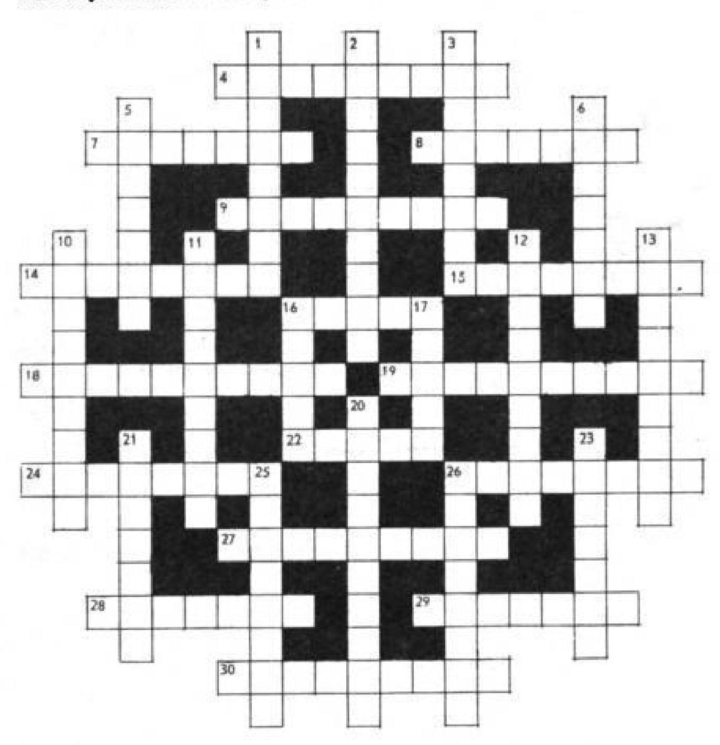
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский живописец, театральный художник. 7. Материал для строительства дорог. 8. Прибрежное судоходство. 9. Автор оперы «Дубровский». 14. Персонаж сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик». 15. Горючий газ. 16. Стиль плавания. 18. Озеро в Африке. 19. Государство в Европе. 22. Тропическое растение. 24. Машина для перекачивания смеси грунта с водой. 26. Подножие колоннады. 27. Пушной зверек. 28. Столярный инструмент. 29. Советский авиаконструктор. 30. Порт в Индии.

По вертикали:

1. Остров в Тирренском море. 2. Медно-никелевый сплав. 3. Промысловая рыба. 5. Город в Иране. 6. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 10. Счетный работник. 11. Роман Т. Драйзера. 12. Часть математики. 13. Специалист по лечению животных. 16. Коробка подшипника оси вагона. 17. Слоистый минерал. 20. Драма Шиллера. 21. Планка между стеной и полом. 23. Танец. 25. Предприятие общественного питания. 26. Отрывистое воспроизведение музыкального звука.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

6. Макензи. 7. Монотип. 8. Тетерев. 9. Вальпараисо. 11. Грабли. 15. Ангара. 17. Ноктюрн. 18. Благодать. 19. Микроскоп. 21. Федотов. 22. Эстамп. 24. «Эгмонт». 28. Калькуляция. 29. Паровоз. 30. Ложбина. 31. Марокко.

По вертикали:

1. «Контора». 2. Ампула. 3. Гекзаметр. 4. Ситник. 5. Маринка. 9. Волоколамск. 10. Орнитология. 12. Рефлекс. 13. Портрет. 14. Артишок. 16. Рагозин. 20. Кондуктор. 23. Теберда. 25. Обелиск. 26. Плазма. 27. Оцелот.

На первой странице обложки: Студентка Ясмин Даджи (Дели).

Фото В. Николаева.

На последней странице обложки: Рекордсмен Советского Союза по прыжкам с шестом Геннадий Близнецов.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10615. Подписано к печати 22/VI 1966 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л. Печатн. листов 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1149. Заказ № 1666.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В конце прошлого года гостем нашего клуба «На огонек» был представитель французской фирмы «Кристиан Диор» господин Жан Греп, который интересно рассказывал о парижской моде и обещал прислать нашим читателям фотографии новой коллекции фирмы.

Свое обещание господин Жан Греп выполнил. Мы публикуем последние модели парижской фирмы «Кристиан Диор».

* * *

В этом сезоне во **Франции** модны очень **короткие** туалеты.

Дневные платья **слегка** расширены **книзу** или прямые, **свободные**. Костюмы — **с** маленькими **прямыми**, неприталенными жакетами. **Линия** плеч заужена, **рукава** вшиты высоко. **На** юбках спереди **разрез**.

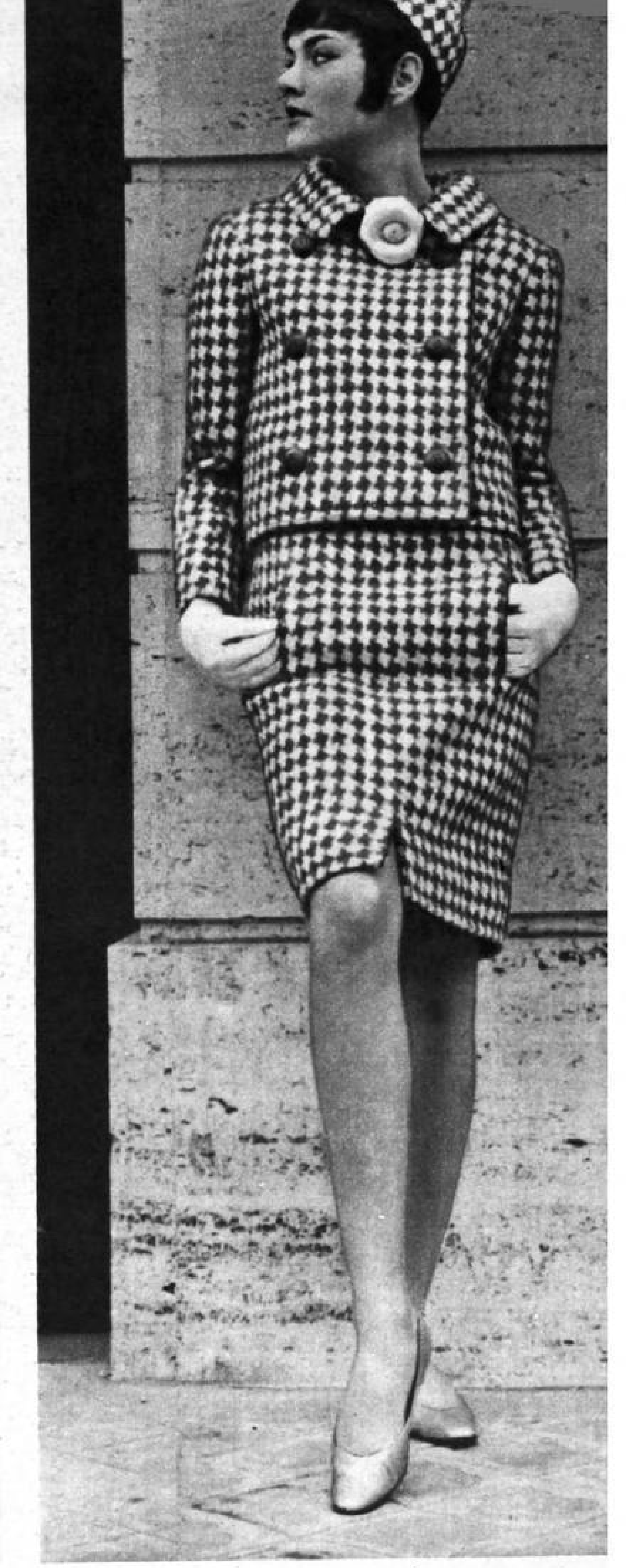
Пальто, очень широкие или прямые, короткие — короче платьев и юбок, с маленькими стоячими воротниками или без воротника. Шарфы — шелковые — яркие и легкие. Туфли с квадратными носами и каблуками.

Вечерние платья из **легких** тканей отделаны вышивкой с национальным орнаментом, блестками. Для всех туалетов модны **яркие**, контрастирующие тона.

МОДЕЛИ „КРИСТИАН ДИОР"

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663